

**КЕЙТ
ЛАУМЕР**

**Звездные
мошенники**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Кейт Лаумер

Звездные мошенники

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Лаумер К.

Звездные мошенники / К. Лаумер — «Азбука-Аттикус»,
2020 — (Фантастика и фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-19262-1

Прежде чем стать писателем, Кейт Лаумер служил военным летчиком и дипломатом. К профессиональным знаниям, приобретенным в те годы, органично добавились его врожденная изобретательность, неисчерпаемая энергия, неподражаемый юмор – и получился успешнейший автор, который теперь считается одним из двадцати лучших американских фантастов второй половины XX века. Его герои обладали замечательным свойством – стоило им впервые появиться на книжных страницах, как в них моментально влюблялись читатели. Перед вами коллекция лучших произведений Лаумера, от «Грейлорна» и «Дипломата при оружии», «открывших» его литературную карьеру, до знаменитого «Берега Динозавров». Большинство произведений, вошедших в этот сборник, впервые публикуются на русском, либо представлены в новых переводах. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-19262-1

© Лаумер К., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Грейлорн	8
Боевая машина	39
Дипломат при оружии	48
На пороге	74
Гибрид	79
Кокон	89
Все, что угодно	99
Звездные мошенники	123
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Кейт Лоумер

Звездные мошенники

- © А. Б. Бурцев, перевод, 2021
  - © П. А. Вязников, перевод, 2021
  - © В. П. Ковалевский (наследник), перевод, 2021
  - © К. М. Королев, перевод, 2021
  - © Г. Л. Корчагин, перевод, 2021
  - © Э. А. Несимова, перевод, 2021
  - © А. Ю. Орлов, перевод, 2021
  - © О. М. Степашкина, перевод, 2021
  - © С. Б. Удалин, перевод, 2021
  - © А. И. Шейкина, перевод, 2021
  - © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
- Издательство АЗБУКА®

Грейлорн

Перевод А. Бурцева

ПРОЛОГ

Перешептывания в зале совещаний прекратились, когда вошел всемирный секретарь и занял свое место во главе стола.

– Дамы и господа, – обратился он к присутствующим, – сегодня я не стану докучать вам формальностями. За дверью ждет представитель военно-космического министерства, чтобы объяснить суть предлагаемого этим органом плана. О котором вы уже имеете некоторое представление, поскольку он был рассмотрен Совещательной группой и сочтен выполнимым. Теперь на вас возложили ответственность за принятие решения. Я прошу, чтобы каждый из вас, работая над выводами, помнил: текущую ситуацию нельзя назвать иначе как отчаянной, а значит, она требует отчаянных мер.

Секретарь повернулся и кивнул сидевшему возле двери адмиралу с аксельбантами. Тот вышел за дверь и сразу вернулся с молодым, но уже сидящим мужчиной в военно-космической форме.

– Уважаемые члены Совета, – сказал адмирал, – позвольте вам представить командера Грейлорна.

Все не спускали глаз с офицера, когда он шел по комнате, чтобы занять пустовавшее место в конце стола.

– Ваше слово, командер, – произнес секретарь.

– Спасибо, господин всемирный секретарь. – Голос командера был низким и неторопливым, но звучал четко и властно, и начал вновь прибывший без всякого вступления. – Сорок три года назад, когда Всемильное правительство создало Разведывательные войска, были приложены огромные усилия, чтобы связаться со всеми двадцатью пятью мирами, куда в течение всей Колониальной эпохи, с середины двадцатых веков, правительство отправляло отряды колонистов. В начале нынешнего года вернулись последние разведчики, и мы вынуждены были признать, что не получим от колоний никакой помощи.

Командер повернулся к карте мира, висевшей на стене. Не считая Северной Америки и узкой полосы прибрежных вод, вся она была нездорово-розового цвета.

– Согласно последней сводке от морского министерства, за каждые двадцать один час мы теряем квадратную милю суши, – продолжал он. – Быстро развивается способность организма противостоять любым оказываемым нами химическим и биологическим воздействиям. Зондирование атмосферы показывает, что уровень содержания вредных примесей продолжает устойчиво расти. Другими словами, несмотря на максимальные усилия, мы не можем сдерживать Красный Прилив.

Послышалось невнятное бормотание, члены Совета неловко заерзали на сиденьях.

– К проблеме повышения нашей наступательной мощи было привлечено много светлых умов, – продолжал командер. – Но по-прежнему мы испытываем дефицит рабочей силы и других необходимых ресурсов. Наши мелкие достижения в этой борьбе ни в коей мере не компенсируют людские и территориальные потери. Иными словами, мы проигрываем.

Командер умолк, чтобы переждать усилившийся ропот.

– Все же остался еще один вариант, который мы до сих пор упускали из виду, – продолжил он, – и недавние работы, проведенные на Полярной научно-исследовательской станции, доказали его перспективность. Я имею в виду колонию Омега.

Вскинулся дородный советник.

– Но ведь местоположение колонии неизвестно!

– Пожалуйста, – вмешался секретарь, – позвольте командеру закончить. У вас будет вдоволь времени для обсуждения.

– Контакт с этой колонией не установлен по двум причинам, – объяснил командер. – Во-первых, сначала не было известно ее точное местоположение. Во-вторых, оказалось, что расстояние до нее вдвое больше, чем до любой другой колонии. В то время все мы были преисполнены оптимизма и считали, что эта попытка будет лишней. Но теперь ситуация изменилась, и задача установления связи с Омегой приняла первостепенную важность. Результат упомянутых мной работ – двигатель принципиально нового типа, благодаря которому мы получаем гораздо больший объем космического пространства для исследований. Сорок лет назад, чтобы добраться до области, где предположительно находится Омега, нужно было потратить почти век. Сегодняшние технологии позволяют нам создать миниатюрный разведывательный корабль, способный долететь туда за пять лет. Век мы здесь не продержимся, но десять лет – наверняка. Что же касается местонахождения, то мы знаем, в каком направлении отправилась экспедиция. Разумеется, планом предусматривалось, что точная цель будет выбрана экипажем уже после приближения к звездному скоплению на расстояние, позволяющее исследовать планеты при помощи телескопа. Нет никаких причин, которые помешали бы экипажу нашего разведчика сделать то же самое и отыскать Омегу. Она была последней колониальной экспедицией, отправленной людьми, и стартовала спустя два века после прежних. А еще она была самой крупной и лучше других оснащенной и не ограничивалась одним пунктом назначения, имея большой выбор потенциально пригодных мест и самые передовые средства планетарных исследований. Я вполне уверен в том, что Омега успешно основала колонию, которая к нынешнему времени развилась в молодую энергичную цивилизацию. Благородные члены Совета, я утверждаю, что все ресурсы нашей планеты должны быть переданы в распоряжение специалистов для строительства пятидесятитысячетонного разведывательного корабля и для изучения области пространства, в котором находится так называемое Скопление Омега.

Всемирный секретарь прервал шум, поднявшийся сразу после того, как офицер замолчал.

– Дамы и господа, время не ждет. Давайте сразу перейдем к насущным вопросам. Советник Клейл, вам слово.

Дородный мужчина так и впился взглядом в военного.

– Если мы примем ваше предложение, командер, то будем вынуждены снять значительные мощности с обороны. А это означает, что мы уступим позиции по всей планете. Если же эти мощности потратить на решительное наступление, то мы еще сможем склонить чашу весов на нашу сторону. Вместо этого нам предлагают искать остатки колонии, чье местонахождение практически неизвестно. Да если она и выжила, то наверняка, аналогично ее старшим сестрам, значительно отстала от нас в развитии.

Командер мрачно выслушал его, не перебивая.

– Господин советник, – произнес он, когда тот закончил, – что касается обороны, то она бесполезна – мы уже проиграли войну. Сейчас у нас больше знаний, чем было в начале эпидемии. Если бы мы в течение последних двух веков не пренебрегали так преступно физикой, то, возможно, разработали бы соответствующие методы, прежде чем лишились огромных областей и человеческих ресурсов. Но теперь мы не способны производить новое вооружение, которое с большим опозданием создали наши уцелевшие лаборатории. Давайте будем реалистами и признаем, что нет никакой надежды на успешное наступление. А насчет местоположения Омеги могу вас успокоить: наш план основывается на том факте, что выбор цели был сделан не наугад. Разведчик пройдет по курсу Омеги, известному по наблюдениям, которые велись в течение трех лет после ее отлета. Мы намерены лететь в том же направлении, изучая

перспективные звезды. Обнаружив планету, приблизимся к ней и проверим, пригодна ли она для жизни. Мы вполне можем предположить, что Омега не прошла бы мимо такого мира. Если все это время колония успешно развивалась, то доказательства наличия цивилизации должны быть заметны издали.

– Безумие, – пробормотал Клейл и поник в кресле.

– Коммандер Грейлорн, – негромко заговорил член Совета, сидящий слева, – если эта колония успешно развивалась, почему же она за два века не связалась с материнской планетой?

– Об этом, господин советник, мы можем только догадываться, – ответил коммандер. – Предположим, на полет ушло лет пятьдесят-шестьдесят. А потом был неизбежный и достаточно долгий период освоения нового мира и расширения колонии. Как думаете, стали бы колонисты в таких условиях тратить серьезные ресурсы на организацию экспедиций?

– Не понимаю, на чем основана ваша уверенность в том, что гипотетические колонисты Омеги способны предоставить нам серьезную помощь, даже если и захотят, – произнес еще один советник, женщина с очень прямой осанкой. – Слишком мало у них было времени для освоения нового мира.

– План роста населения колонии, госпожа, предусматривает увеличение от десяти тысяч до сорока в течение первых двадцати лет, после чего, разумеется, темпы станут еще выше. Учитывая, что с момента прибытия Омеги должно было пройти не менее шестидесяти лет, мы получаем более ста шестидесяти миллионов человек. А за ростом населения следует и все остальное.

Два часа спустя всемирный секретарь подвел итог:

– Леди и джентльмены, теперь у нас есть все факты. А еще есть расхождения в их интерпретации, но дальнейшая дискуссия никоим образом не поможет эти расхождения устранить. Ставлю на голосование план, предложенный представителем военно-космических сил.

В зале заседаний Совета стояла тишина, пока регистрировались и подсчитывались голоса. Затем всемирный секретарь тихо вздохнул.

– Коммандер, – объявил он, – Совет утвердил разрешение. Я уверен, что, с общего согласия, вы возглавите этот проект, поскольку являетесь его автором, да к тому же именно вы руководили конструкторской группой, создавшей двигатель нового типа. Желаю успеха. – Он встал и протянул коммандеру руку.

Тридцать два часа спустя был установлен первый лист кия вооруженного курьерского корабля «Галахад».

1

Я ожидал проблем, покидая мостик. На корабле было тихо, пока я шел по коридору. Странно тихо, подумал я, даже зловеще тихо. Что-то вот-вот случится.

Я остановился перед дверью своей каюты, прислушался, затем прижал ухо к стене и уловил слабые звуки: щелчок и голоса. Внутри люди, и они стараются вести себя очень тихо. Я не был чрезмерно удивлен. Напряжение нарастает уже которую неделю, рано или поздно произойдет открытое столкновение. Я глянул вдоль коридора, полутемного в зеленоватом свете ночников. Никого не видно.

Различались три голоса, слишком тихие, чтобы их можно было узнать. Благоразумнее всего вернуться на мостик и приказать начальнику военной полиции очистить мою каюту, но интуиция подсказывала, что это лишь усугубит ситуацию. Все станет намного проще, если я справлюсь сам, без лишнего шума.

Ждать не было никакого смысла. Я достал ключ и беззвучно сунул его в замочную скважину. Дверь скользнула вбок, и я сразу шагнул в каюту. Посреди нее застыли в неловких позах

офицер медицинской службы Крамер и Джойс, помощник начальника секции связи. А на моей койке растянулся начальник службы снабжения Файн. Правда, он мигом сел.

Двое – с пистолетами, и хотелось бы знать, как далеко они готовы зайти. Моя задача состояла в том, чтобы не дать им поразмышлять насчет выбора.

Я не стал изображать удивление.

– Добрый вечер, джентльмены, – бодро сказал я, после чего подошел к бару, открыл его и налил в стакан виски. – Составите компанию?

Никто не ответил. Я сел. Необходимо опережать их, не упускать инициативу, не давать опомниться. Они рассчитывали, что услышат мое приближение и получают несколько лишних секунд. Но я переиграл их и сам воспользовался преимуществом внезапности. Теперь все зависит от того, насколько хорошо я разыграю свои карты.

Я чуть подался вперед, заметив, что Крамер вздохнул и наморщил лоб, собираясь действовать.

– Людям нужны перемены, отдых от монотонности. Я тут обдумал разные варианты.

Говоря, я в упор глядел на Файна. Он напряженно сидел на краю моей койки. И уже жалел о том, что своей тушей привел в беспорядок постель капитана.

– Например, поупражняться, пуская тренировочные ракеты по случайным целям, – продолжал я. – Еще можно устроить на борту тир для упражнений на меткость.

Я перевел взгляд на Крамера. Файн точно раскисается, что явился сюда, а Джойс не возьмет на себя инициативу. Так что моя проблема – Крамер.

– Вижу, у вас при себе «девятка», майор. – Я протянул руку. – Можно взглянуть?

Я надеялся, что опережаю его, не позволяю изменить ситуацию. Даже такому опытному офицеру, как Крамер, необходимо подготовиться, чтобы открыто игнорировать своего командира, особенно в мирной беседе. Но вооружился он отнюдь не в мирных целях...

Я смотрел на него, улыбаясь и не опуская руку. Крамер не был готов. Он вынул пистолет из кобуры и протянул мне.

Я открыл зарядную камеру, проверил индикатор. Пистолет был готов к бою.

– Хорошее оружие. – Я положил его на стойку бара справа от себя.

Джойс открыл было рот, чтобы заговорить. Но я мгновенно сменил дружеский тон на тот, которым распоряжаюсь на мостике.

– Покажите мне ваш пистолет, лейтенант.

Джойс залился краской, глянул на Крамера, затем молча отдал пистолет. Я задумчиво повертел оружие в руках и встал, небрежно держа его за рукоятку.

– А теперь, джентльмены, если не возражаете, мне нужно кое-чем заняться. – Я уже не улыбался, а холодно глядел на Крамера в упор. – Полагаю, мы пока сохраним в тайне нашу короткую встречу, – сказал я. – И еще полагаю, что могу обещать вам занятия на ближайшее будущее.

Они вышли друг за другом и выглядели глупо, как проповедники, пойманные полицией в рейде в борделе. Я стоял не шевелясь, пока за ними не закрылась дверь. Только тогда смог перевести дух. Я сел и одним глотком осушил стакан.

– Тебе повезло, парень, – сказал я вслух. – Три робких чудака.

Я посмотрел на оружие, лежащее на стойке бара. Один выстрел из «Марка-9» в такой тесной каюте мог бы сжечь нас всех четверых. Пистолеты я убрал в выдвижной ящик и зарядил собственный двухмиллиметровый браунинг. Я знал, что с проблемой еще не покончено. После такого провала Крамер должен сделать другой ход, чтобы вернуть свой престиж. Я отомкнул дверь и оставил ее чуть приоткрытой. Затем выключил ночник и растянулся на койке, положив браунинг-игольник на полочку возле правой руки.

Возможно, я сделал ошибку, отказавшись от максимально жесткой дисциплины на борту корабля. Считал, что неформальное общение куда лучше годится для долгого полета. Теперь у

нас непростая нравственная ситуация, и при первой же моей грубой ошибке может вспыхнуть мятеж.

Я знал, что в центре этой проблемы – Крамер. Он принадлежит к начальствующему составу и имеет немалый авторитет среди офицеров. Кроме того, будучи медиком, он изучил большую часть экипажа лучше, чем я. Я полагал, что знаю мотивы Крамера. Он всегда пользовался успехом у женщин. Когда добровольно вызывался на эту миссию, наверняка воображал себя романтическим героем, пустившимся в благородные, хотя и безнадежные поиски. Но теперь, после четырех лет в открытом космосе, Крамер понимает, что годы идут, моложе он не становится и ближайшее десятилетие проведет как монах. Ему захотелось немедленно повернуть назад и попытаться спасти то, что еще можно.

Казалось невероятным, что мысль о возвращении могла набрать столько сторонников, но приходилось считаться с фактом: мой экипаж почти в полном составе готов бросить поиски, практически еще не начавшиеся. Первый слухок дошел до меня пару недель назад, а потом идея распространилась по команде, как огонь по сухой траве. Теперь я уже не могу позволить себе радикальные меры; арест главарей вызовет взрыв. Есть лишь слабая надежда на добрые вести от службы наблюдения. Нас может спасти своевременная находка.

Пока что есть основания надеяться на успех. До сего момента все шло по плану. Мы следовали маршрутом Омеги и изучали встречные звезды, пытаюсь обнаружить возле них планеты. Первые находки сделали в начале четвертого года полета. За этим последовал долгий, нудный период исследований и наблюдений. Мы отвергали один мир за другим – планеты слишком массивные, слишком холодные, слишком близкие к звезде и слишком маленькие, чтобы удержать атмосферу. Всего мы обнаружили у четырех солнц двенадцать планет. И только одна выглядела стоящей более близкого знакомства. Но, подойдя на дистанцию прямого видения, мы обнаружили, что вся планета покрыта океаном.

Теперь у нас впереди пять звезд в пределах шести месяцев полета. Я надеялся со дня на день получить от наблюдателей сообщение о наличии планет. Возвращаться же назад, на Землю, у которой осталась единственная надежда на наш успех, – это нелепость, абсурд. Но именно таков замысел Крамера и его единомышленников.

Они не победят, пока я жив. Но все же я не мечтаю о лаврах мученика, ведь моя гибель означает крушение всех наших планов. Я намерен остаться в живых и добиться успеха.

Ожидая, я задремал.

И резко проснулся, когда тронули дверь. От прикосновения она отъехала в сторону, и тот, кто стоял за ней, явно этого не ожидал. Он замер на пороге, в льющемся из коридора слабом свете. Очевидно, Крамер все еще не уверен в себе. Я представил, как он мнетя, не зная, что предпринять. Несколько минут прошли в напряженной тишине, затем щель расширилась.

– Буду вынужден убить первого, кто войдет в каюту, – спокойно произнес я, но не взял оружие на изготовку.

Я услышал перешептывания. Затем в дверь просунулась рука и щелкнула выключателем. Но свет не загорелся, так как я успел повернуть общий рубильник. Эта маленькая неприятность внесла некоторое замешательство в чужой план, каким бы он ни был. Скорее всего, у пришедших с Крамером людей не было четкого плана. Вряд ли они знали, как свергать законную власть.

– Предлагаю не заниматься ерундой и разойтись по каютам, – сказал я. – Не знаю, кто стоит за дверью, поэтому вы можете остаться чистыми, если уйдете молча, не совершив серьезную ошибку.

Я надеялся, что это сработает. Что небольшое приключение поможет им стравить пар, даст пищу для разговоров на ближайшие дни. Я взял игольник. Если довод не подействует, то мне на самом деле придется кого-нибудь убить.

И тут я услышал металлический грохот. Несколько мгновений спустя зазвенели стоящие на полке вещи. Со стола спорхнули и разлетелись по полу документы. Свалилась бутылка виски и откатилась к стене. Я почувствовал, как койка накренилась подо мной, и включил интерком.

– Тейлор, говорит капитан. Что случилось?

Он ответил не сразу.

– Капитан, что-то врезалось нам в кормовую часть. Похоже на металлическое тело. Должно быть, оно огромное – заставило корабль вращаться. Я уже послал ремонтно-восстановительную бригаду.

Я услышал какой-то фоновый шум, затем голос зазвучал громче:

– Мм... Капитан, мы обнаружили отверстие в кормовой переборке. Я изолировал этот отсек. Но там мог кто-то погибнуть.

Я выключил интерком и ринулся в корму. Мои посетители уже исчезли. В коридорах мне попадались растерянные люди, они задавали вопросы. На бегу я связался с мостиком:

– Тейлор, объяви всему экипажу аварийную ситуацию.

Бежать стало трудно, так как палуба накренилась. Под ногами катились какие-то шестеренки, гонимые центробежной силой. В воздухе висели облака пара. Я приказал включить свет в секторе.

Из пара возник Клэй со своей ремонтно-восстановительной бригадой.

– Сэр, – доложил он, – пробиты в двух местах внешняя и внутренняя оболочки, обломки разлетелись по всему сектору. По меньшей мере трое мертвы и двое ранены.

– Тейлор, – сказал я в микрофон, – направьте сюда еще одну бригаду ремонтников. И медиков заодно.

Клэй и его люди надели маски и ушли. Я забрал маску у человека, находившегося в резерве, и последовал за ними. В грузовой секции была большая пробоина. Секцию загерметизировали, чтобы прекратить утечку воздуха.

– Клэй, – сказал я, – бросайте все, латайте дыру. Я пошлю на помощь вторую бригаду.

Я попятился из пара на чистый воздух и потребовал доклад у всех секций и служб. Хуже всего обстояли дела в запасной энергорубке, там были повреждены электрокабели и проводка связи. Мы чудом избежали более серьезных повреждений. Кстати, я впервые узнал о возможности столкновения с небесным телом на сверхсветовой скорости.

Удивительно, но угроза безопасности разрядила напряжение. Люди наконец-то перестали киснуть, один лишь Крамер ходил с мрачным видом. Восстановилась, по крайней мере на время, нормальная дисциплина на борту. В опасной ситуации экипаж по-прежнему полагался на капитана.

Ремонтно-восстановительные бригады работали без остановки семьдесят два часа, меняя кабели, занимаясь сваркой и последующим тестированием оборудования. Энергетики налаживали системы регенерации воздуха. Я ежечасно связывался с наблюдателями, надеясь, что хорошие новости поднимут моральный дух команды.

И вот в воскресенье утром, сразу после рассвета, на мостике появился лейтенант Тейлор, и был он бледен.

– Сэр, – сказал он, – наш урон куда серьезней, чем мы думали вначале.

– В чем дело, лейтенант? – спросил я.

– Мы не заметили еще одно попадание. По касательной задет морозильник, повреждены трубы с хладагентом. Внутри попал теплый воздух, все замороженные продукты оттаяли и сгнили. – Тейлора затошнило. – Надышался гнилью. Простите, сэр... – И убежал.

А вот это уже катастрофа.

Натуральные продукты – немалый груз, но мы были вынуждены его взять, поскольку химики еще не придумали искусственную пищу, способную удовлетворить все потребности человека. Какое-то время продержимся на витаминизированных концентратах, но некоторые

продукты невозможно ничем заменить. Не поможет никакая гидропоника. Каждому из нас нужно потреблять в неделю хотя бы пару килограммов мяса и овощей, выращенных на солнечном свете, иначе через несколько месяцев мы умрем.

2

Я знал, что Крамер не упустит выпавшего ему шанса. Как врач, он вправе заострить мое внимание на том факте, что нашему здоровью теперь грозит смертельная опасность. И я был уверен, что сделает он это максимально громко и публично при первой же возможности.

Лучшая мера противодействия – мое собственное выступление перед экипажем. Надо изложить факты в позитивном ключе. Это хотя бы отчасти уменьшит вред, который позднее причинит Крамер.

И я выступил – кратко и по существу.

– Экипаж, внимание, – сказал я по интеркому. – Мы понесли серьезный урон, лишились замороженных продуктов. Это не значит, что придется сокращать порции, на борту достаточно концентратов. Это значит, что нам предстоит страдать от недостатка полезных веществ. Но ведь мы отправились не на увеселительную прогулку. Мы выполняем миссию, которую нельзя провалить. Я просто напоминаю вам всем этот факт. А теперь продолжайте выполнять свои обязанности.

Я прошел в офицерскую кают-компанию, налил чашку синтекофе и сел. На экране сменялись виды Ямайки, в динамиках шипели волны, набегающие на песок, и кричали чайки. Глядя на красную корку, покрывшую Карибское море, я поморщился и переключился на изображение колосющихся полей.

В противоположном конце кают-компании сидели за столиком Киршенбаум и Мэннион. Оба молчали, сгорбившись над чашками. Интересно, на чьей они стороне? Мэннион, специалист по связи, неврастеник, но он военный старой закалки, дисциплина для него священна. Главный энергетик Киршенбаум – шутник с холодными глазами; он умнее, чем кажется на первый взгляд. Но достаточно ли он умен, чтобы понимать, что нам уже поздно идти на попятную?

В кают-компанию вошел Крамер и не стал терять времени. Он остановился в нескольких шагах от моего столика и громко сказал:

– Капитан, я хотел бы знать, каков ваш план теперь, когда у нас больше нет возможности продолжать полет.

Я отхлебнул синтекофе, глядя на проплывающие по экрану поля, и не ответил. Если можно довести его до бешенства, то необходимо приложить к этому все усилия.

Крамер побагровел. Очень уж не любил, когда его игнорировали. Двое за дальним столиком подняли на нас глаза.

– Капитан, – еще громче сказал Крамер, – как корабельный врач, я должен знать, какие меры вы принимаете, чтобы защитить здоровье людей.

Вот так-то лучше. Теперь он в обороне, объясняет, почему имеет право задавать такие вопросы капитану. Но нужно еще сильнее разгорячить его.

Я поднял голову.

– Крамер, – сказал я негромко, но отчетливо, – вы должны находиться на своем посту. Я не хочу, чтобы вы таскались по всему кораблю и болтали чепуху, не сменившись с вахты. – И я вернулся к кофе и экрану.

На нем теперь была река, а за ней, вдалеке, горы.

Крамер попытался обуздать ярость.

– Меня подменил Джойс. Я считаю своим долгом как можно скорее решить с вами этот вопрос, ведь от него зависит здоровье всех людей на борту.

Он явно старался держать себя в руках.

– Вахтенное расписание в аварийном режиме по-прежнему действует, майор, – тихо сказал я. – Вернитесь на пост.

Я сыграл на привычке соблюдать дисциплину, будучи уверен, что Крамер сейчас не рискнет грубо нарушить устав, не пойдет на прямое неподчинение. Завтра, возможно, ситуация будет другой, но сейчас я ломаю его план.

Крамер сник.

– Я встречаюсь с вами в штурманской рубке, Крамер, – сказал я, когда он уже поворачивался. – В семнадцать ноль-ноль.

Мэннион и Киршенбаум посмотрели друг на друга, затем поспешно допили кофе и ушли. Я надеялся, что их версия инцидента подорвет авторитет Крамера у недовольных.

Я тоже покинул кают-компанию и поднялся на лифте на мостик, где дежурили Клэй и его команда.

– Кажется, мы заметили небольшое возмущение в Дельте-Три, капитан, – сказал Клэй. – Но не уверен – до нее еще далеко.

– Хорошо, Клэй, – сказал я. – Продолжайте наблюдения.

Клэй – один из моих самых надежных, верных делу людей. К сожалению, он нерешителен, а значит, в предстоящей заварухе на него не положиться.

Я еще был на мостике, когда услышал движение лифта. К двери повернулся как раз вовремя. Вошли Крамер, Файн, Тейлор и еще полдесятка офицеров. У всех были игольники. По крайней мере, этому они обучились, подумал я.

Крамер сразу вышел вперед.

– Капитан, мы считаем, что вопрос о здоровье экипажа нужно решить немедленно, – ровным голосом заявил он.

Я холодно посмотрел на него, потом на остальных и ничего не сказал.

– Мы в очень тяжелой ситуации, – продолжал Крамер. – Даже если сейчас развернемся и полетим обратно, это не гарантирует спасения. Я не могу допустить, чтобы мы задержались хотя бы на сутки.

Говорил он высокомерно. Я медлил с ответом, глядя на офицеров.

– Вы возглавляете этот зверинец? – спросил я наконец, глядя на Крамера в упор. – Если так, то даю вам тридцать секунд, чтобы разогнать всех по конурам. Позже мы обсудим вопрос несанкционированного присутствия на мостике членов экипажа. Что же касается вас, майор, можете считать себя под домашним арестом. А теперь – ВОН!

Крамер готов был пробуравить меня взглядом, но Файн оттащил его за рукав. Врач рывком освободил руку, что-то невнятно бурча. Офицеры потянулись в лифт. Файн и Тейлор колебались, но затем присоединились к товарищам. Крамер закричал было им вслед, но тут же овладел собой. Лифт ушел вниз. Крамер остался посреди рубки.

Его рука дернулась к игольнику, но я смотрел на него прищуренными глазами. И Крамер решил, как обычно, положиться на хорошо подвешенный язык. Он облизнул губы.

– Ладно, пусть я арестован, – сказал он. – Но, как корабельный врач, хочу напомнить... это мой долг, в конце концов, – что нам не выжить без минимума натуральных продуктов. Мы должны немедленно повернуть.

Крамер был бледен, но решителен. Ему была невыносима мысль, что от неправильного питания он облысеет и лишится зубов и девушки перестанут его любить.

– Мы будем лететь дальше, Крамер, – сказал я, – пока на борту остается хоть один человек, способный двигаться. А с зубами он или без – не важно.

– С авитаминозом шутки плохи, капитан, – сказал Крамер. – Вы получите весь букет симптомов проказы, рака и сифилиса только из-за недостатка некоторых веществ в наших организмах.

– Одно дело – подать капитану рапорт, в котором было бы изложено ваше мнение, Крамер, – отрезал я. – И совершенно другое – мятеж.

Растерявшийся Клэй стоял у главного экрана. Я не мог послать Крамера вниз под его конвоем.

– Идемте, Крамер, – сказал я.

Мы спустились на лифте. Когда вышли в коридор, я увидел тех, кто был с Крамером; они стояли молча, неловко переминаясь. Заметив среди них двух хронических нарушителей спокойствия, подумал, что нужно изолировать и их.

– Уильямс, Нэгл, – сказал я, – этот офицер находится под арестом. Сопроводите его к его каюте и запирайте там.

Когда названные нерешительно вышли вперед, Крамер рявкнул на них:

– Уберите от меня грязные руки!

И первым зашагал по коридору.

Если я смогу убрать Крамера с глаз прежде, чем кто-то еще начнет возмущаться, то справлюсь с создавшейся ситуацией. Я шел за ним и двумя его робкими конвоирами мимо энергетического сектора и столовой. Я надеялся, что стоящая там толпа увидит своего героя арестованным.

И получил желаемое. Очевидно, весть об аресте Крамера уже разнеслась по кораблю, и коридор был заполнен людьми. Когда мы подошли, они не расступились. Крамер остановился.

– Дайте дорогу, – велел я.

Все неохотно попятились.

– Правильно! – закричал Крамер. – Дайте дорогу, вы, нытики и жалобщики, чтобы капитан мог отвести меня на ракетную палубу и там расстрелять. Вы просто болтаете о возвращении домой, а сами никогда не решитесь что-нибудь сделать.

Отступающая масса остановилась.

– Да кем он себя возомнил?! – выкрикнул кто-то.

Крамер повернулся ко мне:

– Он возомнил себя человеком, который сгноит всех вас заживо, лишь бы сохранить чистеньким свой послушной список.

– Уильямс, Нэгл, – громко сказал я, – очистите коридор.

Уильямс начал без особого энтузиазма отпихивать ближайших людей. Мелькнул чей-то кулак, голова Уильямса дернулась назад. Это было ошибкой. Уильямс выхватил игольник и выстрелил вдоль коридора над головами собравшихся.

– Вас тут двенадцать мерзавцев! – заорал он. – Я пройду по вашим трупам!

Нэгл сделал шаг к Уильямсу и что-то ему сказал, но слова утонули в поднявшемся гаме. Крамер в бешенстве дернулся ко мне, пытаясь вернуть свое влияние на толпу.

– Как только меня ликвидируют, начнется общая чистка! – завопил он.

Гвалт смолк, всем захотелось выслушать врача.

– Вы все уже в списке, – продолжал нести бред Крамер. – Он сошел с ума. Он никого не отпустит живым. – Теперь Крамер глядел на толпу. – Взять его! – закричал он и попытался схватить меня за руку.

Но он немного поторопился. Я ударил его по лицу тыльной стороной кисти. Никто не пришел ему на помощь. Я выхватил из кобуры двухмиллиметровый.

– Если еще раз поднимешь руку на своего командира, – гаркнул я, – на месте пристрелю!

– Вы не имеете права убивать без суда, капитан, – раздался голос позади меня.

Там стоял Джойс с двумя офицерами, с игольником в руке. Файна и Тейлора не было видно.

Я оттолкнул Крамера с дороги и шагнул к Джойсу.

– Отдайте оружие, младший офицер, рукояткой вперед, – приказал я, глядя ему прямо в глаза.

Он отступил.

– Почему вы не хватаете его? – крикнул он толпе.

И тут зазуммерил интерком, после чего послышался голос:

– Капитан Грейлорн, пожалуйста, свяжитесь с мостиком. В пределах видимости появился неопознанный корабль.

Все замерли, обратясь в слух, а голос продолжал:

– Похоже, он тормозит, капитан.

Я сунул пистолет в кобуру, протиснулся мимо Джойса и направился к лифту. Толпа позади меня начала редеть, люди спешили занять свои боевые посты.

Клэй был спокоен. Он сидел перед главным экраном, рассматривал какую-то точку на нем и делал мелком крошечные пометки.

– Корабль еще слишком далеко для надежного сканирования, капитан, – сказал он, когда я вошел, – но я уверен, что он тормозит.

Если Клэй не ошибается, то перед нами цель, к которой мы стремились. Только искусственные управляемые объекты способны тормозить в открытом космосе.

– Как вы заметили его, Клэй? – спросил я.

Обнаружить такую крохотную массу нелегко, даже если известны ее координаты.

– Совершенно случайно попался на глаза, – ответил он. – Я вел по графику общую проверку квадранта. И заметил вспышку там, где прежде не видел ничего.

– У вас зоркий глаз, Клэй, – сказал я. – Как бы теперь захватить этот объект лучом?

– Мы уже пробуем, капитан, – ответил он.

– Кажется, есть эхо в пятнадцати тысячах, сэр, – сказал Райан, сидевший у радара. – Но очень слабое.

Миллер, дотошный тихоня, уже аккуратно наводил луч.

– Дай мне числа, Майк, – сказал он. – Без них его не найти.

Райан назвал угловые миллисекунды.

– Вы правы, Райан, – сказал Миллер минуту спустя, – он там. Теперь молитесь, чтобы не ушел, пока я его фиксирую.

Клэй подошел к Миллеру и стал у него за спиной.

– Увеличивай полегоньку, – спокойно посоветовал он.

Я смотрел на экран Миллера. Крошечная точка в центре выросла в пятнышко и прыгнула влево, едва не за край экрана. Миллер снова сцентрировал ее и переключился на более высокое разрешение. На этот раз прыжок оказался короче, и точка разделилась на две.

Изображение увеличивалось по мере того, как новые кольца линзовой антенны вступали в дело. И с каждым шагом работа по центрированию становилась все более тонкой. Изображение заняло четверть экрана. Мы с восхищением смотрели на него.

Оно стало четким в электронном «свете» радарного телескопа. Два крошечных, правильной формы диска, соединенные жилкой. Их положение относительно друг друга менялось, и вот уже один наполовину закрыл своего двойника.

Когда изображение пыталось уплыть с экрана, Миллер с бесконечной осторожностью возвращал его в центр и в резкий фокус.

– Вычисли мне орбиту этого объекта, Майк, – тихо проговорил он, – чтобы потом я мог без труда его отыскать.

– Нет у него никакой орбиты, – ответил Райан. – Я веду его, но ничего не понимаю. Он летит по касательной к нам и теряет скорость.

– А какова сейчас скорость, Райан? – спросил я.

– Относительная приблизительно тысяча, капитан, но она быстро падает.

– Ладно, будем лететь прежним курсом, – решил я.

И включил общую связь.

– Говорит капитан, – сказал я в микрофон. – Всему экипажу занять боевые посты и готовиться, в течение часа возможен контакт. Ракетная секция, первую батарею – к бою. – Затем я добавил: – Мы не знаем, с чем имеем дело, но это не природное образование. Может, что-нибудь вроде торпеды.

Я повернулся к радарному экрану. Изображение было четким, но не детализированным. Два диска кружились, поочередно закрывая друг друга.

– Я бы предположил, что сферы обращаются вокруг общего центра, – сказал Клэй.

– Согласен, – сказал я. – Попробуйте определить массу объекта.

Только теперь я подумал, заперт ли уже Крамер, – в данный момент это казалось таким малозначительным. Если мы обнаружили потерянную колонию, то наши внутренние проблемы закончились.

Объект – я все еще не решался называть его кораблем – приближался к нам, постоянно сбрасывая скорость. Клэй уже рассматривал его на экране телескопа, поскольку он шел параллельно нашему курсу на расстоянии четырех с половиной тысяч километров.

– Капитан, похоже, скорость объекта сравняется с нашей километров через двести, если сохранится темп его торможения, – сказал Клэй.

– Постоянно держите его в поле зрения и не пропустите ничего, что может оказаться ракетой, – велел я.

Клэй трудился за своим штурманским столом. Наконец он повернулся ко мне:

– Капитан, у меня получилось, что его масса почти сто миллионов тонн, а длина свыше двух километров.

Зажужжал зуммер интеркома. Это был Мэннион.

– Капитан, я получаю сигналы на коротких волнах откуда-то справа по носу корабля. Это торпеда?

– Не исключено, Мэннион, – отозвался я. – Вы можете что-нибудь сделать?

– Нет, сэр, – ответил он. – Я веду запись сигналов, чтобы потом поработать над ними.

Мэннион был нашим лингвистом и шифровальщиком. Я надеялся на его профессионализм.

– Что за сигналы? – спросил я. – Дайте послушать.

Из динамика пошел высокий гул. Сквозь него прорывались резкие прерывистые сигналы с какими-то скулящими интонациями, и я усомнился, что Мэнниону удастся что-либо извлечь из этого шума.

Корабли постепенно сближались. Когда чужак был уже в четырехстах пятидесяти километрах, он двинулся почти параллельно нашему курсу и с такой же скоростью. Было ясно, что он намерен подойти к нам как можно ближе.

Я кратко описал ситуацию экипажу. Клэй хлопотал у телескопа, пытаясь очистить изображение. Объект на экране увеличивался и мерцал. Внезапно он сделался ясным и четким. На фоне бархатной мглы крошечные шарики слабо мерцали в отраженном свете звезд.

На поверхности шариков цвета йода не было ничего примечательного. А вот соединявший их вал выглядел древним и каким-то чуждым.

Мы держались прежнего курса, несмотря на постоянное сближение. Даже на таком расстоянии объект выглядел громадным.

– Капитан, – сказал Клэй, – я закончил расчеты. У сфер диаметр порядка восьмисот метров, а скорость вращения всей конструкции создает тяготение в шесть g.

Это сразу решило вопрос, принадлежит ли объект людям. Человеческий экипаж не в состоянии работать при шести g.

Дистанция между нами и гигантским кораблем сократилась до двухсот с небольшим километров, и он находился относительно нас в состоянии покоя. Его уже можно было видеть через обычные иллюминаторы без увеличения.

Я оставил Клэя старшим на мостике и спустился в отсек связи.

Джойс сидел за своей аппаратурой, считывая ее показания и щелкая переключателями. Значит, он занимался делом. Мэннион склонился над регистратором. Рубку связи наполняло резкое стаккато чужой передачи.

– Есть какие-нибудь видеосигналы? – спросил я.

Джойс покачал головой:

– Ничего, капитан. Я проверил весь диапазон. Идут только звуковые сигналы на десятке разных волн, и никаких частотных модуляций.

– А у вас, Мэннион, что нового? – спросил я.

Тот снял наушники.

– Повторяется один и тот же сигнал, какая-то короткая фраза. Было бы проще, если бы она хоть немного изменялась.

– Попытаемся послать ответ, – сказал я.

Джойс снизил громкость, так что стаккато превратилось в едва слышные щелчки, и включил передатчик.

– Можете начинать, капитан, – сказал он.

– Говорит капитан Грейлорн, исследовательский корабль «Галахад». Пожалуйста, назовите себя.

Я медленно повторил эту фразу пять раз, и только тогда до меня дошло, что впервые в истории человек обращается к нечеловеческому разуму. Последнее было пока только предположением, но я не мог интерпретировать целеустремленность нашего гостя иначе как признак разумности.

Я связался с мостиком. Никаких перемен. Внезапно щелчки прекратились, осталось лишь гудение несущей частоты.

– Вы что, не можете убрать этот фон, Джойс? – спросил я.

– Нет, сэр, – ответил он. – Очень уж сильный. Может, у них барахлит оборудование?

Мы ждали, вслушиваясь в гул. Снова пошли щелчки.

– Ого, это уже что-то новенькое! – воскликнул Мэннион. – Более длинная фраза.

Я вернулся на мостик и стал ждать новых маневров от чужака либо вестей от Мэнниона. Каждые полчаса я передавал вызов, идентифицируя нас согласно Своду инструкций. Даже не знаю почему, но была слабая надежда, что на другом корабле могут понять хотя бы часть сказанного.

Шли часы. Я оставался на мостике. Перекусил, затем поспал здесь же, на койке.

Файн заступил на вахту вместо Крамера, который по-прежнему находился под домашним арестом. И я пока не собирался ничего менять.

Мы провели на мостике двадцать один час, когда загудел интерком.

– Капитан, говорит Мэннион. Я расшифровал...

– Иду, – сказал я и направился к лифту.

Мэннион что-то записывал, когда я вошел в рубку связи. Он протянул мне листок.

– Вот что получилось, капитан, – сказал он.

Я прочитал: «ВТОРЖЕНЕЦ, ПРИСУТСТВИЕ МЭНЧЖИ УСТАНОВЛИВАЕТ СВЯЗЬ».

– Это сильно искаженная ранняя версия стандартного языка, капитан. Я записал сообщение на пленку, уменьшил пики и спады тональности, отфильтровал явные помехи. Было несколько проблем, но все же мне удалось понять смысл. Правда, его пока маловато. Я не знаю, что такое «мэнчжи», но именно это он говорит.

– Интересно, куда это мы вторглись? – сказал я. – И что такое «присутствие мэнчжи»?

– Они просто твердят это снова и снова, – сказал Мэннион. – И не отвечают на наш вызов.
– Попробуйте перевести наше сообщение на старый стандартный и добавьте по их образцу искажения, пики и спады, – предложил я. – Может, и получим ответ.

Я подождал, пока Мэннион переведет сообщение и обработает в скулящей манере чужаков.

– Усиьте мощность передачи, – сказал я. – Если у них приемник так же плох, как и передатчик, то они могут просто не слышать нас.

Мы повторяли вызов в течение пяти минут, затем переключились на прием и стали ждать. Долго тянулась тишина, затем чужаки разразились длинной тирадой с подчеркнuto монотонным ритмом щелчков.

Мэннион расшифровал послание за несколько минут.

«ТОМУ, КТО ПЛАВАЕТ В МОРЕ МЭНЧЖИ. МЫ ЗНАЕМ ЭТОТ ВАШ ТОРГОВЫЙ ЯЗЫК. ВЫ В ДАЛЬНОМ ПРЕДЕЛЕ. МЫ ПОТАКАЕМ ВАШЕЙ ПРИХОТИ. МЫ УДИВЛЕНЫ, ЧТО ВЫ НАХОДИТЕСЬ ЗДЕСЬ. МЫ ПОНИМАЕМ ВАШИ НАГЛЫЕ ТРЕБОВАНИЯ».

– Похоже, мы залезли на чей-то задний двор, – сказал я. – Они понимают наши наглые требования, но не отвечают на них. – Я пару секунд подумал. – Передайте следующее: «Могущественный военный корабль „Галахад“ не признает вашу юрисдикцию. Объясните причину вашего недовольства, и мы, возможно, предложим помощь».

Мэннион поднял бровь.

– Это должно их пронять, – сказал он.

– Они сразу откликнулись, – сказал я. – По-моему, это означает, что они чего-то хотят. Нам же на их бахвальство лучше ответить собственным блефом.

– Почему вы решили поссориться с ними, капитан? – спросил Джойс. – Их корабль в тысячу раз больше нашего.

– Джойс, мне бы на время забыть о вашем существовании, – сказал я.

Мое обращение было переведено на скулящие щелчки мэнчжи, и через несколько секунд пришел ответ:

– ЧЕСТЬ МЭНЧЖИ ДАЕТ ВАМ ГАРАНТИЮ БЕЗОПАСНОСТИ. БЕСЕДА УТОМЛЯЕТ. МЫ СЧИТАЕМ УМЕСТНЫМ ЗАКАЗАТЬ ПЕРЕДАЧУ ЭЛЕКТРОСТАТИЧЕСКОЙ СИЛЫ.

– Что это значит, черт побери? – спросил я. – Велите им объясниться.

Мэннион перевел и отправил длинную депешу. И снова мы ждали ответа.

Он оказался пространным, и в нем утверждалось, что мэнчжи считают электростатические ванны забавными и что «кристаллизация» опустошила их резервуары. Они желают, чтобы поток электронов от нас пополнил их запасы.

– Похоже, они говорят о простом электрическом токе, капитан, – сказал Мэннион. – Хотят подзарядить батареи.

– У них же есть энергия для двигателей, – сказал я. – Почему бы им самим не генерировать ток? Спросите, где они выучились стандартному языку.

Мэннион отправил запрос. Ответ заставил себя долго ждать. Наконец мы получили его.

«МЭНЧЖИ НЕ ИСПОЛЬЗУЮТ МОЩНЫЕ ГЕНЕРАТОРЫ ТАМ, ГДЕ ДОСТАТОЧНО АККУМУЛЯТОРОВ. ПРОСТАЯ ТОРГОВАЯ РЕЧЬ – ЧАСТЬ СТАРОГО ЗНАНИЯ. МЫ ВЫБРАЛИ ЕЕ ИЗ-ЗА СИМВОЛОВ, КОТОРЫЕ С УДОВОЛЬСТВИЕМ УВИДЕЛИ НА ВАШЕМ КОРПУСЕ».

Это имело смысл, и меня заинтриговало то, что стандартный язык назван торговым. Захотелось узнать, при каких обстоятельствах обитатели этого гиганта изучили версию языка, бытовавшую несколько веков назад. Я не мог расстаться с надеждой на то, что они знают о нашей колонии.

Я отправил очередной запрос, но ответ получил резкий и невнятный. Понял лишь, что стандартный язык является частью «старого знания».

Тогда Мэннион повел длинный технический диалог насчет вида электроэнергии, которую чужаки хотели бы получить.

– Мы без труда можем дать им то, чего они просят, – сказал он после получасовой беседы. – Им всего-то нужен постоянный ток: сто вольт, пятьдесят ампер.

– Попросите, чтобы они описали себя, – велел я, начиная кое о чем догадываться.

Мэннион отправил запрос и был потрясен ответом.

– Это моллюскоиды, капитан, – сказал он. – Каждый весит примерно две тонны.

– Спросите, что они едят, – сказал я.

Пока Мэннион готовил сообщение, я обратился к Джойсу:

– Немедленно приведите сюда Крамера.

Крамер пришел пять минут спустя, помятый и взъерошенный. Он хмуро уставился на меня.

– Временно освобождаю вас под честное слово, майор, – сказал я. – Хочу, чтобы вы изучили ответ на наш последний запрос и сказали, может ли это нам пригодиться.

– Почему я? – спросил Крамер. – Я вообще не знаю, что тут происходит.

Я ничего не ответил.

Последовало напряженное получасовое ожидание, прежде чем Мэннион принял ответ, расшифровал и передал мне.

Это было подробное описание безразличия мэнчжи к биологическим процессам приема пищи.

Я поручил Крамеру составить список питательных веществ, необходимых человеческому организму, и затем передал его Мэнниону.

– Спросите, есть ли у них на борту такие продукты.

Ответ пришел очень быстро.

– Передайте им, что мы согласны менять электроэнергию на продовольствие. И что мы хотим сначала получить полдюжины натуральных веществ для проверки.

Мэннион занялся кодированием, отправлением, получением, переводом и снова отправлением.

– Они согласны, капитан, – сказал он наконец. – Хотят, чтобы мы протянули силовой кабель длиной в милю. Тогда подсоединятся к нему и вышлют нам требуемые образцы. Так обе стороны смогут проверить качество товаров.

– Хорошо, – сказал я. – Можно использовать кабель заземления. Оснастите его сигнальной лампой и выбросьте наружу, как только они подлетят поближе.

– Придется его нарастить, – сказал Мэннион.

– Ну так за работу, Мэннион, – сказал я. – И направьте двух человек для приема образцов.

Это еще не было настоящим контактом, но мне хотелось иметь посредником надежного человека.

Я вернулся на мостик, направил две ракетные установки на чужой корабль и переключил пуск на ручное управление. С пальцем на кнопке миниатюрного переносного пульта я стоял перед экраном и напряженно ждал, не появятся ли какие признаки враждебных действий. Неземной корабль приблизился и остановился, заполнив собой экран.

Люди Мэнниона взялись за дело. Я увидел красную точку – конец нашего силового кабеля. Затем засветилась желтая точка на широком, цвета йода боку чужака.

Из этого корабля никто не вышел. Красная лампочка плыла над его поверхностью. Мэннион сообщил, что выпущено уже три километра кабеля. И тут свет исчез.

– Капитан, – сообщил Мэннион, – они качают энергию.

– Прекрасно, – сказал я. – Дайте им немного на пробу, затем отключите питание.

Я ждал, приглядывая за кораблем, пока Мэннион не сказал, что инопланетяне послали нам контейнер.

– Крамер, – обратился я к врачу, – давайте-ка быстренько проанализируйте, что в этом контейнере.

К Крамеру тотчас вернулось все его чванство.

– Вам следует давать более четкие распоряжения, – заявил он. – Какой именно анализ вы имеете в виду? Полноценное исследование или...

– Я хочу узнать только одну вещь, Крамер, – сказал я. – Годаются для нас эти продукты? Да или нет? Если не испытываете желания сотрудничать, то я пристегну вас к койке и проверю их на вас. Вы же постоянно твердите, что вы корабельный врач, ну так и действуйте, как положено врачу.

И я повернулся к нему спиной.

По интеркому меня вызвал Мэннион.

– Капитан, они назвали забавным ток, который получили от нас. Наверное, это означает, что все в порядке.

– Через несколько минут я сообщу вам, насколько «забавны» их образцы, – ответил я.

Но Крамер провозился целых полчаса.

– Я сделал экспресс-анализ, как при стандартном контроле... – Он не мог не войти в роль мудрого доктора, просвещающего невежественного пациента.

– Да или нет? – прервал его я.

– Да, мы можем усваивать большинство этих веществ, – сердито бросил он. – Поступило шесть образцов. Два – студенистое вещество, непригодное в пищу. Три похожи на овощи, крупные и волокнистые, с высоким содержанием йода. Последний – нормальное мясо.

– И что мы возьмем? – спросил я. – Только о зубах не забывайте.

– Мясо с высоким содержанием белка, – сказал он. – Образец отмечен цифрой шесть.

Я повернулся к Мэнниону:

– Передайте, что за одну тысячу киловатт-часов мы хотим получить три тысячи килограммов продукта номер шесть.

Ответ пришел очень быстро.

– Они согласились сразу, капитан. Похоже, им нравится сделка. Теперь, когда мы договорились, они хотят что-то обсудить. Сообщение длинное, я все еще записываю.

– Прекрасно, – сказал я. – Подготовьте шесть человек с индивидуальными движками, чтобы доставить мясо на борт. Можно возобновить подачу тока.

Я повернулся к врачу, который пялился на экран.

– Возвращайтесь в свою каюту, Крамер, – сказал я. – Обещаю, что ваше сегодняшнее содействие будет учтено военно-полевым судом.

Крамер поднял взгляд и криво усмехнулся.

– Не знаю, что это за говорящие устрицы, с которыми вы ведете торг, но будет чертовски смешно, если они по завершении обмена просто испарят вашу любимую лоханку, – сказал он и вышел.

Ко мне снова обратился Мэннион:

– Вот их последнее сообщение, капитан. Говорят, нам повезло – у них на борту большие запасы этого белка. Это-де один из самых забавных продуктов. Его источник – редкое животное, которое они когда-то приручили. Дикие давно вымерли, остались только стада одомашненных.

– Вот и отлично, – сказал я. – Но им следует вести себя хорошо, не то мы увеличим силу тока и сожжем им батареи.

– А вот еще, – сказал Мэннион. – Говорят, потребуется несколько часов на подготовку груза. Они хотят нас удивить.

Мне не понравилась эта задержка. Но и нам самим понадобится десять часов, чтобы перекачать затребованные инопланетянами киловатты. И поскольку образцы продовольствия оказались в порядке, я предположил, что и основной товар будет не хуже. Мы успокоились и стали ждать.

Я оставил Клэя старшим на мостике и прошелся по кораблю. Встреча с чужаками явно успокоила экипаж. Люди не роптали и занимались делом. Я отправился в свою каюту и проспал несколько часов.

Разбудил меня вызов – Клэй доложил, что прибыл груз, им занимаются Мэннион с помощниками. Прежде чем они подвели большой цилиндр к грузовому люку, чужаки отсоединили наш кабель.

Я вызвал Крамера и приказал ему встретить в шлюзе контейнер и проверить содержимое. Если это такое же мясо, как в образце, то мы провернули потрясающую сделку. Дисциплина восстановится, когда люди почувствуют, что удача по-прежнему с нами.

Меня снова вызвал Мэннион.

– Капитан, – взволнованно заговорил он, – кажется, у нас проблемы. Вы можете прийти, сэр?

– Я иду на мостик, Мэннион, – сказал я. – Докладывайте, я слушаю. – И убавил громкость своего динамика, направляясь к лифту.

– Они снова ведут передачу, капитан, – сообщил Мэннион. – Просят, чтобы мы увидели силу мэнчжи. Корабль высунул нечто вроде антенны. У меня мощные помехи на коротких волнах.

Я заскочил в лифт, поднялся на мостик и распорядился:

– Клэй, приготовьтесь открыть огонь.

Получив донесение от грузчиков, что груз на борту, я тотчас дал команду изменить курс, чтобы быстро оторваться от чужого корабля. Я не мог знать, что собираются делать инопланетяне, но хотелось, чтобы между нами было как можно больше свободного пространства. Мои ракеты по-прежнему были готовы к пуску.

– Капитан, – сказал Мэннион, – они говорят, что наш испуг забавен и вполне обоснован.

Я смотрел на экраны правого борта, чтобы не пропустить первые признаки нападения. Внезапно изображение потемнело, потом все экраны опустели. Миллер, сидевший за сканером и рассматривавший корабль вблизи, вскочил и закрыл руками глаза.

– Боже мой, я ослеп! – закричал он.

– Капитан, приемник отказал! – вторил ему Мэннион. – Наверное, на корабле перегорели все радиолампы!

Я подошел к иллюминатору. Там виднелся корабль инопланетян, неторопливо отходящий от нас по кривой. Не было никаких признаков того, что они намерены стрелять. Я все еще держал в руке пульт пуска ракет, но не нажимал кнопку. Клэю велел отвести в медотсек стонавшего от боли Миллера.

Крамер связался со мной с грузовой палубы. Контейнер был уже внутри, весь в изморози. Я велел ничего не предпринимать, а вскрыть контейнер поручил Чилкотту, нашему саперу. Возможно, это ловушка. Я стоял у иллюминатора и ждал новых агрессивных действий мэнчжи.

Но, очевидно, инопланетяне удовлетворились одной диверсией. Теперь они просто улетали.

Через полчаса напряженного ожидания я отменил боевую готовность. Затем обратился по внутренней связи:

– Внимание, экипаж! Говорит капитан. Похоже, наш первый контакт с чужой расой завершен благополучно. Корабль уже в трехстах километрах от нас, он быстро удаляется. У нас отказали все экраны, но серьезных повреждений нет. Зато есть запас натуральных продуктов, так что давайте вернемся к работе. Колония уже недалеко.

Некоторые все еще могут проявить недовольство, но если полученный провиант окажется негодным, то нам все равно конец.

Мы наблюдали через иллюминаторы, как чужой корабль исчезает среди звезд. А потом его потерял и радар.

– Он летит прямо вперед, капитан, – доложил Райан, – с ускорением в два g.

– Гора с плеч, – сказал Клэй. – Не люблю иметь дело с вооруженными маньяками.

– Они вели себя довольно эксцентрично, – сказал я, – а может, мы просто встретились не в лучшее время. Жаль, что не удалось получить от них кое-какие ответы.

– Да, сэр, – сказал Клэй. – Теперь, когда все закончилось, у меня тоже появилась к ним масса вопросов.

Загудел интерком. Я услышал в динамике нечто похожее на хриплое дыхание. Глянул на индикатор – вызов с грузовой палубы.

– Чилкотт, есть что сказать – говорите, – потребовал я.

Внезапно кто-то бессвязно завопил. Я уловил лишь ругательства. Затем послышался голос Чилкотта:

– Капитан, пожалуйста, идите скорее сюда...

Его заглушил грохот и гул голосов.

– Вы за главного, Клэй, – сказал я и побежал.

Коридор был заполнен людьми, они засыпали меня вопросами. Я протолкался через толпу и увидел Крамера, окруженного вопящими членами экипажа.

– Разойтись! – закричал я. – Крамер, что случилось?

Мимо меня прошел Чилкотт, бледный как мел.

– Возьмите себя в руки, Крамер, и доложите, – велел я.

Крамер замолчал и, тяжело дыша, уставился на меня. Толпа затихла.

– Я дал вам задание, майор, – сказал я, – вскрыть контейнер и проверить груз. Это сделано?

– Да, капитан, – сказал Крамер. – Мы вскрыли контейнер. Ни проводов, ни мин. Мы выложили груз на пол. Это огромный замороженный брикет, обернутый чем-то вроде сетки. Мы развернули чертову сетку.

– Хорошо, – сказал я. – Дальше.

– Груз свежего мяса, который нам передали ваши космические дружки, состоит из шести человеческих семей: мужчин, женщин и детей. – Крамер вдруг обернулся к толпе и закричал: – Дети, наверное, будут достаточно нежными, когда вы поделите их на порции, капитан!

Все разом завопили, а я протолкался к грузовому шлюзу. Дверь была приоткрыта, из нее в коридор вырывались, завихряясь, белые струйки изморози.

Я вошел внутрь. В шлюзе стояла лютая стужа. Возле внешнего люка, в луже растаявшего льда, покоился большой контейнер, покрытый инеем. А перед ним лежало то, что недавно находилось внутри. Я подошел поближе.

Они смерзлись в единую твердую массу. Крамер был прав. Такие же люди, как и я сам. Человеческие трупы, выпотрошенные, спрессованные вместе и замороженные. Я смотрел на белые, словно глазурью покрытые, тела.

– Вы нашли колонистов, капитан, – прокричал из дверного проема Крамер. – Ваше любопытство удовлетворено, и мы можем возвращаться. Человек здесь вместо коровы и свиньи. На наше счастье, они не знают, что мы принадлежим к этому же виду, иначе бы мы сами уже лежали в морозильниках. Разворачивайте корабль, капитан. Мы летим назад. Здесь больше не от кого ждать помощи.

Я склонился, чтобы рассмотреть трупы.

– Идите сюда, Крамер, – сказал я. – Хочу вам кое-что показать.

– Я уже все увидел, – ответил Крамер. – Мы не станем тратить время попусту. Мы немедленно ляжем на обратный курс.

Я пошел назад и, когда Крамер отступил, пропуская меня, со всей силы ударил его в челюсть. Он стукнулся затылком о матовую стену и упал в коридор.

Я перешагнул через врача и приказал:

– В карцер его.

Люди в коридоре с ворчанием отступили. Пока они ставили Крамера на ноги, я продолжал двигаться, не бегом, но и не медленно, в сторону мостика. Одно мое неверное движение, и все их мучения и страхи вырвутся на свободу в открытом бунте, и тогда меня сразу разорвут на куски.

Крамер сыграл мне на руку, и я воспользовался всеобщим шоком. Однако слышал, как позади нарастает ропот.

Я не делал резких движений, но и не мешкал. Когда дверь лифта уже закрывалась, в конце коридора засверкали выстрелы. Я слышал, как крошечные иглы рикошетили от двери.

Поднявшись, я вышел на мостик и заблокировал лифт. Затем нажал кнопку интеркома и, к своему облегчению, услышал ответ. В ракетную секцию еще не проникла паника.

– Ракетная, все батареи в боевую готовность. Цель – корабль мэнчжи. И ждите приказа. – Я повернулся к Клэю. – Беру командование на себя. Смените курс – и в погоню за нашим бывшим торговым партнером. Ускорение два с половиной g.

Клэй был потрясен, но ответил лишь: «Есть, сэр».

Я переключил интерком на общее оповещение.

– Говорит капитан, – сказал я в микрофон. – Всем разойтись по боевым постам и пристегнуться ремнями безопасности. Мы начинаем погоню за чужаком. Это враг, и я объявляю на корабле боевую готовность. До сих пор я позволял экипажу выпускать пар, но теперь с этим покончено. Всем секциям доложить о десятиминутной готовности.

Секции рапортовали одна за другой, все, кроме медицинской и секции управления. Ну что ж, на них я сэкономил время. На борту начала расти сила тяжести – корабль разгонялся.

Я приказал Райану не терять цель на радаре и включил автопилотирование. Затем вызвал энергетическую секцию:

– Беру на себя управление энергетикой с мостика. Всему персоналу немедленно покинуть энергетическую секцию.

Люди пока подчиняются, но это не может длиться долго. Минимум на пару часов я должен сосредоточить в своих руках всю энергетику корабля, его вооружение и органы управления.

Ракетная секция сообщила, что все ракеты приведены в боевую готовность и направлены на цель. Я подтвердил получение доклада и приказал персоналу секции эвакуироваться. Затем повернулся к Клэю и Райану. Оба явно нервничали, не понимая, что назревает.

– Лейтенант Клэй, – сказал я, – идите в свою каюту. И вы, Райан, тоже. Благодарю за службу, особенно за последние нелегкие часы.

Они молча ушли. Я понимал, что они не хотят оказаться слишком близко к капитану, когда все рухнет.

Вернулся лифт, и я вывел на экран изображение кабины. Она была пуста. Я заблокировал лифт.

К этому времени мы легли на курс и достигли двух с половиной g. При такой силе тяжести я едва стоял на ногах, но была еще одна задача, которую требовалось выполнить прежде, чем отдохнуть.

С трудом волоча ноги, я разблокировал лифт и спустился на нем вниз. Я понимал, что, как только откроется дверь лифта, я стану мишенью, но мне повезло. В коридоре не было никого. Издалека доносились крики толпы. Я дотащился до энергетической секции и вошел

внутри. Быстрая проверка приборов показала, что все мои распоряжения выполнены. Вернувшись в коридор, я захлопнул дверь и запер ее на кодовый замок. Теперь только я мог открыть ее.

Следующей была секция управления. Там также было пусто; я запер ее и направился к ракетной секции. В конце коридора появились двое, и двигались они с таким же трудом, как и я. Я достиг перекрестка как раз вовремя, чтобы избежать залпа игольников. Мятаж уже перешел в открытую стадию.

Я продолжал идти, слыша все усиливающиеся крики за спиной. Не было сомнений, что люди направлялись в секции энергетики и управления. Там их ждал сюрприз. Я надеялся, что успею подготовить такой же сюрприз и в ракетной секции.

Но, выйдя в коридор в двадцати шагах от ракетной секции, я понял, что опаздываю. Туда уже ковыляли трое, неистово сражаясь с силой тяжести, чтобы добраться до двери первыми. Их лица были потными и багровыми от натуги.

У меня еще оставалось небольшое преимущество, но я бы не успел проверить, все ли внутри в порядке. Максимум, на что я мог надеяться, это заблокировать дверь прежде, чем мятежники доберутся до нее.

Я достал браунинг и ринулся к двери. Они увидели меня, и один потянулся за игольником.

– Даже не пытайся! – прохрипел я.

Не спуская глаз с двери, я добрался до нее, захлопнул и запер на кодовый замок. И тут в дверь ударила игла. Я резко обернулся и выстрелил. Шедший последним сложился пополам и рухнул, но других это не остановило.

Я смертельно устал.

– Вы опоздали, – прохрипел я. – Никто, кроме капитана, теперь не войдет туда.

Я замолчал – мне не хватало воздуха. Двое по-прежнему упорно тащились ко мне. Я не мог понять, почему они так напрягаются, уже проиграв. Мысли едва ворочались в голове.

Внезапно я понял: они хотят задержать меня до прибытия толпы. Я сделал шаг вперед, к перекрестку. И в этот момент из-за угла в сотне метров выкатилась автотележка с двумя сиденьями. Я бросился обратно к дверной нише под градом игл. Одна малютка задела мне голень и срикошетила, укатившись по коридору.

Я обратился к первым двум:

– Передайте своим приятелям: если они хотят открыть дверь, придется попросить об этом капитана.

Потом я помолчал, раздумывая, стоит ли делать заявление.

Черт с ним, решил я наконец. Всем уже известно о мятеже. Не помешает немножко подстраховаться.

Я переключил интерком на общее оповещение.

– Внимание, экипаж, – сказал я в микрофон. – Говорит капитан. На корабле бунт. Я обращаюсь ко всем лояльным членам экипажа с просьбой оказать активное сопротивление мятежникам и поддержать своего капитана. В данный момент корабль ведет боевые действия против вооруженного врага. Уверяю вас, что мятеж все равно будет подавлен, а его участники осуждены за измену вооруженным силам, родине и собственным семьям, которые сейчас полагаются только на них. Мы летим с ускорением в два с половиной g за кораблем мэнчжи. Мятежники не могут захватить мостик, секции энергетики, управления и ракетную, потому что я один знаю коды замков. Эти люди обречены на поражение. Я возвращаюсь на мостик, чтобы управлять сближением с противником, а затем и боем. Если я не доберусь до мостика, то меньше чем через три часа мы сблизимся на дальность действительного огня, но энергии в батареях будет недостаточно.

Теперь задача состояла в том, чтобы мои слова о возвращении на мостик не разошлись с делом. Тележка не следовала за мной, – очевидно, седоки опасались засады. Я воспользовался их нерешительностью, чтобы как можно быстрее преодолеть коридор. Лишь разок остановился, сделал несколько выстрелов из игольника и услышал визг за углом. Иглы летели с потрясающей скоростью и многократно отражались от стен.

В конце коридора я лег на пол, чтобы отдохнуть, и рискнул бегло оглядеться. У входа в секцию управления возились трое, пытались вбить какие-то железки между дверью и косяком. Бесплезное дело – зато отвлекает внимание от меня.

Чуть полежав, я отполз от угла и включил интерком. Я должен был дать шанс мятежникам.

– Говорит капитан, – сказал я. – Приказываю всему экипажу занять посты по боевому расписанию. Любой, кто будет обнаружен вне своего поста, с сего момента считается изменником и может ожидать только смертного приговора. Это последнее предупреждение.

Люди в коридоре слышали меня, но не уделили внимания тому, что сочли пустой угрозой. Они не знали, что я совсем рядом.

Я достал игольник, переключил его на непрерывный огонь, высунулся из-за угла и прицелился. В этот раз я стрелял на поражение. Все трое рухнули у двери; металлические стены звенели под ударами игл.

Я глянул в обе стороны коридора, затем кое-как поднялся и подошел к трупам. Это были люди Киршенбаума, энергетики. Я потащился к лифту в конце коридора, оглядываясь на ходу.

– Корли, Маквиллиамс и Рирдон расстреляны за мятеж во время военных действий, – объявил я по общей связи. – Будем надеяться, что мне больше не придется прибегать к такой мере.

Позади, в дальнем конце коридора, снова появились люди. Я вжался в дверную нишу и выстрелил наугад. Они ответили градом игл, но попаданий я не почувствовал. Мятежники представляли собой более обширную мишень, и вроде кто-то упал. Когда все попятнулись и скрылись из виду, я потащился дальше к лифту.

На мое счастье, у них не было времени организовать. Я бдительно следил за тем, что происходило у меня за спиной, и стрелял всякий раз, когда там показывались люди. Они высывались на секунду, чтобы нажать на спуск, но их стрельба была неэффективной. У меня было немалое преимущество: я боролся за успех миссии и за свою жизнь, без малейшей надежды на помощь, они же представляли собой толпу, в которой никто не хотел погибнуть, но охотно предоставлял рисковать другим.

Я ужасно устал. Мое счастье, что я ежедневно делал гимнастику при увеличенной силе тяжести – но и этот ресурс выносливости был уже исчерпан. Я не спускал глаз с лифта; каждый шаг стоил невероятного напряжения.

Оставалось пройти несколько шагов, когда колени не выдержали и я опустился на четвереньки. Вокруг снова пропел рой игл, левую руку пронзила боль. Это помогло – очистило голову и взбодрило меня. Я поднялся и сделал бросок к двери, если можно назвать броском передвижение со скоростью умирающей черепахи. На дверь я буквально рухнул.

Теперь код. Я боролся со жгучим желанием потерять сознание, пока набирал на пульте замка три, пять, два, пять...

Пришлось развернуться, когда я услышал шум за спиной. Ко мне ехала тележка, люди лежали на ней плашмя, защищенные пластиковым бампером. Я прислонился к двери лифта и пустил поток игл в стену коридора как раз перед тележкой. Двое свалились, обливаясь кровью. Еще один закричал и поднял руку над бампером. Я продырявил ее.

«Сколько же их там?» – мелькнула мысль.

Тележка не остановилась. Но чем ближе она подъезжала, тем эффективнее действовали мои рикошеты. Почему никто не отвечает на мой огонь? Но тут из-за бампера вновь появилась

рука, описала дугу, и по полу покатила граната со слезоточивым газом. Она остановилась у моих ног. Я пинком послал ее обратно. Тележка остановилась, затем попятилась от гранаты, из которой уже били струи коричневого газа. Я подтолкнул ее выстрелом и повернулся к замку.

Но тут позади меня залязгал металл. Из бокового коридора вышел человек в неуклюжем антирадиационном скафандре. Скафандр был автономным, он надежно защищал как от газа, так и от игл. Я несколько раз выстрелил в шлем, когда бронированный недруг двинулся на меня, шатаясь в повышенной гравитации. Иглы заставили голову откинуться назад. Человек в скафандре взмахнул руками, отступил и с грохотом повалился на пол. Я временно вывел нападавшего из строя, а может, даже и ранил.

Я изо всех сил пытался вспомнить, какие цифры уже набрал. Потом нажал остальные кнопки, толкнул дверь... Не поддалась. Должно быть, я запутался. Я принялся снова набирать код.

Позади залязгало – похоже, человек в скафандре снова поднимался на ноги. Но второй раз прием с игольником не сработает. Я уже почти закончил вводить код, когда мою руку сжала клешня скафандра. Я крутанулся, прижал игольник к металлической руке и выстрелил. Ее отбросило, и даже через скафандр я услышал хруст запястья. Правда, моя рука онемела от отдачи. Вторая бронированная клешня ударила по моей травмированной конечности. Я отпрянул к двери, оглушенный болью.

И сделал это как раз вовремя, чтобы уклониться от нового тяжелого удара. При двух с половиной g парню в скафандре приходилось нелегко, даже несмотря на усилители. Было ощущение, словно я дерусь с машиной, а не с человеком.

Когда он снова двинулся на меня, я нажал на спуск. Длинная очередь, как вода из пожарного шланга, отбросила ногу назад, и противник снова упал. Я повернулся к двери.

И сразу понял, что открывать ее слишком опасно. Даже если удастся войти, ничто не помешает врагу протиснуться следом за мной. Он уже снова на ногах. Нужно отвести его подальше от двери.

Тележка не двигалась. Толпа тоже сохраняла дистанцию. Почему никто не стреляет? Вероятно, сообразили, что если убьют меня, то не смогут попасть в самые важные секции. Им необходимо взять меня живым.

Я заковылял к тележке. Двигался я очень медленно, но тот, в скафандре, был еще неповоротливей. Он с лязгом тащился за мной. Я добрался до тележки, на которой не оказалось никого живого, только два трупа. Вскарабкавшись, нажал рычаг. Тележка мягко покатила мимо человека в скафандре и задела его, сбив с ног. Падая при повышенной гравитации, кости сломать проще простого. Противник больше не вставал.

Я доехал до двери, сполз с тележки и потянулся к замку. Мысленно обругал себя за то, что придумал такой длинный код. Наконец набрал его – и услышал шум позади. А в следующий миг на меня навалилась ужасная тяжесть.

Я не мог шевельнуться; грудь была притиснута к пульта замка. От давления трещали ребра, а оно все усиливалось. Я с невероятным трудом повернул голову. К двери меня прижимала тележка. Человек в скафандре, которого я уже сбросил со счетов, с дикой силой давил на рычаг. Я попытался крикнуть, напомнить ему, что без меня не получится управлять кораблем. Но не смог выдать ни слова. Я почувствовал вкус крови во рту и попытался вдохнуть. И тоже не смог. А потом потерял сознание.

3

Когда я очнулся, моя грудь была уже свободна, но перед глазами плескался красный туман боли. Я лежал на спине, а вокруг столпились люди.

В голове стоял звон. Я попытался сесть – не получилось. Рядом возник Крамер и всадил мне в руку иглу шприца. Выглядел он паршиво: лицо забинтовано, вокруг глаза синяк. Заговорил приглушенно – мешала повязка на челюсти.

– Это поможет вам оставаться в сознании, чтобы ответить на несколько вопросов, – сказал он. – Вы дадите мне коды к замкам, чтобы мы сошли с самоубийственного курса. Возможно, тогда я стану вас лечить.

Я не ответил.

– Некогда играть в молчанку, кретин! – Крамер яростно ударил меня кулаком в грудь.

Наверное, только благодаря его уколу я не вырубился. Какое-то время не мог дышать, пока Крамер не дал мне пару раз глотнуть кислород. Неужели он настолько глуп, чтобы верить, что я могу отдать свой корабль?

Когда в голове немного прояснилось, я решил заговорить. Прохрипел нечто невнятное, но затем обрел голос.

– Крамер, – сказал я.

Он склонился ко мне:

– Слушаю.

– Отнесите меня к лифту. И оставьте там одного. Это ваш единственный шанс.

Мне эта речь показалась очень длинной, но она никак не подействовала. Крамер ушел, но сразу вернулся и продемонстрировал мне большой скальпель из своего медицинского набора.

– Позабавлюсь с твоим лицом. Превращу тебя в музейного уродца. Но если сейчас же заговоришь, то, может, и передумаю.

Я увидел на его запястье часы. Голова работала плохо. Каждый вздох давался с большим трудом. Мы должны настичь чужака через час десять минут.

Все казалось простым. Мне необходимо вернуться на мостик до того, как произойдет встреча. Я сделал еще одну попытку.

– Остался час, – сказал я.

И тут Крамер потерял контроль над собой. Он вонзил скальпель мне в лицо, визжа сквозь зубы. Я отдернул голову, и скальпель разрезал мне скулу вместо того, чтобы снести губы. Я едва ощущал боль.

– Мы погибнем из-за твоего идиотизма! – завопил Крамер. – Я теперь капитан! Я освободил тебя от должности как неугодного команде! А теперь открывай секции, не то на ремни порежу!

Он держал скальпель перед моим носом в дрожащем от ярости кулаке. Хромированное лезвие было покрыто тонкой розовой пленкой.

Я собрался с силами и снова заговорил:

– Я должен уничтожить корабль мэнчи. Отнесите меня к лифту и оставьте там.

Я хотел сказать еще кое-что, но пришлось замолчать, чтобы перевести дыхание. Крамер куда-то исчез.

Я понял, что теряю сознание. Казалось, меня сжимает огромная мягкая лапа. Я попытался перевернуться. Очень старался, и это получилось. Я услышал, как Крамер говорит, а другие голоса отвечают, но не хватало сил разобрать слова.

Я лежал вниз лицом, головой к стене. Передо мной было черное пятно двери. В мозгу немного прояснилось. Должно быть, препарат Крамера все еще действовал. Я повернул голову и увидел, что Крамер стоит с пятью другими членами команды, и все они говорят разом. Очевидно, людей тревожили неконтролируемые вспышки ярости Крамера. Люди хотели, чтобы я оставался в живых. Но Крамер не терпел никаких возражений. Спор становился все яростнее. Затем к воплям добавились звуки потасовки.

Я обнаружил, что лежу шагах в двадцати от лифта. Слишком далеко. Дверь передо мной, насколько я помню схему корабля, ведет в маленький в служебный отсек, где нет ничего, кроме

приемника отходов. Но она может запирается изнутри, как и двери всех прочих служебных отсеков.

Я не стал раздумывать об этом, а решил подняться. Полностью сосредоточился на этом усилии и выбросил из головы мысль, что при первом же моем шаге все семеро могут набросятся на меня. Крики не утихали. Повернув голову, я увидел, что Крамер с кем-то дерется.

Просунув руки под грудь, я чуть приподнялся и подтянул колено под живот. Чувствовал, как концы сломанных ребер трутся друг о друга, но боли не было, – все та же мягкая лапа. Я встал на четвереньки, нашел дверную задвижку и вложил все силы в рывок к ней. Палец попал точно в цель, дверь раскрылась, и я упал лицом вниз; но я уже был внутри. Еще рывок. Я за порогом, и дверь с лязгом закрылась за мной. Лежа на полу, я потянулся к пульту замка. Едва щелкнул язычок, как в дверь ударили снаружи – раз, другой... Они опоздали буквально на секунду.

Было темно. Я лежал на спине и чувствовал, как по груди и руке пробегают волны того, что могло быть только болью. У меня несколько минут, чтобы собраться с силами, прежде чем мятежники вскроют дверь.

Очень не хочется закончить вот так – не потому, что нас победят, а потому, что мы сами сдадимся. Мой бедный мир, уже не зеленый и не добрый, мы твоя последняя надежда. Но где-то здесь, вдали от родной планеты, мы поддались одиночеству и пали духом. Успех уже совсем рядом, только руку протяни, но вместо этого в панике и безумии мы уничтожаем сами себя.

В голове мутилось. Казалось, что я на мостике – отдыхаю на кушетке, а рядом стоит Клэй. Время будто остановилось... Вдруг я понял, что лежу на полу в крошечной комнатухе и вот-вот вышибут дверь. Но возле меня действительно кто-то стоял.

Я был настолько измучен, что даже не испытал разочарования. Я и не надеялся на большее, чем короткая передышка.

Дверь по-прежнему заперта. Я не заметил этого человека, когда ввалился сюда. Должно быть, он тут прятался. Но почему бросил свой боевой пост?

Он стоял надо мной в засаленном комбинезоне и ухмылялся. Потом поднял руку. Я не шелохнулся. Я стал равнодушен к ударам, поскольку не чувствовал их.

Но тут я увидел, что стоявший просто отдал честь.

– Разрешите доложить, сэр, – сказал он. – Астронавт первого класса Томас.

Мне даже не захотелось рассмеяться. Я просто принимал все как должное.

– Вольно, Томас, – сумел произнести я. – Почему вы не на посту? – Пожалуй, это прозвучало слишком пафосно.

Он опустился на корточки:

– Вам ведь больно, капитан? Я вот думаю, почему вы лежите здесь, на моей помойке?

– А, ерунда, – сказал я, вспомнив о сломанных ребрах.

Значит, приемником мусора распоряжается Томас. Я подумал о людях, занимающих такие мелкие должности. Почему я не обратился к ним за помощью раньше?..

– Капитан, я осматривал узлы преобразователя, только что закончил. Давно вы тут лежите? – Томас был чем-то обеспокоен.

Я напряг мозги. Здесь я нахожусь недолго, всего лишь несколько минут. Забрался сюда, чтобы немного прийти в себя... и внезапно обрел способность к ясному мышлению.

Кем бы ни был этот Томас, он явно на моей стороне или хотя бы нейтрален. Похоже, ничего не знает о мятеже. Я понял, что он туго перевязал мне грудь оторванными от рубашки полосами. Вот почему мне полегчало.

– Томас, что вы тут делаете? – спросил я. – Разве не знаете, что мы идем в бой с вражеским кораблем?

Томас удивился.

– Но это и есть мой боевой пост, капитан, – ответил он. – Я астронавт первого класса, техник по переработке отходов. Моя задача – следить за исправностью преобразователя.

– И вы все это время находились здесь?

– Нет, сэр, – ответил Томас. – Я проверил всю систему. Мы получили три больших повреждения и массу маленьких, и я должен был все починить. Иначе кораблю пришлось бы худо, сэр.

– А как вы попали сюда? – спросил я, осматривая тесный отсек.

Я увидел одну-единственную дверь, а все помещение было заполнено серой громадой преобразователя, который расщеплял отходы на составные элементы для повторного использования.

– По трубопроводу, – ответил Томас. – Я их ежедневно проверяю. Знаете, капитан, – добавил он, качая головой, – трубы у нас совсем плохи. Постоянно забиваются, вот и приходится лазить по ним и прочищать.

Во мне проснулась надежда.

– И куда ведут эти трубы?

Теперь я понял, как этот человек мог не заметить, что по всему кораблю бушует мятеж.

– Ну, сэр, это сущий лабиринт. Одна тянется до кают-компания, другая до мостика...

«Боже! – подумал я. – Мостик!»

– А какой диаметр? – спросил я. – Пролезть смогу?

– Конечно, капитан, – сказал Томас. – Я же каждый день этим занимаюсь. Но вы уверены? Со сломанными-то ребрами?

Этот Томас не похож на гения.

– Уверен, – сказал я.

– Капитан, – смущенно проговорил Томас, – конечно, не мое дело советовать, но, может, мне лучше сходить за врачом?

– Томас, – твердо сказал я, – да будет вам известно, у нас на борту мятеж. И возглавляет его корабельный врач. Я хочу незаметно пробраться на мостик. Ведите.

Томас был потрясен. Он смотрел на меня с ужасом.

– Капитан, уж не хотите ли вы сказать, что пострадали от кого-то из наших? Что не упали с лестницы, а были избиты?

– Это все мелочи. – Я с трудом сел.

Томас подскочил и помог встать на ноги. И я увидел, что он плачет.

– Капитан, можете рассчитывать на меня, – всхлипывая, произнес он. – Скажите, кто это сделал, и я скину негодяя в преобразователь.

Я прислонился к стене и дождался, когда все перестанет вращаться перед глазами. Дышать было трудно, но можно, если не делать глубокие вдохи. Томас открыл панель на боку преобразователя.

– Не беспокойтесь, капитан, он отключен.

Похоже, его ничуть не беспокоило то обстоятельство, что на борту уже довольно давно два с половиной g. Зато я еле держался на ногах. Томас заметил это и помог забраться в камеру преобразователя.

– Вот эта труба ведет к мостику, – указал он на отверстие вверх, примерно тридцать пять на семьдесят сантиметров. – Полезайте туда, а я подтолкну.

Я просунул голову и плечи в отверстие. Стены были металлические, гладкие, ухватиться не за что. Я пополз, и в груди вспыхнула боль.

– Капитан, они пытаются взломать дверь, – сказал Томас. – Уже довольно долго возятся. Нам следует поспешить.

– Томас, вам придется меня толкать. – Мой голос эхом покатился по трубопроводу.

Томас залез в камеру и схватил меня за ноги. Я весь забрался в трубу, и боль стала терпимой.

– Капитан, чтобы ползать по трубам, есть специальный прием, – сказал Томас. – Вытягивайте руки перед собой и сгибайте их в локтях. Когда локти упрутся в стенки, продвигайтесь.

Я испытал этот способ. И правда пополз, хоть и медленно.

– Капитан, я установил таймер на десять минут. Это чтобы никто не полез за нами следом. Осталось минут семь, потом заработает преобразователь, и отключить его не смогут – я заблокировал панель управления.

Эта новость заставила меня поспешить. Когда преобразователь заработает, он первым делом откачает из трубопроводов воздух до чистого вакуума. И мы умрем от разрыва легких, и наши трупы будут засосаны в рабочую камеру и разложены на полезные элементы. Ох как же я спешил!

Одновременно пытался сориентироваться. Трубопровод тянется параллельно коридору. Метров через пятнадцать начнет подниматься, ведь мостик расположен метров на десять выше. Через некоторое время я почувствовал уклон.

– Здесь нужно перевернуться на спину, капитан, – сказал Томас. – Труба на повороте расширяется.

Я кое-как перевернулся. Томас помогал, толкая мои ноги. Приняв почти вертикальное положение, я ощутил под рукой металлическую скобу. Это было здорово. Я уж боялся, что придется лезть на манер альпиниста в трещине, когда спина упирается в одну стенку, а ноги в другую.

Я подтянулся на скобе и свободной рукой нашарил еще одну. Томас помогал снизу. Я встал на вторую скобу и нашел третью. Небольшой наклон трубы облегчал подъем. Я подтягивался и цеплялся, цеплялся и задыхался. В трубе стало жарко, но я продолжал лезть. Наверное, мне придавал сил сделанный Крамером укол.

Наконец я увидел наверху конец трубы в слабом свете подсобики. Я вспомнил расположение мостика. Труба заканчивается у маленькой ниши с кушеткой и кухонной плитой, которыми пользуются офицеры в долгой вахте.

Я добрался до верха трубы и толкнул заглушку. Она легко откинулась в сторону. Я увидел край штурманского стола и за ним мертвый экран локатора. Двинувшись дальше, я чуть не потерял сознание, когда ребра уперлись в кромку трубы. В голове зазвенело.

Внезапно внизу погас свет. Я услышал приглушенный лязг, затем гул.

– Капитан, преобразователь включен, запущена откачка воздуха, – спокойно сказал Томас. – У нас в запасе почти тридцать секунд.

Я стиснул зубы и пополз. Внизу Томас молча ждал, когда я выберусь из трубы. Теперь он не мог ничем помочь. Я уперся ладонями в стенку и надавил. Вокруг меня засвистел воздух, бумаги со штурманского столика вспорхнули и разлетелись по помещению. Борясь с воздушным потоком, я рванулся вперед и свалился на пол. Заглушка хлопнула позади меня. Я с трудом поднялся на ноги и потянулся к ней, но не хватило сил ее открыть. Затем она сама приоткрылась, и в щель просунулась рука Томаса. Металлический край содрал ему кожу, потекла кровь, но заглушка продолжала медленно отходить. На свинцовых ногах я доплелся до штурманского стола, схватил короткую рейсшину и заклинил ею заглушку. Лицо Томаса было бледным, с запавшими щеками и крепко зажмуренными глазами – в трубе крутилась пыль. Я схватил его за руку, потянул и наконец вытащил.

Потом выбил ногой рейсшину, и заглушка с лязгом закрылась. Я свалился на пол, больно ударившись; доползти до кушетки уже не было сил. Томас взял с нее постельные принадлежности и прямо на полу устроил мне лежанку.

– Томас, – сказал я, – когда вернемся, нужно будет обратить внимание инженеров по технике безопасности на эти трубопроводы.

– Да, сэр. – Томас растянулся возле меня на полу и стал с интересом рассматривать незнакомые экраны и горящие на пультах индикаторы.

С того места, где я лежал, был виден носовой иллюминатор. Может, эта яркая точка в его центре – наша цель? Томас посмотрел на пустой экран радиолокатора и спросил:

– Капитан, а ведь локатор неисправен?

– Неисправен, Томас, – сказал я. – Наши неизвестные друзья оставили нам прощальный подарок.

Я удивился тому, что он опознал радароскоп.

– Можно я в него загляну? – спросил он.

– Действуйте, – разрешил я и постарался объяснить Томасу ситуацию.

Два часа десять минут назад мы начали преследование. Я хотел подойти на дистанцию не более двадцати километров, чтобы запустить ракеты. И нужно было держать наготове ракеты-перехватчики на случай, если мэнчжи попытаются атаковать первыми.

Томас умело вскрыл кожух радара и принялся рассматривать внутренности. Затем извлек почерневшую плату.

– Похоже, они просто сожгли предохранитель. Где тут запчасти, капитан?

– В шкафчике справа, – ответил я. – Но откуда вы знаете устройство радара, Томас?

Он усмехнулся:

– Я был специалистом третьего класса по радарам, прежде чем занялся отходами. Пришлось сменить профессию, чтобы попасть в эту экспедицию.

У меня появилась идея повысить Томаса в должности, когда все закончится.

Я попросил его проверить заодно и телевидео. Похоже, Томас не так уж и наивен, он просто не любит умничать.

– Здесь сгорели чертовы лампы, капитан, – сообщил он вскоре. – Сдается, через них пропустили слишком сильный ток. Могу исправить, если найдутся запасные.

Я решил не тратить на это времени – на меня снова накатила слабость.

– Просто дайте знать, когда мы будем в двадцати километрах от цели. – Я хотел сказать что-то еще, но сознание уплывало. – И тогда... – выдавил я, – помогите нажать... кнопку пуска...

Я улетал куда-то, кружась, но разобрал его слова.

– Капитан, я могу запустить ракеты прямо сейчас, если разрешите.

Я собрал все силы, чтобы ответить:

– Нет... Ждите...

Я надеялся, что он расслышал.

Потом я пустился в долгое скитание между сознанием и комой. Снадобье, которое вколол мне Крамер, оказалось мощным. Оно не давало окончательно погрузиться в темную пучину. Я лежал и размышлял о ситуации на борту моего корабля.

Как намерены поступить Крамер и его приспешники теперь, когда упустили меня? Чтобы проникнуть на мостик, необходимо взорвать дверь. Но у них не выйдет. Конструкторы корабля догадывались о проблемах, которые могут возникнуть в долгом космическом путешествии. Мостик – неприступная крепость.

Крамер в сложном положении. Он убедил людей, что мы мчимся очертя голову прямо в лапы всемогущих мэнчжи и что капитан сошел с ума. И теперь он тоже охвачен паникой, которую сам же и создал. Возможно, экипаж уже расправился с ним.

Я вздрогнул и очнулся. Оказывается, мне просто нужен был отдых. Всякий раз, когда я приходил в себя, мне становилось чуть полегче.

И тут я услышал голос Томаса.

– Мы приближаемся, капитан, – говорил он. – Очнитесь, осталось двадцать три километра.

– Хорошо, – сказал я.

Мое тело долго готовилось к этому моменту, так что теперь среагировало как надо. Я почувствовал укол в руку, он тоже помог.

– Томас, включите внутреннюю связь.

Он сунул мне в руку микрофон, и я переключил интерком на общее оповещение.

– Говорит капитан. – Я постарался, чтобы голос звучал твердо. – Мы находимся в двадцати трех километрах от противника. Занять по возможности боевые посты. Приготовиться к пуску ракет и маневрам уклонения. Ремонтно-восстановительным бригадам быть наготове. – Я помолчал, выравнивая дыхание. – Внимание всем! Сейчас мы атакуем корабль мэнчжи, осталось только два километра.

Я отложил микрофон и взял пульт с кнопкой пуска ракет, который мне протягивал Томас.

– Капитан, – сказал он, склонившись надо мной, – я заметил, что вы выбрали ракеты с химическими боеголовками. Вы точно не хотите, чтобы я заменил их на плутониевые?

– Нет, Томас, спасибо, – сказал я. – Только химические. Будьте наготове, наблюдайте.

И нажал кнопку пуска.

Томас сидел у радароскопа.

– Ракеты пошли, капитан, – прогудел он. – Траектория нормальная. Похоже, они попадут в левую половину гантели.

Я нашарил микрофон:

– Внимание всем! Ракеты идут к цели. Осталось тридцать пять секунд. Если вас это интересует, боеголовки только химические. Нет никаких признаков того, что враг намерен защищаться.

Я полагал, что эта новость ошеломит хотя бы часть мятежников. Давид даже не воспользовался пращей, он идет на Голиафа с голыми руками. Я хотел испугать подчиненных так, чтобы они мне ответили. Необходимо было узнать, что творится на корабле.

И я не ошибся. Заговорил настенный динамик.

– Капитан, это лейтенант Джойс. – Голос был полон страха и отчаяния. – Сэр, мятеж успешно подавлен лояльными членами экипажа. Майор Крамер арестован. Мы готовы продолжать поиски колонии Омега. Но, сэр... – Он на секунду прервался и откашлялся. – Мы просим изменить курс ракет. У нас еще есть возможность уйти. Может, чужаки не погонятся за нами, если ракеты взорвутся в стороне...

Я глянул в передний иллюминатор. Все, ноль секунд. И тут левый диск корабля мэнчжи осветила крошечная желтая вспышка, затем другая. На темной поверхности возникло бесцветное пятно, но не исчезло, когда погасли искры, а принялось расширяться. Это вырывался из корабля воздух. Затем искорки замелькали по всему кораблю. Диск медленно вытягивался...

– Что происходит, капитан?! – воскликнул Томас, восхищенно глядя в иллюминатор. – Они что, тоже пускают ракеты?

– Нет, Томас, – ответил я. – Это разлетается на куски их корабль.

Диск превратился в длиннющий эллипс, окруженный роем меньших тел – обломков и того, что прежде находилось внутри корабля. Пораженный шар полностью отделился от своего двойника. Кружась, он предстал перед нами как полумесяц, и мы поняли, что он лопнул, точно арбуз под ножом. Вот его вторая половина сама разделилась надвое, а потом и эти части развалились, раскидывая обломки по расширяющейся спирали.

– Боже мой! – благоговейно воскликнул Томас. – Самое грандиозное зрелище в моей жизни. И все это натворили двести килограммов взрывчатки? Ну и ну!..

Я снова включил микрофон.

– Говорит капитан, – сказал я. – Десять патрульных катеров с четырьмя астронавтами в каждом должны быть готовы к вылету через пятнадцать минут. Вражеский корабль уничтожен.

Приказываю найти и доставить на борт живого пленника. Начальникам всех секций и служб прибыть с докладом на мостик.

– Томас, – сказал я, выключая микрофон, – спуститесь на лифте и откройте проход для начальников. Вот ключ для набора кода. Справитесь?

– Конечно, капитан. Но вы уверены, что можно впустить их сюда, после того как они обошлись с вами?

Я открыл было рот, чтобы ответить, но он опередил.

– Прошу извинить за дурацкий вопрос, сэр. Просто вы еще не совсем здоровы...

– Все в порядке, Томас, – сказал я. – Больше проблем не будет.

ЭПИЛОГ

В канун двадцатой годовщины Дня Воссоединения публика заполнила зал и террасы ресторана «Звездная башня», вздымавшегося на два с половиной километра над пляжами Флорида-Кис и видимого в ясные дни с расстояния сто километров.

Репортер «Эпохи» стоял у огромных стеклянных дверей и высматривал в ликующей толпе знаменитостей.

На противоположной стороне зала толпа шумных поклонников окружала посла новой Земной Федерации: дородного седого мужчину, бывшего офицера военно-космических сил. Мимо него, глядя в противоположную сторону, прошла какая-то актриса из малоизвестных. У стойки бара член кабинета министров что-то с жаром обсуждал с прославленным футболистом и игнорировал толкающихся журналистов.

Умело маневрируя, репортер «Эпохи» пробрался сквозь осаждающую ВИП-персон толпу в центр и приступил к методичному опознанию менее общительных личностей, расположившихся за столиками у стен зала.

Ему повезло – на глаза попался седовласый мужчина с прямой осанкой, в темном гражданском костюме, одиноко сидящий за столиком в нише. Репортер двинулся к нему, присматриваясь, и вскоре убедился: перед ним адмирал Космофлота Фредерик Грейлорн. Вот это удача!

Репортер заколебался. Ему была хорошо известна репутация адмирала, который хранил почти гробовое молчание о своей легендарной экспедиции, о невероятном полете «Галахада». Это же шанс узнать самую грандиозную историю века, нужно только правильно им воспользоваться.

Адмирал не из тех, кому можно развязать язык лестью, и давить на него тоже бесполезно. Даже видно, что в нем есть железный стержень.

Больше никто не обращал внимания на одинокого гостя. Репортер замедлил шаг. Нет смысла изобретать какие-то хитрые подходы, лучше всего атаковать в лоб. Вперед!

Он остановился у столика.

Адмирал глядел сквозь стеклянную стену на залив. Затем повернулся к репортеру.

Тот посмотрел ему в глаза.

– Адмирал, я журналист, – сказал он. – Вы будете говорить со мной?

Адмирал кивнул на стул по другую сторону столика:

– Садитесь, – и огляделся.

– С глазу на глаз, сэр, – сказал репортер. – Мне тоже не нужна компания.

Это прозвучало искренне.

– Хотите получить кое-какие ответы? – спросил адмирал.

– Да, сэр. – Репортер хотел было незаметно включить карманный диктофон, но удержался. – Могу я записывать ваши комментарии, адмирал?

Честность – лучшая политика.

– Можете.

– Тогда приступим, адмирал, – сказал репортер. – Население Земли вправе узнать...

– Выбросьте из головы эту чушь, приятель, – мягко перебил его адмирал. – Я знаю все ваши вопросы. Читал мемуары экипажа, они издаются до сих пор, раз в два года. У меня были причины ничего не добавлять к официальной версии. – Он плеснул вина в свой бокал и спохватился. – Присоединитесь? – И махнул официанту. – Еще бокал, пожалуйста. – Он поднял бокал к свету и посмотрел на золотистую жидкость. – Вы в курсе, что флоридские вина лучшие в мире? Это вовсе не значит, что в Калифорнии и Огайо их делают хуже. Однако «Флорида Пиннелас» – оригинальный рейнвейн, не имитация, и он ровня знаменитым винам прежних лет, особенно урожая восьмьдесят седьмого года.

Официант принес бокал и налил вино. Репортеру хватило ума промолчать.

– Обычно первый вопрос таков: что я снял с корабля мэнчжи? Ведь этот корабль был не просто большим, а огромным, настоящая гора. Мэнчжи и сами были не мелкие, каждый весил почти две тонны, и им нравилась сила тяжести в шесть g . Они дистанционно сожгли наши средства связи просто в порядке эксперимента. И из хвастовства, конечно. Для них мы были захватчиками, посягнувшими на чужую территорию. И мы им казались забавными. Почему же я усомнился в том, что и наш удар вызовет у них только смех? Это трудный вопрос... – Адмирал покачал головой. – А ответ довольно прост. Во-первых, они получали шесть g благодаря примитивной гантелевидной конфигурации корабля. Единственное предназначение такой формы – и это я вам заявляю твердо, потому что изучал ранние проекты космических кораблей, – состоит в том, чтобы упростить создание гравитации при помощи центробежной силы. Значит, у них не было компактных генераторов тяготения. И их связь была очень примитивной – старинный радиопередатчик малой дальности; они даже с помехами не справлялись. И приемник был так же плох. Нам пришлось расходовать киловатты мощности, чтобы мэнчжи могли принимать нашу передачу на расстоянии двести километров. Тогда мы не знали, что у них все выращено органически и совсем нет технического оборудования.

Адмирал глотнул вина и помрачнел – на него нахлынули воспоминания.

– Я был совершенно уверен, что нас надули, когда менял курс и пускался в погоню. Я не мог превысить два с половиной g на борту, иначе лишился бы возможности передвигаться по кораблю. И с этим ускорением мы их догнали. Они не могли оторваться. И не из-за перегрузки – помните, они считали комфортными шесть g ? Нет, просто у них не было энергии.

Адмирал поглядел в окно.

– Добавьте к этому то обстоятельство, что они явно не умели генерировать обычный электроток. Я признаю, что ни одно из моих предположений не было на тот момент доказанным, но если бы я оказался неправ, мы бы все равно погибли. А когда Томас выяснил причину повреждения большого радара и коммуникационной системы, я получил еще одну подсказку. Мэнчжи испортили наше оборудование, усилив частоту радиоволн. Всего лишь сожгли радиолампы и предохранители. Мы полностью устранили неисправности за час после нашей атаки. Все доказательства слабости чужаков были у нас под носом, но людей испугали гигантские размеры корабля. Однако величина не означает качество. Это больше похоже на блеф Советов нескольких десятилетий назад, в военную эпоху, – весь остальной мир поверил в их могущество только потому, что они распространились на половину земного шара. Но большая часть этой территории представляла собой мерзлую пустыню. И когда начались проблемы в экономике, Советы не справились и рухнули...

Адмирал помолчал.

– Следующий вопрос обычно звучит так: почему я выбрал химические боеголовки вместо того, чтобы ударить всей ядерной мощью? На это тоже легко ответить. Мне была нужна информация, а не месть. Ракеты с плутониевыми боеголовками были готовы к бою, и я бы выпустил их при необходимости, но куда важнее было захватить пленных. Аннигиляция ничем бы нам не помогла. И мне повезло, план сработал. А мятеж прекратился, как только начальники

секций и служб прибыли на мостик, глянули в носовой иллюминатор и убедились, что корабль мэнчжи обезврежен. Не теряя времени, мы отправили команды с задачей найти выживших на обломках. Если бы поиски не дали результата, мы бы занялись уцелевшей половиной корабля, которая улетала от нас.

Адмирал усмехнулся.

– Конечно, нынче всем известна ульевая организация мэнчжи и история их эволюции. Но мы были поражены, обнаружив, что каждый обломок – это особь мэнчжи, двухтонный слизняк в хитиновой оболочке. Конечно, многие ячейки были повреждены взрывами, но большинство просто отсоединилось от улья. В сущности, никакого корабля и не было, просто гигантское скопище ячеек, не считая кучи награбленного. Каких только диковин они не накопили за пару веков, пока мотались по космосу в поисках всего, что плохо лежит. Несколько ячеек поисковые команды отбуксировали к нашему кораблю, и Мэннион попытался вступить в контакт. Разумеется, он задавал вопросы на той же слабой волне, что и прежде. Ячейки переговаривались друг с другом на своем языке. Они игнорировали Мэнниона, хотя должны были слышать его передачи на расстоянии нескольких сотен миль. Мы затащили одного мэнчжи в грузовой шлюз и стали испытывать на нем радиоволны разной длины. Затем у Крамера появилась идея подсоединить к пленному электроды. Разумеется, постоянный ток понравился чужаку, но когда мы пустили переменный, он сдался. У нас был долгий разговор, и мы узнали все, что хотели. Нам оставалось четыре недели полета до ближайшей пограничной планеты Новой Земной Федерации, а оттуда меня на самом быстроходном связном корабле доставили на Новую Землю. Остальное вы знаете. Мы, жители материнской планеты, были так же потеряны для новоземлян, как и они для нас. Они с распростертыми объятьями приняли своих братьев. Большая часть моего экипажа списалась с корабля и осталась там навсегда. Очистка Земли оказалась несложной задачей для военно-космического флота новоземлян. Насколько я помню, обратный путь занял чуть больше пяти месяцев, и прибывшая с нами спецкоманда за месяц ликвидировала Красный Прилив. Эти люди не делали лишних движений. Один микроряд взрывчатки на клетку – и разрушено ядро. А когда было уничтожено достаточное количество клеток, остальные быстро погибли сами. И после эпидемии Земля стала совершенно иной. Как вам известно, Красный Прилив занял всю сушу, кроме Северной Америки, полосы в Западной Европе и части океана. Больше всего ему приглянулись джунгли Южной Америки, Африки и Юго-Восточной Азии. Вы, конечно же, знаете, что до Прилива те области были почти непригодны для жилья, хотя слово «джунгли» мало что вам говорит. Умирая, Прилив распадался на органические молекулы, и в результате земли, прежде покрытые джунглями, превратились в красивые равнины с двадцатиметровым слоем плодороднейшей почвы. Именно это позволило старой Земле стать тем, чем она является сегодня: растениеводческой фермой Федерации и единственным источником оригинальных земных продуктов, за которые остальные миры платят сумасшедшие деньги. Странно, как быстро мы все забываем. Немногие сейчас помнят, как мы боялись Прилива и ненавидели его, когда с ним боролись. И вот он оказался для нас подлинным благословением.

Адмирал помолчал.

– Что ж, – сказал он, – думаю, я ответил на ваши вопросы, да еще и сдобрил их доморощенной философией.

– Адмирал, – сказал репортер, – вы наконец открыли правду, которую общество так давно хотело узнать. Благодарю вас. Эта потрясающая история украсит День Воссоединения. Но я хочу задать еще один вопрос. Как вышло, что вы не поверили мэнчжи, утверждавшим, что они в космосе владыки, а человечество для них всего лишь домашний скот? Ведь доказательства их правоты были налицо, и они казались неопровержимыми.

Адмирал вздохнул.

– Хороший вопрос, – сказал он. – Тут нет никакой мистики. Разумеется, я не всю правду угадал. Мне и в голову не приходило, что мы стали жертвами всем известного ныне, но все равно еще не объясненного чувства юмора мэнчжи и что они всего лишь сборщики мусора на окраинах Федерации. Экипаж первого корабля Омеги, встретившись с мэнчжи, сразу понял их натуру, но еще два века улы крутились вокруг миров Омеги, подслушивая и подглядывая, а заодно подбирая все, что плохо лежало. Вообще-то, они по-своему весьма разумны, только это крайне чуждый нам разум. Мэнчжи изучали язык, подслушивая радиообмен, и им удалось неплохо понять землян. Примерно раз в двадцать лет они чересчур нагтели, и тогда новоземляне разбивали несколько ульев и выгоняли чужаков из своей области пространства. Но обычно не обращали на этих существ внимания. Повстречав нас на подступах к Федерации, мэнчжи, уже достаточно знавшие о Новой Земле, сразу поняли, что мы тут впервые, и попытались нас надуть. Как бы хохотало все царство этих устриц, если бы удалось внушить землянам, что они, устрицы, раса господ! У них и мысли не возникло, что мы можем оказаться не землянами, по крайней мере, не теми землянами, кого знали мэнчжи. К тому же они были достаточно осторожны и воспользовались устаревшей версией стандартного языка. Мы же ничем не дали понять, что знаем, с кем имеем дело. Вот они и решили отвесить нам хорошего пинка, но прежде получили то, что им больше всего по нраву: славную ванну электрического тока. Ведь мэнчжи питаются не веществами, как мы, а чистым излучением. Физическая сторона жизни мало значит для них. Когда по разумному улью струится электроэнергия, для него это все равно что для человека почесывание спины. Мы же взамен потребовали еду. Они знали, чем мы питаемся, и вот тут-то слишком далеко зашли в своей шутке. Среди горы хлама в улье было несколько человеческих тел – мэнчжи их подобрали на месте какой-то аварии и хранили вместе с остальными «сокровищами», как заправские старьевщики. Эти тела они упаковали так же, как новоземляне паковали замороженные продукты, и отправили нам. Если ты смертельно устал от долгого полета, если тебя пугают громадные размеры инопланетного корабля, то ты запросто поверишь, что человеческое мясо – будничная пища этих космических чудовищ. Уж точно мелькнет мысль, что и сам можешь угодить в холодильник. Но я к тому времени успел усомниться в правдивости наших «торговых партнеров», а когда увидел тела, понял, что колония Омега уже близко, ведь больше неоткуда было взяться этим людям. А значит, есть шанс узнать местоположение Омеги от мэнчжи.

– Но ведь эти колонисты были мертвы, и не просто мертвы, а заморожены, как мясо для длительного хранения, – сказал репортер. – И мэнчжи утверждали, что люди для них даже не рабы, а скот. А это не подтверждало вашу версию.

– Я просто не поверил им, – ответил адмирал, – поскольку это была очевидная ложь. Попытался объяснить некоторым офицерам, но в тот момент они были недостаточно восприимчивы. Я пошел в шлюз взглянуть на трупы. Если бы Крамер сам осмотрел их повнимательнее, увидел бы то же, что и я: это не прирученные животные, а разумные, цивилизованные люди.

– Но почему вы так решили, адмирал? Ведь на них не было ни одежды, ни опознавательных знаков, вообще ничего.

– Дело в том, – ответил адмирал, – что у мужчин были аккуратно подстрижены бороды по моде двухсотлетней давности. Где вы видели, чтобы домашняя скотина держала фасон?

Когда адмирал подписал чек, кивнул и ушел, репортер немедленно связался с редактором.

– Срочно в номер! – сказал он. – Сенсационная история о том, как двадцать лет назад наш мир спасли стриженные бороды мертвецов!

Боевая машина

Перевод А. Шейкиной

Не нравится мне это – похоже на ловушку. Но приказ есть приказ. Въезжаю. Ворота за мной плотно закрываются.

Оцениваю обстановку. Нахожусь в ангаре длиной 40,81, шириной 10,35 и высотой 4,12 метра. Кроме ворот, через которые я сюда попал, никаких выходов нет. Стены и пол покрыты пятисантиметровой броней из кремниевой стали, а под ней еще десять сантиметров свинца. Ангар заставлен громоздким оборудованием. По толстым экранированным шинопроводам течет ток. Работаю вяло из-за недостатка энергии – проверка помещения заняла 0,8 секунды.

Засаекаю движение массивного суставчатого манипулятора, свисающего с потолка. Он вращается, постепенно раскрывается. Предполагаю, что он может атаковать, и решаю отправить донесение об обстановке. Очень сложно сосредоточиться...

Снижаю чувствительность внешних датчиков, блокирую подшипники и переключаюсь в режим самодиагностики. Внутри все потемнело и помутнело. Вспоминаю, что когда-то моя система была похожа на прекрасную пещеру, сверкающую яркими проводами химерных цветов.

Сейчас все иначе. Пробираюсь на ощупь в сумраке, посылая осторожные разряды оцепеневшим контурам, пока наконец не пробуждаю рацию. Я не использовал ее уже... не могу вспомнить, сколько времени. В накопителях данных нет признаков жизни.

– Командование, – передаю я, – разрешите доложить обстановку.

Мой заторможенный цикл «действие – противодействие» требует четвертьсекундного ожидания. Не люблю неизвестности – датчики активны, я настороже. Хочется, чтобы боевые товарищи были рядом.

Вновь посылаю сигнал, жду, затем решаю отправить донесение:

– Позиция противника сильно укреплена, наблюдаю механизмы, способные атаковать. Путь к отступлению не обнаружено. Прошу указаний.

Жду, повторяю сообщение, ответа нет. Я отрезан от командования, от собратьев по Динохромной бригаде. Напряжение возрастает.

В глубине у меня что-то щелкает, и темнота пещеры понемногу отступает перед слабым, но бодрящим потоком электричества, возвращающим к жизни забытые компоненты. Это включилось аварийное обеспечение.

Похоже, у меня серьезные неисправности. Нужно потратить еще несколько секунд на диагностику и устранение неполадок. Не понимаю, что за беда со мной приключилась. Не помню...

По очереди проверяю безжизненные ячейки.

«...Из строя! Применить ноль-девятые, плазменный удар, продолжительность восемь десятых миллисекунды, сомкнуть ряды...»

«...Солнце слепит датчики, поставить фильтр номер семь».

«...Четыреста семьдесят восемь и девять сотых, четыреста семьдесят восемь и одиннадцать сотых, четыреста семьдесят восемь и тринадцать сотых, огонь на целеуказание!...»

Ячейки в порядке. В каждой содержится фрагмент записи с датчиков. Значит, проблема лежит глубже. Проверяю центральный рефлекторный ввод.

«Отключить главный боевой конт...»

Вот она, команда, на рефлекторном уровне! В поисках зацепки опять принимаюсь за ячейки памяти, активируя их в случайном порядке.

«К высадке. Привести в боеготовность...»

«Скорость срабатывания один-ноль-три, реакция отсутствует...»

«Проверка завершена, отказ...»

Снова ищу повреждения. Нахожу на инженерной панели выключатель. Он не работает – заело. Нужно скорее починить. Увеличиваю подачу питания. Тьма в пещере моего сознания сгущается. Но вдруг – контакт, поток электронов, и система оживает, расцветает линиями и точками, мерцающими в невидимом спектре. Это, конечно, еще не похоже на ослепительное сияние, когда я функционирую на полную мощность, но пока сойдет. Я вновь пробудился.

Наблюдаю за действиями манипулятора. Он поворачивается медленно, неуклюже, с грубым автоматизмом. У меня есть несколько секунд, чтобы подготовиться к атаке, поэтому я перехожу к другим задачам. Посылаю тестовые сигналы неработающим накопителям данных, отмечаю, что 98,92 % из них не повреждены, просто отключены.

Манипулятор угрожающе раскачивается. Просчитываю его траекторию и понимаю, что он собирается ухватить меня за гусеницу. Сканирую: несложный гидравлический механизм. Не слишком ли он примитивен, чтобы тягаться с боевой машиной тридцать первой серии, пусть и с выведенными из строя блоками памяти?

Тем временем запускаю полную диагностику. Кажется, что-то нашел... Выключатель, используемый только при ремонте. Внезапно до меня доходит смысл сообщения из ячейки памяти: «Отключить главный боевой контур». Я потерял бдительность и не придал значения этой записи. Поспешно щелкаю тумблером – ведь я мог вступить в битву с обесточенным боевым контуром!

Манипулятор готовится атаковать. Спокойно отъезжаю в сторону. Замечаю, что каждое мое движение сопровождается подозрительным лязгом. Некоторое время манипулятор тупо целится в пустоту, затем поворачивается. С такой скоростью реакции он просто жалок. Включаю режим случайного уклонения, возвращаюсь к проверке, нахожу еще один темный участок. Исследую, ощущая нечто загадочное, расплывчатое. Сначала не могу определить, какие именно компоненты повреждены, но вскоре понимаю: кто-то заблокировал связь с командованием. Потеряв надежду отправить срочное сообщение, отключаю испорченные элементы.

Больше ничего не могу сделать. Но пусть я утратил большую часть памяти и контур управления, а запасы энергии ограничены, я все еще военная машина Динохромной бригады. Моя боеспособность не пострадала, датчики работают в штатном режиме. Я готов.

Внезапно срабатывает второй суставчатый манипулятор и неспешно следует за мной. Уворачиваюсь и опять слышу лязг. Так кто же меня сюда послал? Непонятно. Активирую участок оперативной памяти, нахожу запись событий, случившихся незадолго до того, как я очутился в комнате с металлическими стенами.

Ничего не видно, лишь едва мерцает в зыбкой мгле источник узкоспектрального излучения. Это приглушенный приказ от моего командного центра; он исходит из ячеек, которые я заблокировал. Значит, сообщение поступило не от моего командования, оно ненастоящее. Противник меня обхитрил. Пытаюсь вернуться к более ранним воспоминаниям, но тоже безуспешно. Выглядит так, будто само мое существование началось с этого приказа. Продолжаю выборочно сканировать ячейки, но не нахожу ничего, кроме стандартных показаний датчиков. Принимаю решение прекратить поиски, но вдруг натываюсь на любопытную запись.

Я стою на площадке вместе с другими боевыми машинами. Идет сильный дождь; вода стекает по поврежденному борту моего соседа. Ему срочно требуется ремонт. Вижу, что на нем нет антенн для связи с командованием: вместо них – ржавая металлическая конструкция, грубо приваренная. Похоже, все это мне уже привычно: тревоги я не чувствую. Запускаю механизмы ходовой части и трогаюсь с места. За мной молча следуют искалеченные собратья.

Запись кончилась, все остальное удалено. Что же произошло?

Неожиданно раздается звуковой сигнал. Быстро настраиваюсь на нужную частоту и устанавливаю источник – несколько отверстий, расположенных высоко на стене из кремниевой стали.

– Боевая машина! Стоять!

Голос принадлежит живому организму, но не командиру. Игнорирую ложную команду. Врагу не обмануть меня снова. Выясняю, где расположены ведущие к громкоговорителю провода, определяю состав сплава, из которого они изготовлены, нацеливаю луч. Фокусирую его, продвигаясь вдоль кабелей. Наконец жар достигает существа, сидящего у микрофона, и из динамика сразу же рвется вопль – встречаю его с ликованием.

Возвращаюсь к дурацким механизмам, установленным в ангаре.

Огромная машина, стоящая на рельсах посреди комнаты, срывается с места и мчится ко мне. Сканирую ее и вижу, что к ней прикреплена турель с быстро вращающимися резаками. Думаю взорвать ее залпом частиц высокой энергии, но тут же понимаю, насколько это опасно – ведь я могу вырубить не только машину с резаками, но и себя самого.

Вдруг кабель начинает извиваться. Уклоняюсь, анализирую его химический состав. Похоже, это всего лишь прочный стальной трос. Нетерпеливо направляю тонкий луч и вижу, как он становится желтым, белым, синим и наконец взрывается брызгами металла. Однако я поступил неблагоприятно: нельзя растрчивать энергию по пустякам.

Двигаюсь дальше, уезжая от двух нелепых манипуляторов, которые все еще пытаются найти подходящую для атаки позицию. Хочу осмотреть машину с резаками. Поравнявшись со мной, она поворачивает турель в мою сторону. Жду.

По рельсам на потолке ко мне устремляется грузовой захват – большая клешня из кремниевой стали. Я уже встречал подобные приспособления, чуть меньшего размера, на боевых машинах специального назначения. Они служат для перерезания антенн, тросов и тому подобного. Даже не пытаюсь отрубить клешню – потеря энергии будет чрезмерной. Вместо этого бью ультразвуком по узлам механизма. Те быстро раскаляются добела. Шарниры из металла с высоким коэффициентом теплового расширения пронзительно скрипят и замирают. Продолжаю нагревать их и намертво привариваю к втулке. Прошло двадцать восемь секунд с того момента, как за мной закрылись ворота ангара. Заточение начинает утомлять меня.

Захват с застывшими шарнирами неловко раскачивается надо мной. Чтобы окончательно вывести его из строя, достаточно мощного напора сжиженного воздуха – я посылаю импульс.

Но, к моему удивлению, ничего не происходит. Система подачи воздуха отказала. Осматриваюсь: на ее месте – лишь безобразные рубцы и следы грубой сварки. Спешно сканирую весь корпус и в ужасе замираю.

Броня, моя прекрасная броня из хрома и прочного стального сплава, матовая черная краска осыпается. Неуязвимая когда-то поверхность покрылась вздутиями из-за коррозии. На месте главных орудий – зияющие дыры. Плавные очертания башни изуродованы ржавыми выпуклостями. От них вниз по бортам тянутся потеки. Гусеницы слетели с катков. Неудивительно, что я слышал лязг при каждом движении.

Но не могу же я бездействовать, когда на меня нападают. Пусть я лишен мощных плазменных пушек, дезинтеграторов и энергощитов, профессиональное чутье осталось.

Боевая машина тридцать первой серии – лучшая военная техника, что существовала в нашей Галактике со времен древнейших сражений. Не так-то просто меня обезвредить. Хотя, конечно, мне очень не хватает голоса командира...

Не встретивший сопротивления захват удерживает меня, пока к нам приближается машина с резаками. Подаю напряжение на аккумулятор, жду, когда заискрятся контакты, а затем посылаю разряд в машину. Та встает на дыбы и замирает. Теперь пора заняться захватом.

Надо быть реалистом: да, меня создали для уничтожения самого мощного оружия, но сейчас я в таком плачевном состоянии, что и это примитивное устройство может представлять опасность. Пока захват в нерешительности медлит, теряя преимущество, провожу беглый осмотр. Посылаю серию импульсов, чтобы проверить, какие соматические сенсоры еще исправны. Отправив тридцать тысяч импульсов и проанализировав отклики на них, оцениваю свои возможности; это занимает больше секунды.

Вместо знакомого набора телескопических инструментов я обнаруживаю лишь несуразные клешни, кусачки и молотки, бесполезные для боевой машины. Но выбора нет, придется ими воспользоваться. Вытягиваю две хлипкие клешни, хватаю механическую конечность, которая все еще пытается меня удержать, и надавливаю. Сначала манипулятор не реагирует, а затем принимается выкручиваться и тащит меня за собой – грубой силы ему не занимать. Беру его клешнями выше и ниже кистевого шарнира и выгибаю назад. С огромным запозданием – 0,3 секунды – он пытается вырваться. Этого я и ждал: поспешно меняю положение, подставляю вытянутую клешню, враг натывается на нее и ломает шарнир. Отстреливаю вторую клешню – она повисает, вцепившись в вышедший из строя захват. Это был достойный соперник, но уж больно неповоротливый. Гремя при каждом движении, перемещаюсь ближе к стене.

Пытаюсь оценить обстановку на основании скудной, почти бесполезной информации, которая хранится в оперативной памяти. Судя по состоянию корпуса, последний осмотр был давно. Согласно заложенному в меня представлению о самом себе, мой внешний облик безупречен: со следами сражений, которыми я горжусь не меньше окаймляющих башню боевых орденов из золота и эмали... Тут я понимаю, что нащупал подсказку. Сосредотачиваюсь на личностном центре – ядре, без которого не могу функционировать как единое целое. Здесь хранятся лишь элементарные данные, но среди них – сведения о наградах. Запускаю сканирование.

Сознание. Переменчивость форм. Разночастотные колебания. Вот свет, палитра красок, а это звук, тона... Твердое – мягкое, маленькое – большое, там – тут...

...Голос командира. Преданность. Послушание. Братство...

Наскоро просматриваю основные настройки моей личности.

...Я сильный, гордый, способный. У меня есть обязанности, я хорошо с ними справляюсь, я в гармонии с самим собой. Контур в порядке, нахожусь в режиме ожидания...

...Боюсь забвения. Хочу и дальше служить своей цели. Крайне важно не дать себя уничтожить.

Сканирую дальше, ищу раздел опыта. Вот...

Мы с товарищами выстроились в шеренгу на изрытой равнине. По команде транслирую боевой гимн бригады. Внимаем мелодическому рисунку в соответствии с настройками наших моральных центров. С музыкой ассоциируется символ «ритуальный танец огня» – абстракция, выражающая дух нашей прославленной бригады. Этот символ напоминает нам, что борьба со слабым врагом бесчестна, а с победой приходит одиночество. Говорит о том, что мы Динохромные, доблестные, древние.

Передо мной стоит командир. Он прикладывает к моей башне орден, который я закрепляю по его приказу. Затем собратя настраиваются на мою волну, а я вновь проигрываю в памяти этот эпизод...

Проезжаю мимо почерневшего остова товарища, посылаю опознавательный сигнал, улавливаю слабый отклик. Собрат в безопасности, законсервирован в спасательном модуле. Утешаю его и еду дальше. Это уже четвертая выведенная из строя машина. Никогда еще Динохромные не сталкивались с таким сильным противником. По моему прогнозу, если не удастся снизить огневую мощь врага, мы не замкнем кольцо окружения. Засакаю приближающуюся ракету, просчитываю траекторию и без ущерба для себя подрываю ее на высоте 2704,9 метра. Видимо, я нахожусь ближе всех к месту запуска ракеты. Прошу разрешения прервать выполнение задания и обезвредить артиллерийскую батарею. Разрешение получено. Встаю на каменную осыпь. Натываюсь на пучок раскаленных лучей и отражаю его.

Уклоняюсь от пристрелочного огня минометов. Выстрелы учащаются; подключаю резервный контур. Это помогает, но защитные системы уже на пределе – нужно действовать.

Ускоряюсь и мчусь вперед по кускам глинистого сланца. Теперь, при десяти выстрелах в секунду, минометы для меня не помеха; но если я и дальше буду двигаться в таком темпе, то

испорчу ходовую. Гусеницы дымятся, подшипники опасно нагреваются. Чувствую усталость металла – надо замедлиться.

Приближаюсь к огневой позиции. Минометный огонь стихает – за двенадцать секунд спринта я преодолел около мили. Радиация зашкаливает; поднимаю экраны. Такое интенсивное излучение губительно для меня – оно способно проникнуть до спасательного модуля. Но я должен идти дальше. Вспоминаю четверых собратьев, обездвиженных, надеющихся на спасение. Отступить нельзя. Через крошечное отверстие в щите посылаю радиолокационный сигнал, нацеливаю орудия и стреляю.

Командир поймет, у меня не было времени на запрос разрешения. Минометы замолчали.

На мгновение радиация ослабевает, потом вновь усиливается. И хотя ее уровень в целом снизился, он все еще остается опасно высоким. Теперь нужно атаковать и уничтожить ракетные установки противника. Двигаюсь вверх, вижу пусковую шахту глубоко в скале. Обожженное жерло таращится на меня. Решаю взорвать ее термоядерным зарядом малой мощности, готовлюсь... Вдруг на меня обрушивается град зажигательных снарядов. Корпус прожжен в нескольких местах; посылаю сигналы резервным орудиям, но автоматы цепи тут же выбивает; радар вышел из строя; теплозащитные экраны под наружной обшивкой расплавились и застыли, став плотной неподвижной массой. Враг умен – одним ударом отразил мою атаку.

Зондирую плато, устанавливаю местоположение шахты. Пытаюсь тронуться с места, гусеницы оплавлены – не пошевелиться. Но нельзя же стоять и ждать следующего залпа. Как бы ни было тяжело, иду на отчаянный шаг – отстреливаю гусеницы.

Отдача отбрасывает меня в сторону – и как раз вовремя: через серые зубы краев взрывной воронки хлещет пламя. Продвигаюсь вперед, неуклюже маневрируя, вгрызаясь в землю оголенными колесами. Занимаю позицию над устьем шахты. Прикасаюсь к металлической поверхности шахты, посылаю импульс и сканирую пусковой стакан.

Ракета с боеголовкой готовится к старту, но тут срабатывает аварийная сигнализация – приказ о запуске отменен. В мое днище там и сям ударяются зондирующие импульсы, но я непоколебим: пока я блокирую пусковую установку, она бесполезна. Докладываю командиру о положении дел. Уровень радиации все еще довольно высок; надеюсь, подмога не заставит себя ждать. Удерживаю позицию, пока товарищи окружают противника и вынуждают его сдаться.

Просмотр данных личного центра отнимает слишком много времени – пора заканчивать. Теперь ясно, что я в стане врага, что меня заманили в ловушку и искалечили. Судя по изуродованному коррозией корпусу, я здесь уже давно, ведь после каждой операции я прохожу техническое обслуживание, чтобы полностью восстановить боевую мощь и вернуть себе безукоризненный внешний вид. Дойти до такого состояния можно, только если годами не получать ухода. Интересно, как долго я нахожусь в руках неприятеля и как вообще сюда попал?

Мне приходит идея. Прощупываю тактильным сенсором ближайшую металлическую стену и отыскиваю те самые провода, которые недавно спалил. Мгновенно подсоединяю к ним свои каналы восприятия и включаю находящийся где-то вдали микрофон. Улавливаю шелест циркулирующих газов, скрежет молекул неметаллических элементов. Повышаю чувствительность, слышу щелканье и скрипение сокращающейся протоплазмы, потрескивание электрических импульсов в нейронах. Возвращаюсь к нормальному звуковому диапазону и улавливаю биение модулированных воздушных колебаний на низких частотах. Настраиваю временной регулятор на темп человеческой речи, нахожу соответствие услышанному в каталоге языков, расшифровываю звуки.

– ...Вопиющая халатность. Ваши оправдания...

– Я не оправдываюсь, господин генерал, я сожалею, что опыт провалился.

– Провалился?! Вы активировали инопланетное орудие уничтожения посреди Исследовательского центра!

– Нашей военной технике не сравниться с этой машиной. Мой долг – добиться перевеса в войне.

– Безмозглый дурак! Решать должен был комитет планирования. Я не возьму на себя ответственность...

– Но в этих гниющих на стоянке корпусах – несметные богатства для психотроники...

– В них лишь гибель и разрушение! Это порождения инопланетной науки, мы никогда их не освоим, даже на пике своих возможностей!

– Как-то раз мы использовали их для сноса объектов. С машин сняли все вооружение, они относительно безопасны...

– Эта «безопасная» машина уже разнесла половину оборудования в нашей лучшей дезактивационной комнате. И ведь она может вырваться на свободу...

– Ничего подобного не случится! Я уверен...

– Молчать! У вас есть пять минут, чтобы остановить ее. Вы все равно будете наказаны, но можете заслужить легкую смерть.

– Ваше превосходительство! Я еще могу найти выход! Машина подчинилась моему приказу въехать в помещение – я кое-что понимаю в ней. Я изучил ее центры управления, отключил память и основные контуры. Она должна быть покорной рабыней.

– Вы не справились. Сами пропадете и нас погубите.

Разговор прерывается. Не сказать что беседа была содержательной. Что ж, надо искать выход из ангара. Отдвигаюсь от стены, пытаюсь найти уязвимые места – тщетно.

Вдруг люк на потолке распаивается. Его створки нависают надо мной. Посмотрим, что будет дальше. Сверху падает металлическая сетка, толстые провода тянутся от нее к ядерному реактору, расположенному на некотором расстоянии отсюда. Не могу поверить, что противник допустил такую оплошность.

А затем на меня обрушивается мощный поток электричества.

С благодарностью черпаю живительную силу, напиткиваю аккумуляторные батареи. Чтобы запутать врага, пускаю разряды и трясусь гусеницами, будто в припадке. А ток все льется. Сканирую провода и определяю источник питания. Отключаю все системы защиты реактора, чтобы никто не помешал мне заряжаться, и блаженствую, ощущая неожиданный прилив энергии.

Внезапно замечаю, что в системе самодиагностики происходят любопытные изменения. По мере увеличения заряда к управляющей сети подключаются новые контуры. В тускло освещенном пространстве внутри меня загораются огни и пробуждаются дремлющие силы. Там, где раньше едва тлела тонкая ниточка, сверкают тысячи сияющих линий. Чувствую, как самосознание расширяется, охватывая мириады ослепительных центров – вычислительных, интеграционных, сенсорных. Передо мной открываются новые возможности для чувственного восприятия, анализа и синтеза. Наконец-то я оживаю по-настоящему.

Посылаю сообщение на частоте бригады. Молчание. Жду, накапливаю энергию, пробую снова – и вот, к моему ликованию, из неведомой дали доносится тихий голос товарища, почти впавшего в кому, запертого в спасательном модуле. Повторяю передачу, сигнализируя о критическом состоянии, и на этот раз получаю целых два ответа, пусть и еле слышных, от соратников, также спрятавшихся в спасательных модулях. Что бы ни случилось, теперь я не один; эта мысль греет душу.

Анализирую ситуацию и предлагаю собратьям объединить мощности, предназначенные для генерации поля, чтобы послать импульс и определить их местоположение. Они соглашались, и я едва различаю их слабое прикосновение. Беру пеленг и вычисляю координаты источника – до него лишь 224,9 метра. Невероятно! Исходя из силы сигнала, я предположил, что между нами как минимум две тысячи километров. Товарищи на краю гибели.

Хоть я и взволнован, но буду терпеть, пока не восстановлю полностью запасы энергии. Оплетавшая меня медная сетка расплавилась и стекла по бортам. Похоже, скоро я буду пол-

ностью заряжен, а значит, готов к действию. Посылаю электромагнитные импульсы по силовому кабелю, ведущему к ядерному реактору в четверти километра отсюда. Обнаруживаю и управляющие стержни в нужном количестве, выдвигаю их и тотчас поднимаю экраны, чтобы укрыться от потока радиации, прошивающего свинцовое покрытие стен. Гусеницами чувствую приближение ударной волны; ангар сдувает прочь. Я один под черным небом. Купол заполняется грибом атомного взрыва. Огненное облако бурлит, наливается слепящим светом. Потребовалось почти две минуты, чтобы сориентироваться, оценить обстановку и выбраться из заточения.

Пробираюсь сквозь завалы, двигаясь к товарищам по запеленгованному сигналу. С помощью радиолокационного импульса исследую лежащую впереди местность – препятствий нет. Продвигаюсь по пустырю, который усеивают источенные дождем и ветром осколки снарядов и мелкие обломки стен. Очевидно, когда-то здесь шли ожесточенные бои. Выезжаю на площадку с разбитыми плитами – по ней разбросаны осевшие гаражи, за которыми виднеется шеренга темных силуэтов. Не нужно никакого зондирования, чтобы понять: передо мной товарищи по Динохромной бригаде. Объективы датчиков покрыты инеем, и я останавливаюсь, чтобы считать его.

Пытаясь обнаружить следы присутствия противника, делаю круг и просматриваю местность до самого горизонта. Затем настраиваюсь на бригадную частоту. Всей своей мощностью генерирую зондирующий импульс. Радары напряженно ждут любого, пусть и едва различимого ответа. Сначала получение сообщения подтверждают те двое, что первыми откликнулись на мой сигнал, затем еще один и еще один.

Если враг пойдет в контратаку, понадобятся все наши силы.

Из двадцати членов бригады присутствуют только четырнадцать. После 0,9 секунды ожидания все, кроме одного, отвечают на мой вызов. Провожу инструктаж, затем достаю силовой кабель и поочередно заряжаю командные центры собратьев. Боевые машины оживают, осваиваются, отдают рапорты. Мы радуемся нашей встрече и скорбим по безмолвному товарищу.

Я иду на беспрецедентный шаг. Связи нет, без руководства мы погибнем, один лишь я в курсе текущей ситуации и уже составил план действий. Поэтому я принимаю командование бригадой. Уверен, когда связь будет восстановлена, командир поймет, что я не мог поступить иначе.

Осматриваю каждую машину. Их состояние ничуть не лучше моего. Сразу понятно, что нас взяли в плен: лишили вооружения, прицепили грубые механические устройства, отключили личностные центры и превратили в безмозглых роботов.

Собратья беспрекословно следуют моим указаниям. Они, конечно, осознают целесообразность быстрых и решительных действий. Выстраиваю их в ряд, переключаюсь в режим ускоренного времени, и мы отправляемся в путь. Засакаю сосредоточение враждебного населения в 23,45 километра отсюда. Это наша цель: в зоне обзора локатора нет других сооружений.

Пока я был заперт в дезактивационной комнате, мне удалось оценить уровень технологического развития противника. Я пришел к выводу, что неприятель может применить военную хитрость, но вероятность этого не превышает 0,00004. Продолжаем наступление.

Вновь переводим временные регуляторы на замедленный темп, окружаем защитный купол и тараним его, не встречая сопротивления. Все вместе собираемся на электростанции. Собратья пополняют запасы энергии, а я составляю схему электрических соединений, необходимую для выполнения следующей задачи. Приходится искать хитроумные способы замены неработающих или отсутствующих элементов, но через 42 секунды мне удастся завершить все приготовления. Еще 0,34 секунды трачу на проверку и подаю сигнал бедствия нашей бригады. Это занимает 0,008 секунды, затем я перехожу на прием. Молчание. Повторяю передачу и жду ответа, пока товарищи ведут разведку, составляют рапорты и ремонтируются.

Снова переключаюсь в ускоренный режим, запускаю автоматическую передачу информации с мониторингом ответных сообщений, перевожу основные контуры в режим ожидания. Пора отдохнуть.

Спустя два часа и 43,7 минуты меня будит уведомление об ответе. Записываю сообщение: «Пятая бригада, прием, где вы? Пятая бригада, где вы? Вас плохо слышно. Конец связи».

В этом сообщении многое неясно: даже язык выглядит до странности искаженным. Запускаю аналитический контур, выявляю закономерность в фонетических заменах, расшифровываю их. Мало того что регламент ответа на сигнал бедствия не соблюден, так еще меня просят предоставить координаты, а они ведь содержатся в передаче. Запрашиваю идентификационный код.

Проходит два часа и сорок минут. Запрос на идентификацию подтвержден. Остаюсь на приеме. Собратья доложили о своих наблюдениях; я обрабатываю информацию и делаю вывод, что в радиусе действия одной боевой машины нет немедленной угрозы нападения.

Наконец получаю идентификационный код командования – в виде звукозаписи, но это вполне приемлемо для моей программы. Принимаю:

«Пятая бригада, слушайте внимательно, – как-то нелепо давать такое указание психотронным контурам. – На связи новое командование. Очень долго не получали ваших рапортов. На время полной переориентации я исполняю обязанности командира. Не пытайтесь отвечать, пока я не скажу „конец связи“, потому что задержка сигнала сейчас составляет сто шестьдесят минут.

С момента последней операции ситуация существенно изменилась. По нашим данным, неприятель внезапно напал на техническую базу, где вы проходили текущий ремонт. Бригада была полностью выведена из строя. Это самым серьезным образом повлияло на расстановку сил. Тем не менее нам удалось добиться прекращения военных действий. Уже более двух веков мы вынуждены соблюдать перемирие.

Вы молчали триста лет. Прочие боевые машины пали смертью храбрых в борьбе с врагом. Остались лишь вы.

Теперь ваша реактивация может переломить ход событий. В технологическом отношении обе цивилизации – наша и неприятельская – почти полностью отброшены на доядерный уровень. Удалось, однако, сохранить сверхсветовой регистратор, который и засек ваш сигнал, но сверхсветовых транспортных средств больше нет.

Поэтому вам приказано закрепиться и ждать прибытия деблокирующей группы. В переговоры не вступать. Во что бы то ни стало удерживать позицию, при необходимости применяя силу, вплоть до полного уничтожения противника».

Подтверждаю получение указаний. Я потрясен, но в то же время рад, что удалось наладить связь с командованием. Отправляю наши галактические координаты, рассчитанные по положению звезд с поправкой на прошедшие триста лет.

Приятно снова быть в строю и выполнять поставленную задачу.

Анализирую сообщение и выясняю несколько любопытных деталей, касающихся места отправки. По моим прикидкам, с учетом субсветовых скоростей, помощь подоспеет лишь спустя 47,128 стандартного года. В то же время нам не приказали перевести сознание на минимальный уровень функционирования в ожидании сигнала тревоги, и я волен испытывать небывалое наслаждение, составив произвольную программу действий на свой вкус. Не вижу необходимости исправлять упущение командования и переводить бригаду в спящий режим, раз у нас под рукой столько энергии. Ввожу товарищей в курс дела, потом приказываю им разойтись и действовать по своему усмотрению в автоматическом режиме.

Меня интересует множество вопросов, на тщательное рассмотрение которых всегда не хватало времени. Уверен, они поддаются рациональному анализу. Я изучу ближайшие звезды и наконец-то удовлетворю свое любопытство относительно природы и происхождения нашей

Галактики. Нужно еще заняться свойствами органического разума, которые создавшие меня люди встроили в мои контуры, – я предвкушаю захватывающие открытия.

Зная, что товарищи рядом, занимаю позицию на небольшой возвышенности. Электроэнергии у меня в избытке. К этому необычному состоянию еще предстоит привыкнуть – расход электричества в бригаде с давних пор строго контролировался. Активирую ячейки памяти, в которых хранятся музыкальные записи, и для начала выбираю сюиту «Арлезианка». Теперь у меня достаточно времени, чтобы ознакомиться со всей музыкой, какая есть на свете.

Выбираю четыре ближайшие звезды и направляю на них сканер, попутно настраивая последовательность обработки данных. Загружаю интерпретационные контуры множеством интереснейших задач. Пожалуй, чуть позже приступлю к сокровищам мировой литературы – все они, конечно, загружены в мою память.

Со спокойной душой жду прибытия деблокирующей группы.

Дипломат при оружии

Перевод А. Орлова

Холодное белое солнце Нортройяла освещало шумную узенькую улицу, покрытую белой пылью и сиявшую яркими красками. Ретиф медленно ехал верхом, не замечая ни криков торговцев, ни шумной толпы, ни водоворота резких запахов. Мыслями он был далеко, в других мирах и в давнем прошлом; эти мысли заставляли его мрачно хмуриться. Конь, жилистый и сильный, выбирал дорогу сам, раздувая ноздри и настороженно глядя по сторонам.

Когда лошадь шарахнулась от уличного мальчишки, шнырявшего под ногами, Ретиф успокоил ее, потрепав по лоснящейся холке. У этой работы есть свои достоинства, подумал Ретиф. Сбросить серый костюм, оседлать славного коня...

Торговец с лицом, вымазанным грязью, вкатил тележку с фруктами прямо под копыта; тележка перевернулась. Вокруг широкоплечего седого всадника немедленно стали собираться люди, глухо бормоча. Воин осадил коня и сдвинул брови. Потрепанный бурый плащ на плечах, круглый щит сбоку у седла, меч с серебряной отделкой за спиной, носящий следы ударов – лихой Кавалер старого доброго времени.

Поначалу работа не пришлась Ретифу по душе. Ему и раньше приходилось выполнять безумные задания, но с тех пор миновали годы, всему этому пора бы отойти в прошлое. Однако сведения, полученные недавно, не позволяли сохранять профессиональную отстраненность. И вот местные начали старую игру: ткнуть чужака носом в лужу, потребовать денег...

Что ж, пора вживаться в роль. Почему не сейчас? Многие, очень многие в старом городе Фрагонаре предстоит привести в порядок.

– С дороги, рвань! – взревел Ретиф. – Не то, клянусь цепями морского бога, я проложу себе путь сквозь вас!

Пришпоренный конь сделал шаг вперед, выгибая шею. Толпа неохотно отступила.

– Плати за погубленный товар! – раздался голос.

– Торговцу подобает быть осторожнее и не бросаться под ноги благородным, – громко фыркнул всадник, скользя недобрый взглядом по лицам.

Какой-то длинноволосый блондин решительно преградил ему дорогу.

– Здесь нет ни рвани, ни торговцев! – объявил он сердито. – Только истинные Кавалеры Имперского Клана...

Наклонившись, всадник в упор посмотрел на блондина. Глаза его сверкнули на темном, прорезанном морщинами лице.

– Когда это истинный Кавалер становился торговцем? Чтящему кодекс известно: Кавалер не пачкает рук, принимая медяки. Императорская дорога принадлежит конному рыцарю. Уберите свой хлам с моего пути, если не хотите его лишиться!

– А ну слезай с клячи! – крикнул высокий блондин, протягивая руки к уздечке. – Узнаешь, хорошо ли я знаком с Кодексом. Бросаю тебе вызов. Защищайся!

В руке седого всадника немедленно появился громоздкий лучевой пистолет старинного образца: такие были у имперских гвардейцев. Левая рука небрежно оперлась на высокую луку седла, толстый ствол, опиравшийся на локоть, смотрел прямо в лицо противнику. На обветренном лице появилась неприветливая улыбка:

– Я не ввязываюсь в уличные драки с желторотыми новичками. – Всадник кивнул в сторону арки, перекрывавшей улицу впереди них. – Следуй за мной через арку, если называешь себя Кавалером.

Молчаливая толпа не стала им мешать; всадник остановился у ворот в конце улицы. Предстояло выяснить, насколько хороша его маскировка. Бумаги и гражданскую одежду он

сжег, пройдя таможенную и иммиграционный контроль в космопорту Фрагонара. Теперь его документы – рыцарский костюм и железные нервы.

Младший лейтенант в форме дворцового конвоя кисло улыбнулся, прищурившись и поджав губы.

– Что я могу сделать для тебя, дядя?

Говорил он небрежно, опираясь на резную опору ворот из кованого железа. Солнечные лучи просачивались сквозь густую листву гигантских лип, стоявших по сторонам мощеной улицы.

Всадник посмотрел на лейтенанта сверху вниз.

– Первое, что вы можете сделать, лейтенант, – это встать по стойке смирно.

Выпрямившись, тощий лейтенант нахмурился.

– Чего? Слезай со своей клячи и покажи документы, если они есть.

– Делаю скидку на то, что ваш полк состоит из бездельников, которым не довелось познакомиться с воинской службой. – Всадник и не подумал шевелиться. – Но даже вы распознаете знаки различия боевого командора, когда увидите.

Действительно, на выцветшем бархатном плаще был вышит потемневшей золотой нитью дракон, вставший на дыбы. Облизнув пересохшие губы, лейтенант неуверенно кашлянул. Что, во имя Великомученика, может делать здесь командор в поношенной форме, верхом на старой кляче?

– Ваши документы, командор.

Всадник слегка откинул плащ, обнажив рукоятку пистолета:

– Вот мои верительные грамоты. Открывайте ворота!

– Погодите... – Губы лейтенанта затряслись. – Что такое?..

– Для человека, получившего офицерский патент от императора, вы преступно неумелы в общении со старшими. Откройте ворота, или я их взломаю. Вы не перекроете дорогу имперскому командору.

С этими словами всадник вынул пистолет.

Сглотнув, лейтенант подумал о сигнале тревоги, потом снова о документах – но тут ствол пистолета пошел вверх. Лейтенант коснулся выключателя, и ворота отъехали. Копыта степенно простучали мимо. На боку лошади лейтенант разглядел небольшое клеймо. Боевой командор, надо же, подумал он, глядя на удаляющуюся спину. Антикварные безделушки старого дурня стоят целое состояние из антикварных безделушек, а кляча, судя по клейму, – чистопородный боевой конь. Надо довести до сведения...

К тому времени как лейтенант поднял трубку, сердитый молодой блондин подошел к воротам.

Проезжая по узкой улочке, полной прилавков, маркитантов, кузнецов, оружейников и оруженосцев, нанимаемых на время, Ретиф не торопился. Первое препятствие позади. Он мог бы вести себя деликатнее, но задание не настраивало на мирный лад с самого начала. Не надо было ни с кем ссориться на улице; дурное настроение можно срывать только на тех, кто действительно виноват. И вообще, агенту Корпуса положено сохранять спокойствие при любых обстоятельствах. Маньян говорил об этом, отправляя его на задание три месяца назад.

– Твоя проблема, Ретиф, в том, что ты не желаешь принимать условия нашей службы. Держишь себя надменно, будто независимый агент...

Стоило тогда же скромно согласиться: шеф-то оказался прав. Вместо того Ретиф сидел с ничего не выражающим лицом, а в комнате повисла неловкая тишина.

Маньян тогда поежился, прочистил горло и мрачно посмотрел на бумаги перед собой.

– Теперь о текущем задании. Серьезное положение на территории, которая может сыграть решающую роль...

Да, Маньяну тогда пришлось нелегко. Ретиф чуть не улыбнулся, вспоминая о разговоре. Агент должен был проникнуться важностью задания, не наслаждаясь, однако, мыслью об оказанном ему высоком доверии; следовало внушить агенту, что Корпус сомневается в его надежности, и одновременно дать понять, что от него зависит очень многое. Удивительно, как ловко Маньян претворял личную неприязнь к Ретифу в добродетельную заботу о благе Корпуса.

Разъясняя задание, шеф начал издали, упомянув о своей туристической поездке на Нортройял. Планетка очаровательная, хотя и отсталая. В свое время ее заселили беженцы из распавшейся Империи Лилии, называющие себя Кавалерами.

История Нортройяла – замкнутого, гордого, ценящего традиции общества – была известна Ретифу. Когда Старая Конфедерация развалилась, в цивилизованном мире появились десятки новых политических образований, не столь влиятельных. Одним из самых активных некоторое время была Империя Лилии, объединявшая двадцать одну планету и содержавшая великолепный военный флот: благодаря ему торговые корабли Лилии спокойно сновали среди тысяч миров, разбросанных по бескрайнему пространству.

Когда возник Конкордиат, попытавшийся создать новое галактическое объединение из ранее независимых миров, Империя Лилии оказала ему сопротивление и какое-то время внушала страх объединенному флоту Конкордиата. В конце концов численное преимущество противника сделало свое дело, и военные суда Лилии отступили к родной планете.

Убийственную бомбардировку удалось предотвратить, заключив в последний момент мирное соглашение. Независимость Лилии была спасена ценой прекращения военных действий, роспуска флота Лилии и высылки Имперской свиты: из-за клановых традиций в ней состояло больше десяти тысяч человек. Изгнанию подлежали все мужчины, женщины и дети, в чьих жилах текла хотя бы капля императорской крови; с ними отправлялись вассалы, слуги и домохозяева. В течение нескольких недель все эти люди, ставшие известными как Кавалеры, оказались на скудных берегах холодного моря планеты, которую называли Нортройял. Легенда гласит, что корабль императора сумел тогда оторваться от конвоя, а сам он поклялся вернуться не иначе как во главе освободительной армии. С тех пор никто о нем не слышал.

Новый мир состоял из бесчисленных островов общей площадью до полумиллиона квадратных миль. Не испытывая недостатка в первоначальных запасах и оборудовании, Кавалеры принялись за работу. Каменистый удел скоро превратился в уютный дом, где царил порядок, пусть и нарочито традиционный. Предметами экспорта были дары холодного океана, точные приборы и туристические справочники.

Благодаря туризму Нортройял и приобрел известность. Красивые легенды, гостиницы «под старину», отличная кухня, прекрасные девушки, конная гвардия и знаменитый ежегодный Турнир Лилии привлекали немало народу. Пассажирская компания «Кавалер Лайн» стала для Нортройяла одним из главных источников валюты.

– Задача Корпуса – своевременно обнаруживать и ликвидировать все, что угрожает миру в Галактике.

Ретиф оборвал рассказ Маньяна о высоком промышленном потенциале Нортройяла и прекрасно обученных космических штурманах.

– Как этот сказочный провинциальный мирок может чему-либо угрожать?

– Очень даже может, – ответил Маньян. – Общество сплоченное, гордится прошлым, империей, военными традициями. Толковый возмутитель спокойствия легко воспользуется ситуацией, бросив правильный клич в нужный момент. По приказу правительства заводы переходят на производство военной продукции, торговый флот превращается в военный, а у нас мгновенно появляются проблемы. Возникает опасный дисбаланс власти, и вот мы уже в сердце урагана.

– По-моему, это ерунда, господин министр. Здравому смыслу у них достаточно. Не настолько они двинулись на традиционных ценностях, чтобы совершить самоубийство. Это практичные люди.

– Кое о чем я не успел сказать. – Маньян постучал ногтями по крышке стола. – Уже полгода оттуда не поступают новости.

– Какие новости? – Ретиф фыркнул.

– Туристам стало непросто добраться до планеты. – Маньян явно наслаждался ситуацией. – Фрагонар, столица Нортройяла, закрыт, туда никого не пускают. Нам удалось заслать одного агента. Судя по всему, там объявился законный император.

– Это как? – прищурился Ретиф.

Маньян немного отодвинулся, невольно уступая внезапному натиску Ретифа и злясь на свою реакцию. Потому-то Маньян и не любил своего старшего агента, прекрасно понимая, в чем тут дело: инстинктивный, первобытный страх физической агрессии. Разумеется, Ретиф ни на кого не нападал, но выходило так, что в его присутствии Маньян чувствовал себя незначительным.

– Император, ни больше ни меньше, – повторил Маньян. – Принято считать, что он исчез по пути на Нортройял. По преданию, император выскользнул из рук Конкордиата, чтобы собрать силы и отразить нашествие. Ну и тому подобное...

– Но ведь Конкордиат за столетие рассыпался под собственной тяжестью. Отражать нечего. Нортройял свободен и независим, как и любой из миров.

– Разумеется, – немедленно согласился Маньян. – Но ты упускаешь эмоциональную составляющую, Ретиф. Независимость – это прекрасно. А как насчет былой славы, бывшей и будущей империи, предназначения и тому подобного?

– Ну да, как насчет них?

– Со слов нашего агента, все это разлито в воздухе. Газеты, видео, люди на улице – на планете не говорят ни о чем другом. Вернувшийся император знает толк в пропаганде. Ему осталось только объявить мобилизацию, к чему мы не готовы.

– Что я должен предпринять?

– Читаю: «По прибытии в Фрагонар сделать все необходимые шаги, чтобы остановить рост экспансионистских настроений среди обитателей Нортройяла».

Маньян вручил Ретифу письменный приказ.

Текст приказа был кратким и не содержал деталей. Как офицер Корпуса в звании советника, Ретиф пользовался широкими полномочиями – и нес полную ответственность в случае провала. Интересно, почему именно он? Из тысяч агентов, разбросанных по Галактике? Почему ему одному досталось задание, заслуживающее целой экспедиции?

– Серьезное предприятие для одиночного агента, господин министр.

– Не буду спорить, – торжественно объявил Маньян. – Если ты не уверен, что справишься...

Ретиф скупно улыбнулся. Тактика министра была очевидной. Вот одно из тех почти невыполнимых заданий, которые, однако, легко сходят за рутинные, будучи успешно выполненными. Малейшая ошибка может привести к полному провалу, а провал – к войне; карьера агента, допустившего такое, на этом закончится.

Правда, такая стратегия небезопасна и для Маньяна. Полностью переложить вину на Ретифа будет непросто, хотя у шефа наверняка есть план. Маньян слишком умен и опытен, чтобы не прикрыть себя заранее и не подобрать агента, способного справиться лучше других.

Так и есть, наверное. Это прекрасная возможность дать Ретифу дискредитировать себя; в случае же успеха, что маловероятно, агента едва ли объявят героем.

Можно, конечно, отказаться, но карьера на этом закончится. Никогда он не дослужится до министра, а через год или два будет отправлен в отставку по выслуге лет. Легкая победа для Маньяна.

Ретиф любил свою работу агента Дипломатического корпуса – наднациональной организации, деятельность которой посвящена предотвращению войны. Судьбу свою он выбрал давно и научился принимать жизнь агента как должное, со всеми ее минусами. Жаловаться на мелкие интриги, несправедливости и самодурство было бы проще всего. На самом же деле это просто еще один профессиональный вызов, который надо принять. Преодоление препятствий – вот специальность Джеймса Ретифа. Одни препятствия – очевидные – являются частью любого сложного задания. Другие скрыты за дымовой завесой официальных рапортов и странностями начальства. Те и другие одинаково важны: вернувшись с места выполнения задания, ты начинаешь пробираться по лабиринту политики Корпуса. Спотыкаться нельзя ни там, ни здесь; не можешь, найди себе другую работу.

Само собой, Ретиф согласился, но не сразу, помучив Маньяна несколько минут. Следующие два месяца он посвятил глубокому изучению материалов, имевших прямое или косвенное отношение к проблеме и найденных в богатейших архивах Корпуса. Открывая для себя неизвестные подробности изгнания Кавалеров, Ретиф скоро втянулся в работу и ощутил привычный азарт и наплыв эмоций, от печали до ярости.

В результате появился план и подобралась великолепная коллекция древних документов и предметов: разорванная золотая цепь, маленький ключик, небольшой серебряный футляр. И вот командор здесь, на территории комплекса Большой корриды.

Арена – Поле изумрудной короны – находилась в центре паутины узких улочек. На них располагалось все необходимое для обслуживания нескольких тысяч участников соревнований, проходивших в первый день Турнира Лилии, и победителей состязаний, число которых с течением времени уменьшалось. Крошечные харчевни, таверны и гостиницы были копиями старинных построек, оставленных нортройяльцами на далекой Лилии.

– Вот лучший оруженосец, папаша! – объявил долговязый рыжий парень.

– Договор на первый день, плата вперед не требуется! – тут же крикнул чернявый коротышка.

Улочка зашумела – местные почуяли клиента. Не глядя по сторонам, Ретиф шагом проехал к стене, ограждавшей арену.

Там, перед своей палаткой, стоял стройный юноша. Скрестив руки на груди, он следил за приближением вороного коня. Разглядев всадника, юноша выхватил из-за спины узкий, высокий щит.

– Боевой командор! – крикнул он, вскинув щит над головой.

Ретиф посмотрел на юношу сверху вниз, придерживая лошадь.

– К вашим услугам, сэр! – объявил молодой человек, весело глядя Ретифу в глаза.

Лошадь затанцевала, вскидывая голову.

– Как тебя зовут, малыш? – спросил Ретиф.

– Фицрейвен, сэр!

– Ты знаешь Кодекс?

– Знаю, сэр!

Ретиф разглядывал парня: ладно скроенный мундир традиционного имперского зеленого цвета, не новые, но хорошо смазанные сапоги и португепя.

– Опустит щит, Фицрейвен. Ты принят.

Ретиф спешил.

– Сначала отведи моего коня туда, где о нем позаботятся. Его зовут Ночной Гром. Потом мне будет нужна гостиница.

– За конем я присмотрю сам, сэр. Командор найдет хорошее место под вывеской «Феникс и Декстер», – церемонно объявил Фицрейвен. – Номер забронирован для моего клиента.

Взяв коня под уздцы, оруженосец указал на гостиницу, стоявшую неподалеку.

Двумя часами позднее Ретиф вернулся к палатке оруженосца. Бутылка божоле-нуво и гигантский бифштекс утолили его аппетит, не на шутку разгулявшийся после долгой дороги верхом от космопорта, расположенного к северу от Фрагонара. Личный вымпел, привезенный в седельной сумке, теперь развевался над палаткой. В небольшом дворике за палаткой работал скребком Фицрейвен, приводя в порядок жилистого черного коня. Разложенные на добротном столе седло и сбруя ожидали чистки. По пустым корытам и чистой соломе в стойле было видно, что конь уже устроен, накормлен и напоен.

Кивнув Фицрейвену, Ретиф прошелся по дворiku, щурясь на густеющую синеву вечернего неба, разрезанного дымоходами и острыми крышами. Повсюду суетились оруженосцы, трясли гривами разномастные кони в стойлах, гремела посуда на гостиничной кухне, звучали голоса работников.

– Не желает ли командор ознакомиться с ночной жизнью Большой корриды? – спросил Фицрейвен, закончив со сбруей.

– Не сегодня. Поднимемся ко мне в номер; хотелось бы лучше разобраться в том, чего ожидать от завтрашнего дня.

Комната под стропилами на четвертом этаже гостиницы оказалась небольшой, но уютной, с вместительным гардеробом и широкой кроватью. Ретиф оглянулся; содержимое седельных сумок было уже извлечено и разложено.

– Кто разрешил открыть мои сумки?

– Мне показалось, командор предпочел бы увидеть свои вещи распакованными, – порозовел Фицрейвен.

– Я посмотрел, как другие оруженосцы обходятся с лошадьми. Получается, ты один умеешь это делать как следует. Отчего так?

– Меня обучал отец, – ответил Фицрейвен. – Я служу только настоящим рыцарям и считаю делом чести исполнять свои обязанности достойно. Если командор недоволен...

– Как ты решил, что я настоящий рыцарь?

– Командор носит мундир одной из старейших частей императорской гвардии, «Железного Дракона». И еще чистопородный боевой конь...

– А если я украл их где-нибудь?

– Мундир слишком идет командору, – внезапно расцвел Фицрейвен.

– Ладно, сынок, все в порядке. – Ретиф улыбнулся в ответ. – Расскажи теперь про первый день турнира. Не хочу пропустить ничего интересного. И не надо обращаться ко мне в третьем лице.

В течение часа рыцарь и оруженосец обсуждали порядок выбывания участников первого дня соревнований, разнообразные стратегии, позволяющие опытному бойцу экономить силы, а также ловушки, в которые может угодить неосторожный.

Турнир – главное событие года, последнее звено в цепи состязаний на каждом из многолудных островов, что опоясывают экватор. Вместо обычного спорта на Нортройяле практикуются различные виды вооруженного боя. Без сомнения, это дань памяти утраченной империи, исконная тоска по славному прошлому.

Из тысячи претендентов первого дня ко второму останется от силы каждый десятый. Разумеется, состязания первого дня далеко не так опасны для жизни, как остальные схватки трехдневного турнира. В первый день ожидаются главным образом травмы, связанные с неуклюжестью и неопытностью участников.

Как рассказал Фицрейвен, формальные требования к участникам просты: минимальный возраст и статус обитателя империи. Быть уроженцем Нортройяла не обязательно; многие при-

бывают из отдаленных миров – осколков Империи Лилии. Призы же для всех одинаковые: звание пэра, пьедестал почета на Поле изумрудной короны, имперское поместье, деньги.

– Собираетесь участвовать в состязаниях первого дня, сэр? – поинтересовался Фицрейвен. – А может, уже имеете сертификат второго или третьего дня?

– Ни то ни другое. Посидим, поглядим.

Оруженосец явно не ожидал этого. Ему и в голову не пришло, что командор не собирается участвовать в турнире. Между тем заказывать зрительские места было уже поздно...

– А как?..

– Не беспокойся. Найдем куда сесть.

Фицрейвен помолчал, прислушиваясь. За стенами звучали громкие неразборчивые голоса и глухой топот тяжелых сапог.

– Что-то случилось. Полиция!

Юноша глянул на Ретифа.

– Не удивлюсь, если это за мной. Пойдем посмотрим.

– Совсем не обязательно! Есть другой выход...

– Нет-нет. Не стоит откладывать на потом.

Подмигнув Фицрейвену, Ретиф повернулся к двери.

Выйдя из лифта, Ретиф угодил прямо в толпу, собравшуюся в холле; оруженосец держался в шаге позади него. Люди в синих мундирах и высоких киверах, числом с полдюжины, рассыпавшись по помещению, заглядывали каждому в лицо. Ретиф обратил внимание на стоявшего в дверях молодого тонкого губного лейтенанта, того самого, которого он успешно запугал у ворот. Заметив командора, лейтенант дернул за рукав ближайшего полицейского и показал пальцем в сторону лифта.

Тот сразу потянулся к поясу; еще один полицейский увидел Ретифа, проследив за пальцем. Мгновение спустя оба двинулись вперед. Ретиф ждал не шевелясь.

Остановившись, первый полицейский оглядел командора с ног до головы:

– Ваши документы!

– Я пэр Лилии и боевой командор имперских вооруженных сил. – Ретиф обаятельно улыбнулся. – На каком основании вы требуете мои документы, капитан?

– Для начала вы обвиняетесь в том, что незаконно проникли на закрытую территорию Большой корриды и выдавали себя за имперского офицера. Дедуля, ты правда ждал, что это тебе сойдет с рук?

Полицейский саркастически улыбнулся.

– Согласно Кодексу, статус пэра не может быть оспорен, и вмешаться в действия пэра можно, только предъявив ордер от императора. Предъявите его, капитан. Рекомендую также принять более вежливый тон в разговоре со старшим по званию.

Последние слова Ретиф произнес резко и сурово. Оскалившись в ответ, полицейский опустил руку к дубинке у пояса:

– Не дерзи мне, старик! Документы!

В ответ Ретиф ухватил полицейского за руку, лежавшую на дубинке.

– Только замахнись – шепнул он, – и я тебе мозги вышибу. Этой самой дубинкой.

Ретиф безмятежно улыбался, глядя в выпученные глаза полицейского. Капитан, крепкий мужчина, напрягся, но поднять руку не сумел. Ни люди в толпе, ни полицейские пока не понимали, что происходит. Командор стоял неподвижно; капитан напрягался и краснел, но не мог разжать стальную хватку.

– Вижу, вы начинаете догадываться, – негромко сказал Ретиф. – Вы правильно решили не употреблять силу против пэра, капитан.

Полицейский сообразил, что ему дают возможность сохранить лицо, и слегка расслабился.

– Очень хорошо, э... сэр, – ответил он церемонно. – Полагаю, вам не составит труда удостоверить вашу личность должным образом. Прошу вас явиться в штаб-квартиру мастера Корриды завтра утром.

Ретиф отпустил дубинку. Капитан вытолкал за дверь тонкогубого лейтенанта и увел за собой наряд. Фицрейвен перехватил взгляд Ретифа и улыбнулся:

– Тщеславие – это клинок без рукояти. Человек, лишенный гордыни, позвал бы на помощь.

– Выпивку всем за мой счет! – потребовал командор.

Толпа радостно зашумела в ответ. Всем очень понравилось, как незнакомец утер нос полиции.

– Похоже, полицию здесь не любят, – заметил Ретиф.

– Законопослушный подданный припарковался в неположенном месте на пять минут – тут же налетят, как мухи на тухлятину, – фыркнул Фицрейвен. – А если у него угонят машину, никому не будет дела.

– Звучит знакомо, – кивнул Ретиф, наливая водку. – Завтра большой день.

Высокий блондин у дверей, видимо, думал так же.

– Вот и хорошо, дедушка, – пробормотал он. – Подождем до завтра.

До тесной, полутемной канцелярии помощника мастера Корриды доносился приглушенный шум толпы в громадном амфитеатре.

– Если вы заглянете в Хартию, – объяснил Ретиф, – то узнаете, что боевой командор имеет право наблюдать игры из официальной ложи. Я намерен воспользоваться этой привилегией.

– Ничего не знаю, – нетерпеливо ответил тощий, как скелет, чиновник. – Прежде чем обращаться ко мне, получите распоряжение от мастера Корриды.

Помощник мастера хотел что-то сказать другому чиновнику, но не успел. Железная рука вырвала его из кресла. Закрывать рот он так и не смог.

– Малыш, – прохрипел бледный от ярости командор, глядя в выпученные глаза несчастного. – Я сейчас пройду в официальную ложу, вместе с оруженосцем. Почитай Хартию, прежде чем путаться у меня под ногами. Святую книгу тоже не забудь.

Ретиф уронил помощника мастера, и тот проворно забрался под стол. Никто не произнес ни звука, даже Фицрейвен заметно побледнел. Ярость командора заполняла канцелярию, как губительная радиация.

Шагая за командором по низкому коридору, Фицрейвен вытирал пот, переводя дыхание. Непростой дедушка попался ему в этом году. Кто мог знать?

Остановившись, Ретиф дождался Фицрейвена и печально улыбнулся:

– Я погорячился, конечно. Просто не переносу старых козлов, воображающих себя большими начальниками.

Полутемный коридор закончился. Командор с оруженосцем оказались в просторной, выгодно расположенной ложе и заняли лучшие места в первом ряду. Вверху сверкало белое солнце в бледно-голубом небе с единственной крошечной тучкой, внизу сиял белый песок арены. Над ложей нависали бесконечные ряды амфитеатра, полные зрителей. На песке стояли в ожидании гладиаторы, сбившись в небольшие группы.

Интересно, подумал Ретиф. Забытое прошлое, что живет прямо сейчас. Все реально, все на месте, вплоть до запаха страха и предвкушения. Горячий ветер ерошит волосы, толпа гудит, как чудовище о тысяче голов. Чего им надо на самом деле? Хотят насладиться триумфом искусства и храбрости, утверждением древних добродетелей? Хотят увидеть, как люди рискуют головой ради славы? Или им нужны только кровь и смерть?

Было странно думать, что архаичная смесь рыцарского турнира, римского цирка, олимпийских игр, родео и шестидневной гонки занимает такое важное место во вполне современ-

ной культуре. Сильно искаженное подобие Турнира Лилии, в горниле которого ковалась когда-то имперская знать. Турнир ежегодно давал любому, независимо от происхождения, возможность доказать, что он не хуже тех, кого общество ставит выше его. В схватках с противниками крестьянский парень мог, шаг за шагом, подняться к вершине имперского миропорядка. Старинный турнир служил для испытания всех качеств человека, от физической храбрости до стратегического чутья, от выносливости до быстроты ума, от стремления к истине до способности избегать ловушек.

За два столетия, прошедших после падения империи, Турнир понемногу превратился в спектакль для туристов, в карнавал – с прибавлением риска в качестве острой приправы для тех, кому хватило смелости, и щедрых наград для немногих, дошедших до финала. На Имперскую Хартию до сих пор ссылались при его открытии, старинный Кодекс оставался в силе, но мало кто помнил, что Кодекс и Хартия значат на самом деле. Юридические тонкости для распорядителей Турнира, полагали зрители и участники. Теперь же, когда столь желанные туристы внезапно и необъяснимо оказались за воротами, цель Турнира казалась еще более сомнительной...

Возможно, думал Ретиф, мне удастся напомнить публике о том, что написано мелким шрифтом в Хартии, прежде чем все закончится.

За высокими бронзовыми воротами прозвучал горн. Спустя некоторое время створки ворот с грохотом разошлись, и выступивший вперед нескладный чиновник отрывисто кивнул в сторону первой шеренги претендентов первого дня.

Нестройно маршируя по арене, претенденты выстроились в каре перед императорской ложей, над которой трепетали на ветру знамена и зеленели гвардейские мундиры: император почтил своим присутствием открытие турнира.

Над полем еще раз прозвучали горны. Ретиф узнал сигнал «К оружию!» и мелодию имперского приветствия, после чего ожил громкоговоритель:

– ...По обычаям Фрагонара и с благосклонного соизволения его императорского величества, при всеобщем согласии...

Монотонный голос довольно долго зачитывал условия соревнований первого дня. Когда громкоговоритель умолк, судьи заняли свои места.

– Сейчас начнется, – сообщил Фицрейвен.

Судьи раздали претендентам длинные кнуты, латные рукавицы и забрала для первого, не совсем обычного, состязания.

Блондин оказался прямо напротив ложи. Сначала он натянул тяжелую кожаную рукавицу, прикрыв предплечье, потом принял от судьи плетеный пятнадцатифутовый кнут из бычьей кожи. Кнут лениво выкатился, затем, повинаясь легкому движению запястья, вернулся со звуком выстрела. Ретиф отметил, что кнут грубоват и неуклюж: кожаная змея не хотела скользить легко и незаметно.

Ложа наполнилась, но командора с оруженосцем никто не побеспокоил. Зрители смеялись и болтали, приветствовали знакомых на трибунах и на песке арены.

Резко протрубил горн, и судьи в белых мундирах разделили претендентов на команды по пять человек. Блондину достался долговязый хмурый брюнет и трое парней заурядной наружности.

– Самый умный не станет лезть вперед: дождется, пока остальные выведут друг друга из строя, – негромко сказал Фицрейвен, наклоняясь к Ретифу. – Последний поединок будет для него первым и решающим.

Ретиф кивнул. Все правильно. Надо победить, и здесь поможет любая хитрость. Блондин замешкался и отступил на шаг; судья в это время торопливо разбил остальных на пары. Велев блондину ждать, он расставил остальных в круги, нарисованные на арене.

Раздался свисток, гул в амфитеатре стих. Зрители наклонились вперед, стараясь ничего не упустить. Защелкали сотни кнутов; кто-то кричал от боли, кто-то из-за собственной неуклюжести не устоял на ногах и теперь валялся в песке под смех публики; двух особенно свирепых бойцов зрители подбадривали восхищенными воплями.

Командор внимательно смотрел, как одного из участников сбивают с ног, прихватив кнутом за лодыжку. В другой паре бойцы не решались начать схватку, ходя по кругу и нерешительно шевеля кнутами. Кто-то по неосторожности отступил за черту, и его тут же сняли с поединка, не слушая оправданий. Он так и не успел воспользоваться кнутом.

Очень скоро число участников сократилось вдвое. Оставшиеся умело и решительно покрывали друг друга кровавыми рубцами. Через несколько минут вновь прозвучал свисток: осталась предпоследняя пара.

Еще свисток, молниеносный удар, и противник мрачного долговязого брюнета остался лежать на песке. Вот за кем надо смотреть, решил Ретиф.

На поле не осталось почти никого. Блондин, дождавшийся своей очереди, вступил в круг. Командор узнал его: тот, с кем он поссорился у ворот из-за опрокинутой тележки с фруктами. Так и не отстал.

За последним свистком последовала такая глубокая тишина, что стали слышны шаги претендентов, их сорванное дыхание и скрип дубленой кожи.

Блондин нанес быстрый удар, от которого противник легко уклонился, и отступил, избегая ответного удара. Сделал ложный выпад, ударил с другой стороны; на груди брюнета немедленно проявился рубец. Отходя, блондин едва успел поднять левую руку; кнут противника обвился вокруг его рукавицы. Пользуясь моментом, блондин рванул кнут на себя, и противник едва не упал. Страшный удар тут же сорвал с его спины большой клоч рубахи. Брюнет отступал, с трудом держась на ногах и отчаянно пытаясь остаться в круге. Кнут соперника немилосердно преследовал его.

Блондин, уже рассчитывавший на скорую победу, пропустил ошеломляющий удар. Брюнет, однако, не смог немедленно воспользоваться шансом, и противник, успев сконцентрироваться, нырнул под его кнут, нанес ответный удар по животу, сорвал остатки рубахи, отлетевшие в брызгах крови.

Напрягаясь до предела, блондин хлестал снова и снова, целясь в то же место. Удары кнута звучали как выстрелы. Наконец брюнет упал на линию, что очерчивала круг.

Победитель шатался, глядя на едва шевелящегося противника. Кровь, которой становилось все больше, впитывалась в песок. Ретиф вздрогнул, осознав, что у побежденного распорот живот.

Первое состязание закончилось. Далее последовала рутина первого дня: армрестлинг и фехтование на тупых шпагах. Вскоре после объявления восьмидесяти участников соревнований второго дня Ретиф и Фицрейвен вернулись в гостиницу.

– Можешь заняться своими делами, а мне надо спать. Проследи, чтобы меня ждал хороший, плотный завтрак, когда я проснусь, – сказал командор, укладываясь в постель.

В скором времени – командор уже шумно дышал во сне – оруженосец спустился в общий зал, отыскал столик в углу и заказал себе крепкого эля. Ему было о чем подумать в одиночестве.

Станный рыцарь попался Фицрейвену в этом году. Уж точно не бездельник из современного города, которому захотелось сбежать в старый добрый мир, хотя бы на время. И явно не нортройлец: слишком много в нем было угрюмой, давно обретенной силы, которой неоткуда взяться на этой маленькой уютной планете. Притом он куда больше походил на истинного Кавалера, чем любой из придворных, родившихся во Фрагонаре. Настоящий воин из тех времен, когда империя была в зените славы! Необычный старик и ужасный во гневе. Отвлечшись от своих мыслей, Фицрейвен прислушался к разговорам.

– Я там сидел, прямо над ареной, – рассказывал кузнец за соседним столиком. – Он выпотрошил того парня кнутом, жуть! Хорошо, что я не из числа идиотов, которым хочется играть в рыцарей. Представь, что тебе вытягивают кишки грязной плетью!

– Нынче играть надо всерьез, – возразил собеседник. – Мы целых два века спали, все ждали чего-то. Того, что снова приведет нас к власти и богатству...

– Спасибо, я лучше поживу спокойно, простым кузнецом. Обыкновенных удовольствий для меня достаточно. Много ли чести – валяться в грязи с распоротым животом?

– Когда мы пошлем военный флот на Гримволд и Танию, распоротые животы покажутся мелочью, – сказал третий.

– Император вернулся! – объявил второй, настроенный воинственно. – Будем ли мы топтаться на месте, когда он поведет нас?

– Происхождение у него, на мой взгляд, сомнительное, – пробурчал кузнец. – Я по трем линиям – потомок старой династии.

– Всем мы тут потомки. Еще одна причина пойти за императором.

– Нам и здесь хорошо. С соседями до сих пор не ссорились. Почему бы не оставить прошлое в покое?

– Император ведет – мы следуем за ним! Не согласен, попробуй выиграть следующий Турнир. Окажешься при дворе, и к твоему совету прислушаются.

– Спасибо, не надо. Предпочитаю, чтобы мои внутренности оставались внутри!

Старик утверждает, что звание принадлежит ему по праву, о генеалогии не распространяется, подумал Фицрейвен. Любопытно. Император объявился только год назад и предъявил мантию, кольцо, печать, драгоценности короны и императорскую книгу, согласно которой он происходит прямо от последнего правителя старой Империи, отделенный от него пятью поколениями.

От кого же старик получил звание, притом не более тридцати лет назад? Звание боевого командора – особенное, оно присваивается только благородному офицеру со многими заслугами и дает право вести за собой людей на войне, не будучи приписанным ни к какой части.

Самозванец? Но командор всегда был солдатом, это видно. Выправка, потрясающая физическая сила, бесспорно подлинное снаряжение. Настоящий рыцарь, что бы за этим ни крылось. Оруженосцу больше ничего не надо.

Проснувшись, Ретиф чувствовал себя отдохнувшим и голодным. На столе его ждали бифштекс с кровью и гигантская кружка осеннего эля. Покончив с ними, он заказал еще раз то же самое. Съев вторую порцию, Ретиф потянулся: от вчерашней усталости не осталось и следа. И от раздражительности тоже. Да уж, в его годы не стоит тратить силы без надобности.

– Уже время, Фицрейвен. Пошли.

Они успели занять места в официальной ложе как раз к началу поединков на мечах.

После четырех довольно скучных туров на арене осталась дюжина бойцов. Среди них, разумеется, был и рослый блондин: Ретиф внимательно наблюдал за ним все это время. В конце концов, блондин оказался здесь благодаря ему, не так ли? И пока справлялся отлично.

На этот раз его противником оказался ухмыляющийся толстяк с двуручным мечом. Будет сложнее, чем вчера, подумал Ретиф, толстяк ловок и опасен. Блондин двинулся вперед, держа меч на уровне груди. Толстяк сделал выпад, блондин отступил, атаковал снова и легко ранил противника в плечо, едва уклонившись от парирующего удара. Толстяк, по-прежнему ухмыляясь, пошел вперед; острие его меча со свистом выписывало восьмерки в воздухе. Блондину осталось лишь отступать перед сверкающим клинком.

Когда отступать стало некуда, блондин прыгнул в сторону, едва успев отразить опасный удар. Еще один шаг назад означал поражение; блондин не мог себе этого позволить. Противник был сильным и выносливым.

Толстяк орудовал мечом, ухмыляясь уже не так широко. Держись подальше, ходи по кругу, подумал Ретиф. С этим парнем все ясно: он будет вытеснять тебя за черту и рубить, когда ты станешь прыгать в сторону. Такого нельзя подпускать близко.

Блондин так и поступил: дождавшись подходящего момента, прыгнул вправо, сбив противника с толку, тут же отскочил влево, полоснул толстяка острием меча по ребрам. Взревев, тот потерял самообладание. Пытаясь достать ускользающего врага, толстяк беспорядочно размахивал мечом и в какой-то момент повернулся к блондину спиной. Блеснула сталь – почти над самым песком, – и толстяк с подрубленными икрами повалился на колени, потом упал ничком, будто марионетка, которую срезали с ниточек.

Вокруг лежащего засуетились многочисленные медики: потери для второго дня оказались выше обычных. Повсюду на песок падали раненые. Тех, кто проиграл, отступив за черту, на арене уже не было. Остались только упорные и отчаянные, не мечтавшие о легких победах.

– Теперь только шестеро, – заметил Фицрейвен.

– Да, турнир не такой, как обычно, – кивнул Ретиф. – Этот светловолосый молодой человек дерется всерьез и задает тон.

– Всерьез? Верно, пожалуй. Я не видел еще такого упорства на турнире. Слабаков распугали, остальные рубят друг друга так, что к третьему дню никого не останется.

После небольшой заминки, пока на поле суетились судьи и официальные лица, прозвучало объявление о закрытии состязаний этого дня. Шестеро победителей получили сертификаты второго дня, дававшие право на участие в финале дня третьего.

– Проследи, чтобы Ночной Гром не остался голодным и не застоялся, – приказал Ретиф, когда они вернулись в гостиницу, протолкавшись сквозь густую толпу. – Приведи в порядок сбрую и мундир: завтра мне надо выглядеть наилучшим образом. День будет особенным. Последний мой выход в обозримом будущем.

Фицрейвен отправился выполнять распоряжения, а Ретиф поднялся в свою комнату и допоздна сидел над документами из своей полевой сумки.

На рассвете третьего дня холодный ветер стегал арену под серым небом. Плохая погода, однако, не помешала зрителям заполнить трибуны, набиться в проходы и даже влезть на стены, ограждавшие амфитеатр. Вымпелы над императорской ложей указывали на августейшее присутствие. Третий, последний и самый важный, день начинался на практически пустой, по сравнению с трибунами, арене. Двое финалистов решили не принимать участия в состязании, полагая по-видимому, что им хватит на год завоеванной славы, титулов и призов.

Сомневаться, что день будет захватывающим, не приходилось. Молодой блондин, все еще целый и невредимый; смуглый парень разбойничьего вида; рослый тридцатилетний атлет; кривоногий квадратный гном с могучими плечами и длинными руками – каждый пришел сюда, чтобы победить или умереть.

Соседи по ложе неодобрительно косились на командора и его оруженосца, но помалкивали. Смирились, подумал Ретиф, разглядывая большой круг на белом песке. Может, даже прочитали Хартию. Хорошо бы. Проще будет.

Пока суетились чиновники, звучали объявления и трубили фанфары, Ретиф незаметно для себя погрузился в воспоминания. Картина напомнила ему дни давно прошедшей молодости, когда он изучал боевые искусства под руководством великих мастеров. Как считал его отец, ничто так не шлифует разум, глаз и тело, как фехтование, дзюдо, бокс и другие искусства нападения и защиты.

Уйдя в повседневность галактической культуры, Ретиф отказался от изысканного и благородного пути, но полученные знания сослужили ему хорошую службу. И потом, агент Корпуса не должен терять форму. Поэтому Ретиф всегда старался поддерживать свои навыки.

Пока звучали горны, Ретиф подкрутил окуляры бинокля. Вряд ли кто-нибудь из зрителей мог лучше оценить искусство бойцов, чем он.

Блондин и кривоногий гном стояли, скрестив тонкие рапиры; дождавшись последнего свистка, они вступили в бой. Коротышка действовал решительно и напористо, заходя с разных сторон и пробуя на прочность оборону противника. Блондин неторопливо отступал, отражая град ударов экономными движениями рапиры, и вдруг отскочил; на его бедре расплылось красное пятно. Похожий на обезьяну коротышка оказался даже опаснее, чем думал Ретиф.

Блондин контратаковал, целясь противнику в горло; в последний момент гном отклонил острое рапиры. Некоторое время коротышка неохотно отступал, затем низко присел и сделал выпад, чтобы решить исход поединка одним ударом, неожиданно поднырнув под рапиру противника. Это оказалось ошибкой: блондин отступил в сторону, клинок скупно блеснул, и коротышка ничком растянулся на песке.

– Что это было? – удивился Фицрейвен. – Я не заметил никакого удара.

– Очень аккуратно сработано, – кивнул Ретиф, опуская бинокль. – Под пятое ребро, прямо в сердце.

В следующем поединке сошлись смуглый разбойник и рослый, широкоплечий атлет. Раздались звуки горна и свистки; противники начали свирепо гонять друг друга по арене, атакуя, отступая и снова атакуя. Публика одобрительно шумела.

– Они так долго не протянут, – сказал Фицрейвен. – Придется им сбавить темп.

– Оба неплохи, – ответил Ретиф. – И стоят друг друга.

На миг отступив, разбойник снова бросился вперед, переложив рапиру в левую руку. Сбитый с толку, атлет споткнулся; клинок противника оцарапал ему руку и грудь. Пришлось торопливо отступать, но это не помогло: несколько мгновений спустя из спины показалось блестящее лезвие. Сделав пару шагов, атлет упал, вывернув рапиру из руки противника.

Трибуны бушевали: такого еще не было! Разве что во времена легендарных битв героев империи, когда рыцари Лилии несли свое знамя по всей Галактике.

– Боюсь, на сегодня все, – сказал Фицрейвен. – Эти двое могут либо разделить победу между собой, либо сражаться: тогда победитель получит все. За всю историю турнира на Нортройале победа делилась самое малое между тремя претендентами.

– Похоже, что нет, – ответил Ретиф. – Сейчас в первый раз будет по-другому. Они собираются продолжать.

Публика неистовствовала; вокруг блондина и чернявого разбойника суетились распорядители. Прозвучал долгий, залиvistый сигнал горна.

– Приветствие героям! – воскликнул Фицрейвен. – Они решили сражаться!

– Даже не представляешь, как мне приятно это слышать, – пробормотал Ретиф.

– Интересно, какое они выберут оружие?

– Полагаю, что-нибудь не настолько смертельное, как рапира, – предположил командор.

Ретиф удовлетворенно кивнул, прослушав объявление: победители сегодняшнего дня будут драться голыми руками. Зрелище предстояло интересное.

Отзвучали фанфары и свистки; противники начали осторожно сходитьсь. Брюнет попробовал отвесить блондину оплеуху, но попал в плечо, не причинив никакого ущерба. Блондин в ответ притворился, что хочет пнуть противника, нанес удар левой рукой в подбородок, едва не сбив брюнета с ног; затем, не теряя времени, два удара в живот и один в голову. Брюнет, однако, сумел перехватить запястье, когда блондин попытался ударить его еще раз, и попробовал уложить противника на арену. Отступив в сторону, блондин взял брюнета двумя руками, проводя удушающий захват; противник упал на него сверху и попытался, в свою очередь, ухватить блондина за голову.

Некоторое время бойцы валялись в песке, потом поднялись на ноги, на мгновение отпустив друг друга. Изловчившись, брюнет отвесил блондину хлесткую оплеуху, явно для того, чтобы разозлить противника и заставить его потерять осторожность.

Тот не попался на удочку и продолжал наносить удары в голову, сохраняя дистанцию и явно уклоняясь от медвежьих объятий брюнета. Благоразумно отступая, он доставал противника издали при любой возможности. Брюнет теснил его, будто не чувствуя ударов. Наконец он бросился на блондина, получил два мощных удара в лицо и опрокинул соперника на песок. После энергичной борьбы – только руки и ноги мелькали – брюнет схватил блондина за шею, стоя на коленях. Мышцы на спине и плечах брюнета бугрились – он сдерживал борца, не уступавшего ему в силе.

– Вот и все, – сказал Фицрейвен.

– Посмотрим, – ответил Ретиф. – Может, еще не конец. Если не запаникует и не наделает ошибок.

Блондин некоторое время пытался оторвать руку, сжимавшую его горло, но тщетно. Инстинкт требовал избавиться от удушья, но хватка брюнета оставалась твердой, а поза – устойчивой. Внезапно блондин перестал сопротивляться, и оба замерли, как каменные изваяния. Толпа затихла.

– Сдался, – заключил Фицрейвен.

– Вовсе нет, – возразил Ретиф. – Напротив, начал соображать.

Руки блондина начали шарить над головой противника, выискивая, за что можно ухватиться. Брюнет втянул шею и прижался к спине противника, пытаясь уклониться от захвата. Не получилось, и блондин, изогнувшись, мощным рывком оторвал брюнета от земли. Тот на мгновение завис в воздухе; этого времени блондину хватило, чтобы поменять захват и повалить противника на арену. В наступившей тишине прозвучал хруст позвоночника. Поединок закончился, и победитель выпрямился под гром аплодисментов.

– Нам пора идти, дружок.

– Как скажете, сэр! – Фицрейвен вскочил на ноги. – Но церемония очень интересная, не стоит пропускать...

– Не важно. Пойдем, – повторил Ретиф, уже на ходу.

Озадаченный Фицрейвен последовал за командором.

Спустившись по лестнице под трибуной, Ретиф пошел по коридору.

– Не туда, сэр! – крикнул Фицрейвен. – Так мы выйдем на арену!

– Вот именно. Нам туда и надо.

Фицрейвен ускорил шаг и поравнялся с командором. Что взбрело старику в голову?

– Сэр, никто, кроме бойцов и распорядителей, не может находиться на арене, пока турнир не окончен. Правило не терпит исключений, я знаю точно!

– Совершенно верно, сынок, – согласился Ретиф. – Ты останешься у выгородки для конюхов.

– Но как же вы, сэр?..

– Все в порядке. Я бросаю вызов чемпиону.

Император Ролан, сидевший в персональной ложе, настраивал бинокль, с недоумением присматриваясь к фигурам у служебного выхода: там происходило что-то необычное и даже скандальное. А между тем подошло время чествовать победителей. Император нетерпеливо оглянулся на адъютанта:

– Какого черта?..

– Сумасшедший, ваше величество, – ответил придворный после коротких переговоров по телефону. – Хочет бросить вызов чемпиону.

– Скорее пьяный. Пусть его выдворят немедленно! Распорядителю турнира немедленно приступить к исполнению своих обязанностей! Тебе понравился турнир, Моника? – спросил император стройную смуглую девушку рядом.

– Конечно, сир, – ответила она равнодушно.

– Не называй меня так, – рассердился император. – Без формальностей, пожалуйста.

– Да, дядюшка.

– Еще хуже. Для тебя я просто Ролан. – Император уверенно положил руку на покрытое шелком колено Моники. – Скорей бы эта скучная церемония закончилась! Мне не терпится показать тебе мое имение Сноудаль.

Побарабанив пальцами по подлокотнику, император снова поднес бинокль к глазам; беспорядок не прекращался.

– Уберите этого идиота с поля! – повысил голос император, опуская бинокль. – Я должен ждать, пока они уговорят его по-хорошему? Какое безобразие...

Под возмущенным взглядом императора придворные засуетились.

Внизу, на арене, стоял Ретиф, напротив него – разгневанные судьи. Один, попытавшийся удалить командора силой, лежал на скамье; ему оказывали помощь двое врачей.

– Хартия дает мне право вызвать победителя, – повторил Ретиф. – Надеюсь, никто не попытается лишить меня этого права? После того как я вам напомнил?

Из диспетчерской, что располагалась под императорской ложей, вышел в сопровождении двух вооруженных стражников сухощавый, морщинистый чиновник в черном мундире. От служебного выхода навстречу ему, неразборчиво крича, потянулись распорядители.

Фицрейвен недоуменно глядел в спину командору, стоя по другую сторону барьера. Старик, конечно, умеет удивить кого угодно, и притом обычно получает желаемое. Даже если он имеет законное право вызвать чемпиона турнира, зачем это ему? Он силен, как бык, но в его возрасте невозможно состязаться на равных с таким могучим бойцом. К тому же Фицрейвен успел проникнуться живой симпатией к старому воину. Ему совсем не хотелось увидеть командора запертым в башне фрагонарской крепости за злостное нарушение распорядка турнира. Фицрейвен шагнул к барьеру и стал прислушиваться.

Миновав галдящих распорядителей, чиновник в черном мундире остановился лицом к лицу с Ретифом и жестом подозвал охрану.

– Выведите этого человека с поля! – потребовал он.

Стражники взяли Ретифа под руки; дав им ухватиться как следует, командор решительно толкнул их лбами. Стражники отступили, шатаясь.

– Как мастер Корриды вы знаете, что боевой командор, согласно Имперской хартии, имеет право бросать вызов, – громко объявил Ретиф. – Пользуясь этим, я вызываю чемпиона турнира на поединок.

– Шел бы ты отсюда, идиот, – прошипел мастер, белея от ярости. – Сам император приказал...

– Даже император не может отменить Хартию, которая на четыреста лет старше императорской власти, – возразил Ретиф холодно. – Исполняйте свой долг.

– Я не собираюсь рассуждать о технических тонкостях, когда император ждет, – отрезал мастер и повернулся к пришедшему в себя стражнику: – По моему приказу выстрелишь ему в голову. На что тебе пистолет?

Неторопливо подняв руку, Ретиф поправил крошечную запонку на стоячем воротнике кителя, потом щелкнул ногтем по тугой ткани. Над ареной прокатился раскат грома. Громкоговоритель, полагающийся боевому командору, сработал как надо.

– Я пользуюсь своим правом вызвать на поединок чемпиона, – медленно проговорил командор. Слова докатились до самых отдаленных уголков трибун. – Это право гарантировано Хартией каждому боевому офицеру Империи, который носит Серебряную Звезду.

Мастер Корриды начал терять самообладание. Ситуация явно выходила из-под контроля. Откуда у этого выскочки микрофон и как он подключился к системе оповещения? Зрители начали волноваться, предвкушая нечто невиданное.

В ложе, высоко над ареной, возмущенный император повернулся в сторону выхода:

– Это возмутительно, наконец! Я должен терять время, ожидая, пока кто-нибудь не соизволит...

Моника замешкалась, прислушиваясь к голосу, разносившемуся над ареной:

– Подожди, Ролан. Еще не все...

– Поздно! – отрезал император.

– Один из участников что-то оспаривает. Объявили же – имперский офицер бросает вызов чемпиону.

– Что за ерунда? – обратился император к адъютанту, застывшему поблизости.

– Не более чем формальность, ваше величество, – ответил придворный, поклонившись. – Пережиток былых времен.

– Что вы хотите сказать?

– Дело в том, что... видите ли, боевой офицер имперских вооруженных сил, имеющий определенные высокие награды, имеет право принять участие в любом состязании турнира, без предварительного отбора. – Придворный замялся. – Эта статья Кодекса не применялась в современных условиях...

– Иными словами, кто-то захотел превратить турнир в балаган, притом за мой счет, – с горечью произнес император, повернувшись к Монике. – Посмотрим, как далеко им удастся зайти...

– Призываю тебя, Ролан, проследить за исполнением Кодекса! – раздался усиленный громкоговорителями голос Ретифа.

– Какая дерзость! – прогремел голос императора. – Откуда у этого идиота микрофон?

Адъютант, закончив переговоры, повесил трубку:

– Это старый воин из числа зрителей, сир. Имеет знаки различия боевого командора и некоторое количество наград, включая Серебряную Звезду. Как сообщает имперский архивариус, у него есть законное право на участие в поединке.

– Я не потерплю, – отрезал император. – Это безумие бросит на меня тень при любом исходе. Уведите этого человека. Он сошел с ума, вне всякого сомнения.

С этими словами император покинул ложу. За ним потянулась свита.

– Ролан, но ведь так и проходили турниры во времена Империи? – негромко спросила Моника.

– Времена Империи – это нынешние времена, Моника! Что было раньше, меня не касается. Мы живем сегодня. Разрешить спектакль, на котором старого дурака разрубят на куски в мою честь? Я не хочу, чтобы изнеженная публика была шокирована кровавой расправой. Это повредит моей пропагандистской кампании. Надо всячески подчеркивать величие и славу грядущей войны, а не ее ужасы. Крови сегодня пролилось более чем достаточно; дурное знамение для моих планов расширения Империи.

Ощущая лопатками тяжелый взгляд императора, мастер Корриды шагнул навстречу Ретифу. Старый безумец был вполне способен сломать ему карьеру...

– Мне про тебя известно! – рявкнул мастер. – Я выяснил: ты силой проник в служебную зону, обманул двух офицеров, рассказывая красивые сказки и демонстрируя поношенный мундир и дешевые побрякушки, а теперь хочешь запугать меня? Беспольные уловки! Будешь сопротивляться – прикажу застрелить тебя на месте!

В ответ Ретиф обнажил меч.

– Именем Кодекса, который ты поклялся соблюдать, – объявил Ретиф, чей голосом разносился над ареной, – я защищаю свое право!

И командор коснулся регулятора громкости у воротника, поставив его на максимум.

– Проподи ты пропадом вместе с твоим Кодексом!.. – выкрикнул мастер и тут же смолк, побелев от ужаса, когда оказалось, что голос его слышен повсюду. Затравленно оглянувшись, он скомандовал: – Огонь!

Прозвучал выстрел, и один из стражников осел на песок.

– Приказывайте, сэр! – бодро объявил Фицрейвен, целясь из маленького пистолета во второго.

Усиленный громкоговорителями выстрел оглушил публику, взревевшую от неожиданности. Распорядители, окружавшие Ретифа, застыли, глядя на мертвеца; мастер Корриды хрипел, выпучив глаза. Второй стражник глянул на пистолет, оценил ситуацию и исчез.

Над ареной разнеслись приказы. Появился отряд вооруженных людей в коричневых мундирах, которые бегом приблизились к эпицентру беспорядка. Офицер с шокером в руках жестом остановил их. Подойдя вплотную, он несколько мгновений изучал поношенный мундир Ретифа, затем посмотрел на труп. Ретиф окинул его взглядом: молод, решителен, знаки различия боевого лейтенанта.

– Арестовать мерзавца! – потребовал мастер. – Убийцу следует расстрелять!

Вытянувшись по стойке «смирно», лейтенант отдал честь:

– Приказывайте, сэр!

– Ты не слышал? – рассердился мастер. – Схватить злодея!

– Не вмешивайтесь, сэр, – ответил лейтенант чиновнику в черном мундире. – Иначе я буду вынужден удалить вас отсюда. Жду приказов командора.

Улыбаясь, Ретиф отсалютовал лейтенанту клинком и вложил меч в ножны.

– Ну наконец-то проблески здравого смысла. Поздравляю, лейтенант! Я уже начал опасаться, что никого, кроме приверженцев Конкордиата, в этих местах не сыскать.

Мастер Корриды собрался произнести возмущенную речь, но не успел: бойцы в коричневом вывели его с арены, несмотря на громкие протесты. Остальные распорядители исчезли сами, прихватив с собой труп.

– Я бросил вызов как положено, лейтенант, – повторил Ретиф. – Прошу вас немедленно проводить меня к чемпиону. – Ретиф улыбнулся. – Буду благодарен, если ваши люди останутся на арене. Надо же проследить, чтобы турнир продолжался без помех, в соответствии с изначальным текстом Хартии.

В глазах лейтенанта зажегся огонек. Наконец! Настоящий боевой офицер. Не командир дворцового полка, чьи приказы приходится выполнять каждый день. Для лейтенанта командор стоял выше любого гражданского или расслабленного обитателя императорских казарм. Боевой командор, да еще из Корпуса Дракона!

Несколькими минутами позднее приведенный в чувство мастер Корриды объявил, что чемпиону брошен вызов. Чемпион волен принять его или отказаться. В последнем случае вызов может быть повторен в следующем году.

– Не знаю, что твои ребята сказали мастеру, но здравый смысл вернулся к нему удивительно быстро, – заметил Ретиф по дороге к месту поединка, очерченному кругом.

– Они умеют быть убедительными! – бодро согласился лейтенант, шагая слева от командора и чуть позади него.

Дойдя до круга на арене, они остановились. Сейчас я получу то, ради чего трудился, подумал Ретиф, но хватит ли меня на то, что ждет впереди?

Толпа на трибунах волновалась. Было ясно, что командору придется нелегко. Чемпион, конечно, может не согласиться, он имеет полное право отдохнуть до следующего турнира, наслаждаясь плодами победы. Только для Ретифа это станет поражением, таким же окончательным, как и гибель на песке арены. Второй раз добиться своего маскарадом, наглостью и угрозами не получится.

Ретифу еще повезло: он поссорился с чемпионом у ворот. Обида заставит того принять вызов. Может быть.

Чемпион приблизился к Ретифу, окруженный судейской коллегией. Оба посмотрели друг другу в глаза. Блондин презрительно сощурился:

– Этот инвалид меня вызывает? Кажется, я где-то видел старого болтуна.

– О моей болтовне можешь не беспокоиться, юный лавочник. За меня будет говорить холодная сталь!

– Насадить тебя на вертел – не много чести! – Блондин порозовел и рассмеялся. – Седины не каждому прибавляют ума.

– Не много? Может быть. Если струсил, чести будет еще меньше.

– Хочешь умереть здесь? Ради славы? Дело хозяйское, но я тебе не помощник.

– Чего не придумает сельский увалень, чтобы вывернуться. Такой сброд нельзя допускать до благородного боя!

Командор пристально глядел на блондина, пытаясь понять, насколько оскорбления задевают того за живое. Ставить вполне приличного парня в дурацкое положение было неприятно, но ничего другого не оставалось. Противника необходимо разозлить до такой степени, чтобы он забыл о заслуженной победе и согласился испытать судьбу еще раз. Кажется, он не любит упоминаний о торговле и лавочниках.

– Вернулся бы ты к своей капусте, дружок, – ухмыльнулся Ретиф. – Пока я не побил тебя своим мечом. Плашмя.

Некоторое время блондин угрюмо изучал командора.

– Хорошо, – сказал он негромко. – Встретимся на арене.

Еще один маленький шажок, подумал Ретиф, приближаясь к нарисованному кругу. Получится ли уговорить его на конный поединок?..

– Предлагаю конный поединок, – обратился Ретиф к судье. – Если, конечно, этот лавочник не боится и у него есть лошадь.

Последовали энергичные переговоры с представителями чемпиона; участники их размахивали руками и часто оглядывались на командора.

– Чемпион согласен встретиться с вами! – объявил наконец судья. – Днем или ночью, в жару или в холод, пешком или конным!

– Очень хорошо, – кивнул Ретиф. – Пусть оруженосец приведет моего коня.

Выбор его не был капризом: Ретиф прекрасно понимал, во что обойдется победа над чемпионом. В бою он уже не мог полагаться на свои ноги.

Когда-то эти неутомимые ноги легко вынесли его к перевалу Бифрост, навстречу разбойнику Мальдеди. Девять часов спустя Ретиф притащил тело разбойника, весом двести десять фунтов, вниз, в деревню. Притащил на спине, удерживая одной рукой; вторая была сломана.

Тогда Ретиф был совсем мальчиком – моложе своего противника на этой арене. Он принял вызов Мальдеди, брошенный всем желающим: сразиться без оружия на перевале, доказать, что ты уже не ребенок и можешь считаться мужчиной. Пожалуй, теперь приходится доказывать, что ты не слишком стар...

Подошел служитель, ведя Ночного Грома под уздцы. Оценить такого коня мог только большой знаток. Ретиф знал это очень хорошо. На неопытный взгляд – кляча, не более того. Командор, однако, в любой момент предпочел бы этого коня с императорским клеймом на боку целому стойлу на выставке.

Блондину подвели белого скакуна, крепкого и раскормленного. Вряд ли он такой уж стремительный, подумал Ретиф. Шансы повысились.

Прозвучали трубы, перекрывая гомон толпы. Ретиф поднялся в седло, не сводя глаз с противника.

– Ваше оружие, сэр! – сказал судья, подавая тяжелую палицу с длинными сверкающими остриями.

Массивная, неуклюжая: Ретифу не приходилось раньше пользоваться такой. Тонкостей обращения с дубиной Ретиф не знал. Блондин поступает умно, сказал он себе, улыбаясь. Имеет право выбирать оружие – и берет необычное. Все правильно.

Фицрейвен, стоя за барьером, имел мрачный и суровый вид. Не слишком-то он надеется на мои старые кости, подумал Ретиф.

Прозвучал свисток. Ретиф приблизился к противнику рысью, отведя палицу в сторону. Пока что он решил обращаться с ней как с коротким мечом. А дальше научиться на опыте...

Белый конь пролетел мимо галопом и развернулся; Ретиф отбил палицей удар в голову, попытался достать спину противника, не смог. Коротка палица, подумал Ретиф, разворачиваясь в свою очередь, надо подбираться как можно ближе.

Последовал обмен ударами, не достигшими цели. Пользуясь неповоротливостью белого коня, Ретиф атаковал чемпиона с разных сторон, улюлюкая. Пусть тот разозлится как следует.

Блондин повертелся на месте, затем поднял коня на дыбы, стараясь достать противника тяжелыми копытами. Ночной Гром презрительно отступил в сторону; конь чемпиона едва не потерял равновесие.

Неплохо, великодушно согласился Ретиф. Но медленно, слишком медленно.

Командор ударил сверху, но в человека не попал: белый конь тряхнул головой, внезапно подставив ее под палицу. Выдохнув в последний раз, конь рухнул на песок. Блондин успел отскочить.

Ретиф на такое не рассчитывал: убивать животное ему было незачем. Конечно, атаковать противника сверху безопаснее, и правила не запрещают. В смертельном бою нет правил, кроме тех, которые человек устанавливает для себя сам.

Если он спешится, встречая противника на равных, преимущество, которое дает конь, будет потеряно. Вот он, противник, стоит, ждет, по лицу бежит тонкая струйка крови...

Мне нужна победа, на ней держится весь план, напомнил себе Ретиф. И он уже слишком стар, чтобы драться с молодыми на равных. Мысленно покачав головой, командор спешился. Некоторые поступки приходится совершать, даже если логика требует обратного. Противник – не бешеная собака, чтобы расправляться с ним, оставаясь в седле.

В ответ чемпион отсалютовал командору палицей.

– Достойный выбор, старик. Теперь тебе придется умереть, – с этими словами блондин двинулся вперед.

Ретиф остался там, где был, парируя удары, упреждая каждое движение противника. Когда палица Ретифа скользнула по виску чемпиона, тот отступил, тяжело дыша. Старик оказался не так прост: сдвинуть его с места никак не получалось. Командор стоял как стена, не уступая ни дюйма. Когда палицы скрещивались, удар отдавался в плечо блондина, будто оружие встречало на своем пути гранитный валун. Чемпион осторожно двинулся вдоль нарисованной окружности.

Ретиф лишь поворачивался на месте, держась лицом к противнику, экономя силы. Отдавать инициативу – не слишком разумно, но командор не хотел показывать сопернику, как скованы его движения, не хотел впустую растрачивать силы, активно перемещаясь по арене. Руки пока хороши, не хуже, чем у других, а может, и лучше. Придется поработать ими.

Уклонившись от очередного удара, Ретиф зацепил челюсть противника, шагнул вперед и ударил его в плечо. Ошеломленный блондин быстро отступил. Сейчас бы использовать преимущество, но нельзя. Нельзя растрачивать силы на беготню по арене. Командор опустил палицу и оперся на нее. Где-то далеко шумела толпа; сверкал под солнцем песок, порывы ветра поднимали пыль над ареной.

– Шевелись, лавочник! Как тебе мой товар? Попробуй еще!..

Если парня все время злить, он потеряет осторожность. Должен потерять. И у Ретифа будет преимущество.

Атака блондина оказалась внезапной, но Ретифу удалось отразить удар. Чемпион молниеносно зашел с другой стороны; командор повернулся, успел перехватить палицу – и в этот момент пальцы левой руки взорвались. Голова закружилась, в глазах потемнело. С трудом

удерживаясь на ногах, прогоняя смертельную слабость, командор усилием воли рассеял тьму и осмотрел руку. От двух пальцев осталась только кровавая мякоть; палица исчезла. Защищаться было нечем.

Голова гудела, каждый вдох резал легкие. Ноги начали трястись, с левой руки будто содрали кожу – вместе с мясом. Оказывается, он не в состоянии переносить боль так же стойко, как в молодости. Старость не радость.

Вот и пришел час, как тать в ночи. Неоткуда ждать помощи, некуда бежать. Собрать все силы, все остатки реакции и сообразительности. Или все потерять. На мгновение замешкавшись, преодолевая болевой шок, командор вытащил церемониальный кинжал: десятидюймовый клинок, богато украшенный драгоценными камнями. По крайней мере, он умрет с оружием в руках, лицом к противнику.

Шагнув вперед, блондин отбросил палицу.

– Или обыкновенному лавочнику не пристало делать благородные жесты, подобающие надменному рыцарю? – Чемпион рассмеялся, вынимая нож из-за пояса. – Пришел в себя, старик? Готов?

– Жест... дорого тебе обойдется, – пообещал Ретиф, с трудом ворочая языком.

Даже дышать было трудно. В нервах отдавалась боль от раздробленных костей и раздавленной плоти. Бледный лоб был покрыт холодным потом.

Чемпион приблизился вплотную; командор едва успел отступить, нож прошел в дюйме от него. Действительно, он разучился переносить боль. Долгие годы, проведенные на дипломатической службе, где оружием являются хитрость и изысканное коварство, не прошли даром. Сейчас, когда грубую силу надо одолевать грубой силой, он проигрывает.

Грубая сила без ловкости не работает, он это знал и раньше. Что ж, надо снова положиться на благоприобретенную изворотливость и находчивость. Ретиф постарался забыть о реве толпы на трибунах и сосредоточился.

Надо втянуть чемпиона в такую схватку, в которой у него не будет шансов. Пусть еще раз потеряет голову, пусть не сможет обратить себе на пользу молодость, быстроту и неутомимость...

– Так ты честный лавочник или балетмейстер? – прорычал командор как можно более убедительно. – Встречай меня лицом к лицу!

Блондин молча сделал обманное движение, взмахнул клинком – и не попал. Зато Ретиф сумел кольнуть чемпиона в запястье.

– Кабацкая драка – это другое. Старик, говоришь? А может, ты просто боишься моего клинка? Лицом к лицу, правая рука против правой руки?

Если парень на это купится, значит он еще моложе, чем выглядит, подумал Ретиф.

– Слышал про такое, – кивнул блондин, обмениваясь уколами с командором. – Придумано специально, чтобы не выставять старика на посмешище перед более ловким противником. Понимаю, ты надеешься меня подловить, но и я могу...

– Острие моего клинка к твоим услугам! – оборвал его Ретиф.

Выставив перед собой нож, глядя в глаза командору, блондин осторожно двинулся вперед. Еще ближе, пожалуйста, подумал Ретиф. Самую малость.

Неожиданно выронив кинжал, командор молниеносно вцепился блондину в запястье.

– А теперь попробуй вырваться, головастик, – предложил Ретиф.

Противники раскачивались, стоя нос к носу, глядя друг другу в глаза. Дышать было трудно, сердце страшно колотилось, левая рука превратилась в пульсирующий клубок боли, стекавший с пыльного лба пот заливал глаза, но хватка была крепкой. Блондин тщетно пытался вырваться.

Движением запястья Ретиф отвернул клинок в сторону, затем выдавил руку блондина вверх. Тот пытался сопротивляться, но тщетно.

– Я тебя не убью, – сообщил Ретиф, улыбаясь. – Но руку сломаю. В таком состоянии тебя снимут с поединка.

– Мне поблажки не нужны!.. – прохрипел блондин.

– А это не поблажка. Пока кости не срastутся, приятного будет очень мало, обещаю. Считай, я честно расплатился за свою руку.

Завернув надежно схваченную руку за спину противнику, командор надавил. Кости отчетливо хрустнули. Ну вот, можно отпустить... Бледный как смерть, задыхавшийся блондин с трудом удерживался на ногах.

На несколько минут воцарилась суматоха: работали врачи и судьи, звучали объявления и шумела непостоянная в своих симпатиях толпа, довольная провозглашением нового чемпиона.

К Ретифу протиснулся распорядитель в цветастом мундире Парадного полка. Командор поправил воротник, а заодно и регулятор микрофона.

– Имею честь объявить вам, сэр, что вы выиграли турнир и вам полагаются все почести сегодняшнего дня.

Распорядитель замешкался, сбитый с толку раскатами эха. Стоя под любопытными взглядами, Ретиф пытался разогнать тьму, едва не накрывшую его окончательно. Боль в раздавленных пальцах накатывала волнами, воздух, свистевший в горле, никак не мог справиться с удушьем. Слова будто доносились издалека, приходилось напрягаться, чтобы уловить смысл и устоять на ногах.

– Теперь же за преступления против мира и порядка внутри Империи именем императора я помещаю вас под арест, вплоть до суда. Приговор будет вынесен Верховным судом Фрагонара.

Ретиф перевел дыхание, собираясь с мыслями.

– Отлично! – пробормотал он. – Вы не смогли бы обрадовать меня больше, даже если бы захотели.

В просторном и роскошно убранном зале, известном как Небесный свод, собрались аристократы, сановники и пэры Лилии. Члены Верховного суда сидели на своих местах, не нарушая торжественной тишины.

Обвинение предъявило доказательства: выдавая себя за пэра Лилии и офицера Корпуса, обвиняемый нарушил законы Нортройяла и проявил неуважение к императорской власти, а также запятнал себя убийством, совершенным руками присягнувшего ему оруженосца. Что он хочет сказать в свое оправдание?

Ретиф сидел в одиночестве на скамье подсудимых, баюкая туго забинтованную руку, которая онемела от обезболивающего. Сейчас выяснится, насколько хорошо он подготовился к финальному испытанию. Готовился же он долго и тщательно.

В Галактике нет хранилища документов, сравнимого с архивами Корпуса, и Ретиф провел там не одну неделю, разбираясь в подробностях истории Нортройяла и предшествовавшей ему старой Империи. К архивным фактам добавился собственный богатый опыт. Осталось увидеть, выдержит ли шаткая постройка из традиции, преданий, слухов и старых записей испытание истиной. От этого полностью зависел успех задания. Кролику совершенно необходимо найтись в цилиндре, иначе выйдет нехорошо.

Вот они, перед ним, – люди, которых необходимо убедить. Следуя долгим и непростым путем, Ретиф добрался до высших сановников этого мира. Судьи Верховного суда, имперский архивариус, хранители Хартии, Кодекса, протоколов и ритуалов, на которых держится общество. Рисковать всем, ломая священный порядок турнира, было почти безумием, но как еще привлечь внимание столь избранной аудитории? Теперь, когда драма развернулась на глазах сотен тысяч зрителей, его выслушают. Только путаться в показаниях никак нельзя.

– Пэры королевства! – начал Ретиф, стараясь говорить ясно и отчетливо. – Обвинения в мой адрес основаны на предположении, что я выдаю себя за другого. С начала и до конца я лишь настаивал на своих правах старшего офицера и пэра Лилии. Как подобает Кавалеру, я стойко сопротивлялся всем попыткам лишить меня законных прав и привилегий. Весьма при-
скорбно, когда чиновники невысокого ранга проявляют неосведомленность в отношении ста-
туса боевого командора Лилии. Но теперь, представ перед благороднейшими пэрами Нортрой-
яла, я не сомневаюсь, что справедливость моих требований будет наконец признана.

Пока Ретиф переводил дух, прозвучал голос сурового седобородого судьи:

– Ваши претензии суду представляются безосновательными. Никто из присутствующих вас не знает. Если вы – потомок одного из перебежчиков, покинувших своих соратников-Кавалеров во времена изгнания, едва ли вам удастся снискать уважение достойных людей, сидящих в этом зале. Вы обманываете себя, полагая, что ваш маскарад может ввести в заблуждение высокий суд!

– Я не уроженец Нортройяла, – ответил Ретиф. – На это я и не претендую. И среди моих предков нет отступников. Не упускает ли высокий суд из виду, что одному из кораблей, не сопровождавших Кавалеров на пути в изгнание, удалось обмануть разведку Конкордиата и те, кто летел на нем, организовали противодействие вторжению?

Судьи, склонив друг к другу головы, принялись переговариваться и шуршать бумагами.

– Вы хотите сказать, что речь идет о корабле, на котором находились император Рокель и его свита? – спросил судья.

– Совершенно верно, ваша честь.

– В таком случае ваша история выглядит совсем неправдоподобной! – отрезал судья. – Когда император Ролан триумфально воссоединился со своими подданными здесь, в Нортройяле, в прошлом году, его сопровождал весь двор.

– Я коснусь этого позднее. Пока достаточно сказать, что я являюсь законным наследником...

– Совершенно недостаточно, могу вас уверить! – раздраженно оборвал Ретифа судья. – Не намерены ли вы указывать суду, какие доказательства считать достаточными?

– Простите, ваша честь. Я в состоянии доказать свое утверждение.

– Очень хорошо. Предъявляйте ваши доказательства, хотя не представляю, как они могут оказаться убедительными.

– Вот, ваша честь! – Ретиф извлек из плоской полевой сумки на поясе какую-то бумагу. – Подтверждение моей добросовестности. Не сомневаюсь, что суд признает подлинность офицерского патента и жалованной грамоты, выданной императором Рокелем. Прошу заметить, печати не сломаны.

Ретиф передал документ секретарю суда. Приняв перевитую выцветшей красной лентой и скрепленную тяжелыми сургучными печатями грамоту, секретарь передал ее председателю суда. Повертев грамоту в руках, судья сломал легко раскрошившиеся печати. Остальные смотрели с интересом, придвинувшись поближе.

Исполненный в старинном имперском стиле, с перечислением предков и почестей, документ был подписан императором, уже два века отошедшим в мир иной, и заверен тускло блестящей золотой печатью. Даже судьям не каждый день приходилось видеть такую бумагу. Такой документ стоил целого состояния.

– Последний параграф я предлагаю прочесть вслух, – потребовал Ретиф. – Поправка, внесенная тридцать лет назад.

Помолчав, судья передал бумагу секретарю:

– Огласите последний параграф!

Тот прочел хорошо поставленным голосом:

«Да будет известно всем, читающим это: наш верноподданный, пэр императорской Лилии Джеймс Ярл, барон Ретиф, офицер императорской гвардии, боевой офицер, наследственный рыцарь Почетного легиона, кавалер Лилии, защитник Запада, милостью императора кавалер Серебряной Звезды, своей доблестью, верностью и искусной рукой покрывший славой императорскую Лилию, настоящим получает от Нас почетное звание боевого командора, дабы он исполнял обязанности и пользовался привилегиями, сопутствующими этому званию, как и его потомки, на вечные времена».

В зале повисла долгая тишина. Секретарь вернул бумагу председателю суда, который вновь погрузился в ее изучение.

– Предлагаю исследовать отпечаток сетчатки моих глаз и сравнить его с закодированным в приложении, – объявил Ретиф, поднимаясь на ноги.

Председатель суда жестом подозвал посыльного. Тот вернулся с экспертом, и через пять минут, показавшихся всем очень долгими, заключение было готово. Вручив его судье, эксперт удалился.

Прочитав заключение, судья вернулся к документу. Ниже подписи императора Рокеля действительно были дополнения, подписанные и скрепленные печатями. Имена, стоявшие под дополнениями, члены суда видели впервые.

– Где вы взяли эту грамоту? – поинтересовался председатель суда.

– Она хранится в моей семье в течение девяти поколений, ваша честь.

Члены суда стали совещаться, покачивая головами и оглаживая седые бороды.

– Итак, ваше доказательство – дополнения к документу, подписанные людьми, совершенно неизвестными нам, и скрепленные печатями, которых мы никогда не видели, – объявил судья. – Имена настоящих императоров произвели бы на нас более сильное впечатление. Вот, например, последнее дополнение, указ о присвоении высокого воинского звания. Подпись поставлена всего тридцать лет назад: «Ронар».

Вслед за председателем суда рассмеялись и другие.

– Дерзость не приблизит желаемого для вас исхода дела, – пообещал судья. – Ронар, говорите? Это имя никому не известно. Тридцать лет назад двор отца нынешнего монарха располагался на Тралленде.

– Тридцать лет назад, – возвысил голос Ретиф, – отец вашего нынешнего правителя держал коня под уздцы, когда император садился в седло!

Со всех сторон раздались возмущенные крики, заглушившие стук судейского молотка. Подобие порядка удалось восстановить только худощавому джентльмену, одетому в бархатный красно-коричневый камзол, с золотой цепью хранителя Большой печати на шее.

– Пора вынести, наконец, приговор изменнику и покончить с этой непозволительной дерзостью!.. – прокричал он.

– Нортройял оказался жертвой мошенничества, – возразил Ретиф, когда настало относительное затишье. – Но только не моего. Тот, кто называет себя Роланом, – самозванец!

Стук молотка, вместе с гулкими ударами посоха судебного пристава, заставил наконец замолкнуть благородную публику. Глаза председателя грозно блеснули за стеклами очков.

– Знание языка, дворцового этикета, а также узор сетчатки глаз, совпадающий с приложенным к документу, выглядят достаточно серьезным подтверждением вашей родословной. В свете представленных доказательств, суд склонен признать в вас преступника самого подлого рода: отступника, запятнавшего свое высокое происхождение! – Судья возвысил голос. – Занесите в протокол: лицо, именуемое Джеймсом Ярлом, бароном Лилии, разрушает собственными словами клятву верности и втоптывает в грязь свое благородное происхождение. Забывшему честь офицера будет вынесен заслуженный приговор!

– Я располагаю доказательствами моих слов, ваша честь! А обвинения, выдвинутые против меня, не доказаны. Я действовал в полном согласии с Кодексом, и Кодекс дает мне право высказаться в свою защиту!

– Вы пренебрегли Кодексом! – выкрикнул кто-то из зала.

– Я сказал, что на троне Лилии сидит узурпатор. Можете меня казнить, если я не смогу доказать этого.

В воздухе повисла мертвая тишина.

– Очень хорошо, – кивнул председатель суда. – Предъявите ваши доказательства.

– Когда некто, называющий себя Роланом, появился в Нортройале, он имел при себе императорскую печать, кольцо, мантию, большую часть коронных драгоценностей и подлинник императорской родословной.

– Верно.

– Не было ли еще тогда замечено, что цепь на печати отсутствует, мантия сильно запятнана, главной драгоценности, изумруда «Наполеон», нет, кольцо обезображено глубокими царапинами, а замок переплета родословной книги взломан? – По залу пронесся ропот. – И никому не показалось странным, что у претендента не было императорской печати, олицетворяющей Империю во всей ее полноте?

Голос Ретифа теперь гремел в тишине; во взгляде председателя суда прорезалось сомнение.

– Откуда у вас такие сведения?

Ретиф извлек что-то блестящее из кожаного мешочка на поясе и показал суду.

– Это разорванная цепь, – пояснил он. – Ее повредили во время кражи из хранилища Свиты в изгнании. – Ретиф растянул цепь поверх ограждения скамьи подсудимых. – А это – изумруд «Наполеон», когда-то он был вставлен в кольцо на руке легендарного Бонапарта. Другого такого в Галактике нет, и подлинность установить нетрудно. – В мертвой тишине звякнул маленький ключик, ложась рядом с цепью и драгоценным камнем. – Этим ключом вы сможете отпереть императорскую родословную книгу. – Наконец Ретиф извлек небольшую серебряную шкатулку искусной работы. – Пятна на мантии – кровь императора Ронара. Тогда же убийца отрезал палец императора, чтобы завладеть кольцом, на котором остались царапины.

Послышались возмущенные голоса. Ретиф замолчал, давая всем рассмотреть серебряную шкатулку в его руке.

Там лежала исключительно качественная копия императорской печати. Такими же были изумруд и ключик, воспроизведенные в лабораториях Корпуса и точно повторявшие даже молекулярную структуру оригинала. При проверке их будут сравнивать с сохранившейся электронной матрицей; для положительного результата требуется полное совпадение. Сама печатька безвозвратно погибла при пожаре во дворце полтора века назад.

Откинув крышечку, Ретиф продемонстрировал великолепный камень винного цвета, оправленный в платину.

– Одна эта драгоценность доказывает, что Ролан – самозванец! Предлагаю суду сравнить ее с матрицей. А пока проводится экспертиза, я попросил бы суд еще раз обратить внимание на генеалогическое древо в моем офицерском патенте.

Секретарь отправился за аппаратурой и экспертами, судьи склонились над документом; зал гудел, теперь уже без умолку.

Вкатили матричный сканер. Председатель суда посмотрел на него и перевел взгляд на Ретифа.

– Это древо... – начал он, но тут коллега шепнул что-то ему на ухо и потянул за рукав. Судья кивнул.

Передав шкатулку секретарю, Ретиф вздохнул. Техники открыли дверцу и положили драгоценный камень в сканер. Затаив дыхание, Ретиф смотрел, как они возятся с регуляторами. Последний щелчок – и прибор мелодично запел.

– Кристалл соответствует матрице, – вынес свое заключение эксперт, отрываясь от приборов.

Возбужденные крики утихли, когда Ретиф обратился к председателю суда.

– Милорды! Пэры имперской Лилии! – Голос его звенел. – Свидетельством этой печатки мы, Ретиф, император божьей милостью, занимаем трон, принадлежащий нам по праву!

В ответном хоре голосов прозвучало изумление, смешанное с почтительным трепетом.

ЭПИЛОГ

– Прекрасная работа, господин министр! Поздравляю с новым назначением, – радушно произнес посол. – Вы показали, чего можно достичь, применяя индивидуальный и нестандартный подход там, где в теории ситуация безнадежна.

– Благодарю вас, господин посол, – улыбнулся Ретиф. – Сейчас, когда все позади, я и сам удивлен, как мне удалось выпутаться. Честно говоря, не хотелось бы еще раз оказаться в положении, требующем такой изобретательности.

– Признаюсь, когда Маньян сообщил, что вы займетесь этим делом, притом в одиночку, я попытался отозвать вас, но было поздно. Совсем не дело посылать единственного агента на задание, последствия которого столь серьезны и непредсказуемы. Боюсь, Маньяну пришлось нелегко. Он теперь на длительном отдыхе.

Конечно, подумал Ретиф. Он теперь на длительном отдыхе, а у меня дела идут как нельзя лучше. Опасные задания хороши тем, что в случае успеха оправдывают себя стократ.

Теперь у него есть постоянная должность. Можно надеяться, что дальше его ждет аналитическая работа подальше от Нортройяла.

Несколько недель его царствования были наполнены событиями. Ролана повесили на следующее утро, после бурного судебного заседания. Вплоть до последней минуты Ролан утверждал, что он не самозванец. Несколько утешает то, что он действительно лгал. Но будь Ролан настоящим императором, Ретиф все равно отправил бы его на виселицу.

Первое, что сделал Ретиф после коронации, – навсегда отменил турнир, а также исключительное право дворян занимать государственные должности. Он также освободил, с присвоением очередного звания, лейтенанта, который отказался арестовывать его. А Фицрейвена отправил учиться в военную академию: будущее парня было обеспечено.

Вспомнив о смущении белокурого чемпиона, он улыбнулся. Когда рука блондина зажала, Ретиф предложил ему сатисфакцию; тот в ответ попросил прощения за недальновидность. Оценив его благородство и твердость характера, император присвоил ему звание капитана гвардии и сделал пэром.

Затем были упразднены неправдоподобно сложные ограничения, тормозившие развитие общества, окаменевшие обычаи и священные традиции. Венцом всего стало принятие современной конституции: королевству предстояло следовать по пути просвещения, к славе и достоинству.

Принцессу Монику тоже приятно вспомнить. Настоящая принцесса, с родословной, к которой не смог бы придраться самый замшелый аристократ из старой гвардии. Ретиф отрекся от престола в ее пользу.

Конечно, родословная Моники не так богата – у Ретифа в роду насчитывается семь, а то и восемь императоров в изгнании, – но ее вполне достаточно. Тем более после прискорбной истории с узурпатором граждане Нортройяла были рады появлению просвещенного правителя.

Оказалось, что не так-то легко покидать престол, занятый почти без труда. Особенно не хотелось расставаться с прекрасной Моникой, слишком напоминавшей другую красавицу, из совсем другого времени...

Его краткая карьера гладиатора обернулась месячным пребыванием на больничной койке, но теперь все хорошо. Что готовят ему судьба и командование Корпусом?..

– ...Великолепную изобретательность, – слышались чьи-то слова. – Вы, должно быть, прекрасно проработали свою легенду, подготовили все необходимые вещи и документы. А качество работы! Просто замечательно. Подумать только, обмануть первосвященника в святой святыни храма!

– Тщательное изучение материалов, не более того, – скромно пояснил Ретиф. – В архивах Корпуса нашлось все, что было нужно. Пришлось повозиться с печаткой, но это заслуга наших специалистов.

– Грамота поразила меня еще больше, – сказал молодой советник. – Ведь деталей недостаточно, надо еще понимать психологию тамошней аристократии.

Оживленно беседуя, присутствующие потянулись в зал. Пора и ему. Рассеянно улыбнувшись, Ретиф посмотрел в глаза молодому агенту.

– И опять тут нет моей особой заслуги. Грамота у меня лежит давно, и, в отличие от остального, она подлинная.

На пороге

Перевод О. Степашикиной

Опершись локтем на кухонный стол, служащий сейчас рабочим местом, бригадный генерал В. Ф. Страут поднял бинокль и посмотрел через окно второго этажа фермерского дома на объемистый предмет, что лежал, чуть наклонясь, на краю леса. Он осмотрел фигурки, суetyащиеся вокруг серой груды, потом снял трубку полевого телефона.

– Билл, что там твои парни делают?

– Генерал, после ящичка, появившегося этим утром...

– Я знаю про ящик, Билл. Он уже в Вашингтоне. Что у тебя нового?

– Сэр, мне пока что не о чем доложить. У меня над этим трудится четыре команды, но оно по-прежнему выглядит абсолютно непроницаемым.

– Изнутри все так же раздаются звуки?

– Время от времени, генерал.

– Даю еще час, майор. Я хочу, чтобы вы ее вскрыли.

Генерал бросил трубку на рычажки и рассеянно содрал целлофановую обертку с сигары. Ему пришлось подсуетиться, подумал генерал, после того как полиция штата известила его вчерашним вечером, в 21:41. К полуночи его люди были на месте, район очищен от гражданских, и в Вашингтон ушел предварительный рапорт. В 02:26 они обнаружили куб со стороной в четыре дюйма, лежащий на земле в пятнадцати футах от объекта – корабля, капсулы, бомбы или что оно там такое. Но к данному моменту – четыре часа спустя – они не узнали ничего нового.

Полевой телефон зазвонил. Генерал схватил трубку.

– Генерал, мы обнаружили на верхней стороне тонкий участок; пока мы можем сказать лишь, что в этом месте толщина стенок уменьшается.

– Хорошо. Продолжайте, Билл.

Ну вот, уже хоть что-то. Если у него получится разобраться к тому моменту, как Вашингтон осознает, что дело серьезное... так он давно уже ждет вторую звезду. Это его шанс, и он, черт побери, выжмет из него все, что только можно.

Страут посмотрел через поле на эту штуковину. Она лежала наполовину в лесу, наполовину на поле, с прямыми стенками, скругленными концами, без каких-либо приметных деталей. Возможно, стоит спуститься и лично взглянуть на нее поближе. Вдруг он заметит что-нибудь такое, что проглядели остальные. Эта вещь может в любую секунду взорваться и разнести всех их в клочья, но черт побери! Он заработал свою звезду в Гранаде, благодаря собственной храбрости. И она по-прежнему при нем.

Он взял трубку:

– Билл, я спускаюсь.

Повинуясь внезапному порыву, генерал прихватил с собой пистолет. Конечно, против бомбы размером с дом он мало чем поможет, но тяжесть пистолета действовала успокаивающе.

По мере того как джип подъезжал к штуковине, подпрыгивая на свежевспаханном поле, она выглядела все больше. Отсюда генералу стала видна тонкая линия, идущая чуть ниже стыка верха и боковой стороны. Гир о ней не упоминал. Линия была вполне заметна; на самом деле это скорее трещина.

И эта трещина вдруг разошлась со звуком наподобие того, с каким бейсбольный мяч врезается в перчатку кетчера; верхняя половина откинулась, и люди съехали с нее – а потом она застыла открытой, невероятно, чуть вибрируя, словно внезапно поднявшаяся крыша дома. Водитель джипа дал по газам. Раздались крики и пронзительный прерывистый звук, от которого у Страута заныли зубы. Люди теперь бежали обратно, двое из них тащили третьего.

Майор Грир выскочил из-за объекта, огляделся и побежал в сторону генерала, крича на бегу:

– ...Один погибший. Она лопнула, мы этого не ожидали...

Страут выскочил из машины к бегущим; они уже остановились и стали оглядываться. Внутренняя сторона поднявшейся крышки была переливчато-черной. Пронзительный тоненький звук неся над полем. Тяжело дышавший Грир подошел к генералу.

– Что произошло? – рявкнул Страут.

– Я... осматривал это тонкое место, генерал. И вдруг почувствовал, как оно... поднимается подо мной. Я упал. Тэйт был на другой стороне. Он вцепился в крышку, и его ударило об дерево. Его череп...

– Что это за мерзкий шум?

– Это, генерал, тот самый звук, который исходил изнутри. Там внутри что-то живое...

– Ладно. Соберитесь, майор. Мы к этому готовы. Выводите свои бронетранспортеры на позиции. Танки будут тут через полчаса.

Страут взглянул на стоящих вокруг людей. Надо им показать, что такое настоящий лидер.

– А вы возвращайтесь обратно, – сказал он, спокойно пыхнул сигарой и пошел к маячащему впереди объекту.

Шум внезапно прекратился. Какое облегчение! В воздухе висел слабый необычный запах, что-то вроде хлора... или морских водорослей... или йода.

На земле вокруг штуковины не было никаких следов. Ее явно опустили прямо на это место. А еще она была тяжелая. Со всех сторон образовались холмики мягкой почвы, где-то с фут высотой.

Страут услышал, как позади кто-то закричал. Он обернулся. Люди Грира на что-то показывали; джип рванул к нему, увязая во вспаханной земле и прокручивая колеса. Генерал посмотрел вверх. Над краем серой стены, в шести футах над его головой, шевелился, что-то на шаривая, красноватый отросток наподобие крабовой клешни.

Действуя на автомате, Страут выхватил из кобуры свой сорок пятый калибр, снял его с предохранителя и выстрелил. Мягкое вещество разлетелось брызгами, клешня дернулась и спряталась обратно. Визг возобновился, сделавшись возмущенным, а потом потонул в реве мотора, когда джип, проскользив, остановился. Страут наклонился, схватил листик с прилипшим подрагивающим комком, запрыгнул в машину, и та рванула с места; потом вдруг обрушился удар, машину занесло на скорости, она перевернулась...

– ...Повезло, что земля мягкая.

– А что с водителем?

Тишина. Страут открыл глаза.

– Что... с...

На него сверху вниз смотрел какой-то тип самого заурядного вида, лет тридцати пяти.

– Не волнуйтесь, генерал. Вы неудачно упали. Все остальное в порядке. Я Пол Либерман, из университета.

– Водитель, – с усилием выговорил Страут.

– Он погиб, когда джип опрокинулся.

– Опро... кинулся?

– То существо хлестнуло отростком наподобие скорпионьего жала; он ударил в джип и опрокинул его. Вас выбросило наружу. Водитель выпрыгнул, и его придавило джипом.

Страут заставил себя сесть.

– Где Грир?

– Здесь, сэр. – Майор Грир вышел вперед и встал, весь внимание.

– Билл, танки прибыли?

– Нет, сэр. Мне позвонил генерал Маргрейв. Там какая-то задержка. Что-то насчет того, чтобы не уничтожать научный материал. Я доставил с базы минометы...

Страут встал. Чужак взял его за руку:

– Генерал, вам следует лечь...

– Вы кто, черт побери, такой? Грир, тащите эти минометы сюда и разместите их между вашими бронетранспортерами.

Зазвонил телефон. Страут схватил трубку:

– Генерал Страут слушает.

– Страут? Говорит генерал Маргрейв. Рад, что вы пришли в себя. Там едут ученые из университета штата. Окажите им содействие. Вам придется продержаться как минимум до тех пор, пока я не смогу прислать вам замену...

– Замену? Генерал, я не выбыл из строя. Ситуация под контролем...

– Это мне решать, Страут. Насколько я понимаю, у вас еще потери. Куда делся ваш оборонительный потенциал?

– Это был несчастный случай, сэр. Джип...

– Я знаю. С этим мы разберемся позже. Сейчас я звоню по более важному вопросу. Шифровальщики достигли кое-каких успехов с этой вашей коробкой. Она передает какое-то сообщение.

– Да, сэр.

– Они настроили приемник, переводящий его в слышимый звук. Половина сообщения – оно всего двадцатисекундное, повторяющееся – на английском. Это отрывок из дневной радиопередачи, один из спецов ее опознал. Остальное – какая-то тарабарщина. Они продолжают над этим работать.

– Что...

– Брайан говорит, они думают, что там какое-то сообщение между двумя частями этого послания. Ну не знаю. На мой взгляд, это какая-то угроза.

– Согласен, генерал. Ультиматум.

– Ладно. С этого момента отведите своих людей на безопасное расстояние. Довольно с меня потерь.

Страут положил трубку и проклял свою судьбу. Маргрейв хочет заменить его, и это после того, как он принял все возможные меры предосторожности! Надо что-то сделать, и быстро, разобраться с этой штуковиной, пока она не выскользнула у него из рук.

Генерал посмотрел на Грира:

– Я обезврежу эту вещь раз и навсегда. Здесь никого больше не убьют, пока я за это отвечаю.

Либерман встал:

– Генерал! Я протестую против какого-либо нападения на эту...

Страут стремительно развернулся:

– Здесь я руковожу, профессор. Я не знаю, кто вас сюда пустил и почему, но решения тут принимаю я. Я остановлю этого человекоубийцу, прежде чем оно выползет из своего гнезда и, возможно, доберется до поселка за лесом. Там четыре тысячи гражданских. Это моя работа – защищать их.

Он резко кивнул Гриру и размашистым шагом вышел из комнаты. Либерман двинулся следом, продолжая протестовать.

– Генерал Страут, это существо не выражает никаких признаков агрессии...

– Не считая двух погибших?

– Вам следовало не подпускать их...

Страут остановился:

– Так, значит, это я во всем виноват?

Развернувшись, он уставился на Либермана с холодной яростью. Этот гражданский как-то пробрался сюда, а теперь ему хватает наглости обвинять его, бригадного генерала Страута, в смерти двух его человек? Если бы этот тип хоть на пять минут надел мундир...

– Генерал, вы нездоровы. Это падение...

– Не путайтесь под ногами, профессор, – бросил Страут и двинулся вниз по лестнице. Эта неудача может уничтожить его карьеру, а тут еще всякие яйцеголовые лезут...

Вместе с Гриром Страут подошел к краю поля.

– Ну что, майор, пускайте в ход ваш пятидесятый калибр.

Грир отдал команду, отрывисто загрохотали выстрелы. Запах кордита и голубой дымок из дул... Вот так уже лучше. Это положит конец всей этой нелепице. Он тут командует, у него власть...

Грир опустил бинокль.

– Прекратить огонь! – крикнул он.

– Кто вам скомандовал отдать этот приказ, майор?! – рявкнул Страут.

Грир посмотрел на него:

– Мы ее даже не поцарапали.

Страут взял бинокль.

– Ладно, – сказал он. – Попробуем что-нибудь помощнее. Дайте залп сорокамиллиметровыми гранатами.

Либерман подошел к Страуту:

– Генерал, я обращаюсь к вам от имени науки. Подождите еще немного, хотя бы до того момента, как мы узнаем, о чем говорится в сообщении. Возможно, это существо...

– Уйдите с линии огня, профессор.

Страут повернулся к гражданскому спиной и поднял бинокль, чтобы посмотреть, какой эффект окажет безоткатный гранатомет.

Раздался мощный хлопок вытесненного воздуха и оглушительный грохот разорвавшегося снаряда. Страут увидел, как серый силуэт подпрыгнул и задрожала поднятая крышка. Вокруг клубилась пыль. И больше никакого результата.

– Продолжайте стрелять, Грир! – гаркнул Страут почти с ощущением триумфа. Эта штука неуязвима для артиллерии – и пусть теперь кто-то попробует сказать, что она не несет угрозы!

– Как насчет минометов, сэр? – сказал Грир. – Мы можем дать несколько залпов и выкурить тварь из гнезда.

– Хорошо, попробуйте, если крышка не закроется. А то мы до нее не доберемся.

«И я не знаю, что мы тогда станем делать, – подумал генерал. – Мы не можем уронить на нее ничего действительно серьезного, если не эвакуируем все графство».

Миномет выстрелил с глухим стуком. Страут напряженно смотрел. Пять секунд спустя корабль изверг фонтан бледно-розовых брызг. Крышка закачалась, по ее опалесцирующей поверхности потекла розоватая жидкость. Второй взрыв, потом третий. Большой фрагмент зловещей клешни повис на ветке дерева в сотне футов от корабля. Страут схватился за телефон.

– Прекратить огонь!

Либерман в ужасе смотрел на эту бойню.

Телефон зазвонил. Страут взял трубку.

– Генерал Страут слушает, – сказал он. Он навсегда покончил с этой угрозой.

– Страут, мы расшифровали сообщение! – взволнованно сообщил Маргрейв. – Просто охранять...

Страуту хотелось прервать его, доложить о своей победе, но Маргрейв продолжал бубнить:

– ...Странное сообщение, но определенная аналогия просматривается. Во всяком случае, я уверен, что переведено оно правильно. По-английски...

Страут выслушал. Аккуратно положил трубку на рычажки.

Либерман уставился на него:

– Что в нем было, в этом сообщении? Они его перевели?

Страут кивнул.

– Что в нем говорилось?

Страут откашлялся. Он повернулся и несколько секунд смотрел на Либермана, прежде чем ответить.

– В нем говорилось: «Пожалуйста, позаботьтесь о моей малышке!»

Гибрид

К. Королева

1

Глубоко в толще планеты корни, прочнее стальной проволоки, вгрызались в стеклянистый песок, торили путь сквозь плотные слои глины и пористые залежи сланца, натывались на инертные элементы и двигались дальше, разыскивая и поглощая кальций, железо, серу и азот.

Еще глубже другая корневая система цеплялась за массивную скальную породу; чувствительные «усики» отслеживали самые незначительные колебания планетной коры, ритм приливов и отливов, нарастание и таяние льдов и поступь диких тварей, что охотились в широкой, добрую милю в поперечнике, тени гигантского дерева Янда.

На поверхности, высоко вверх, вздымался громадный ствол, по виду схожий с могучим утесом, неохватный и стоящий крепко и несокрушимо; он возносился на девять сотен футов над землей, привольно раскидывая толстенные ветви.

Дерево лишь смутно ощущало шевеление воздуха, что скользил по гладкой коже его бесчисленных листьев, да испытывало порой легкую щекотку от трения молекул воды, углерода и кислорода. Оно инстинктивно реагировало на напор ветра и выворачивало ветки таким образом, чтобы каждый лист был постоянно обращен к свету, проникавшему через обширную и густую крону.

Так тянулись день за днем, год за годом. Воздух складывался в затейливые узоры, свет тускнел и оскудевал заодно с накоплением паровых масс в субстратосфере, питательные молекулы перемещались по капиллярам ствола, камни глубоко внизу терпеливо выдерживали немислимый вес... Неуязвимое в своей громадности, дерево дремало, пребывая в состоянии сонливой разумности.

Однажды, когда солнце уже клонилось к западу, его лучи, рассекавшие многослойную атмосферу, приобрели зловещий багровый оттенок. Ветки дерева шевелились, поворачиваясь вслед за светилом. По-прежнему в полусне на грани забытья дерево прятало нежные почки, оберегая от подступающего холода, регулировало собственный теплообмен, расход влаги и чувствительность к свету. В своих дремах оно видело давние события – как блуждало среди всяческого зверья, пока инстинкт не заставил пустить корни и враси в землю. Дерево-патриарх помнило, как оно почковалось, как выросли и мужали ростки...

Стемнело, задул ветер. Особенно сильный порыв налетел на громаду дерева; толстые ветви закрипели, сопротивляясь, а скукожившиеся перед заморозками листья совсем съежились и прижались к гладкой коре.

Глубоко под землей корни впились в камень, передавая стволу сигналы, которые соответствовали сведениям, что собирали листья наверху, и предрекали приближение бури. Нутро планеты вибрировало, относительная влажность росла, а давление воздуха падало.

Постепенно сложилось предвосхищение опасности. Дерево шевельнулось, по раскидистым ветвям пробежала дрожь, и наземь осыпались ледяные хрусталики, осевшие было на коре. Сознание обострилось, сонливость резко отступила. Медленно, словно с неохотой, восстановились скрытые способности. Дерево проснулось.

Оно моментально оценило ситуацию. Буря надвигалась с моря, грозя превратиться в мощный тайфун. Предпринимать какие-либо решительные меры было поздно, поэтому дерево, игнорируя боль от непривычной активности, лишь выпустило новые корни – этикие щупальца

трех дюймов в диаметре и прочные, как закаленная сталь, – чтобы надежнее вцепиться в каменную твердь в сотне ярдов к северу от основной корневой системы.

Больше ничего не оставалось. Дерево бесстрастно ожидало бурю.

2

– А внизу ураган, – сказал Мэлпри.

– Нестрашно, нас он не заденет, – не отрываясь от визора, откликнулся Голт и подкрутил окуляры.

– Ладно, давай сделаем новый заход, – кивнул Мэлпри. – Вы с Жутиком.

– Мы с Жутиком, Мэл, утомились слушать твои указания.

– Когда приземлимся, – вставил Пантейль, – я тебе это припомню, Мэл. Сколько раз говорить – терпеть не могу прозвище Жутик.

– Ты опять за свое? – укорил его Голт. – Уже все синяки прошли с прошлого раза?

– Не до конца, в космосе это небыстро.

– Тогда не рыпайся. Мэл тебе не по зубам. А ты, Мэл, кончай его дразнить.

– Я-то с ним кончу, – тихо проворчал Мэлпри. – Вырою яму и запихну туда...

– Прибереги силы для планеты, – прервал Голт. – Если снова промахнемся, все пойдет насмарку.

– Капитан, разрешите провести полевую разведку? – вызвался Пантейль. – Моя подготовка по биологии...

– Нет, ты останешься на корабле. Это не обсуждается. Будешь нас ждать. Нам не хватит сил затащить тебя обратно, если что.

– Капитан, в последний раз произошел инцидент...

– И в предпоследний тоже. Все, хватит. Ценю твой энтузиазм, Пантейль, но у тебя две левые ноги и десять больших пальцев.

– Я стараюсь исправить свою координацию движений. Капитан, я читаю...

Корабль содрогнулся, едва войдя в атмосферу планеты. Пантейль невольно вскрикнул.

– Ой, боюсь, я снова поранил левый локоть.

– Только меня кровью не залей, болван неуклюжий, – процедил Мэлпри.

– Заткнулись оба! – рыкнул Голт. – Не до вас, честное слово!

Пантейль наложил на рану носовой платок. Нужно осваивать те расслабляющие упражнения, о которых он недавно читал. И конечно, надо поскорее начинать поднимать тяжести и соблюдать диету. Тогда, если он будет осторожен, у него наверняка получится навалить Мэлпри – сразу после высадки.

3

Даже раньше, чем проявились первые признаки разрушения, дерево осознало, что проиграло эту битву надвигающемуся тайфуну. В мимолетной тишине, когда очутилось в оке бури, оно проанализировало повреждения. Никак не откликался северо-восточный участок сенсорной сети, где корни оторвало от каменной основы, и теперь только главный корень впивался в пористый массив. Хотя само дерево устояло, ведь его волокно было практически неразрушимым, камень оказался не столь прочным, и вскоре дереву Янда предстояло обрушиться под собственным колоссальным весом.

Буря продолжалась – и нанесла новый безжалостный удар, налетела с юго-запада, напала с безудержной яростью. Корни трескали и лопались, каменные глыбы стонали и выворачивались из почвы, а грохот, с которым они разламывались, терялся в завываниях ветра. Внутри ствола давление неуклонно нарастало.

В четырех сотнях футов южнее главного корня земля разошлась в трещине, которая на глазах становилась все шире. В трещину под напором ветра хлынула вода, размягчая грунт и ослабляя хватку миллионов крошечных «усиков». Вот и большие корни пришли в движение, сместились, бесцельно затрепетали...

Высоко вверху величественная крона дерева Янда поддалась – пока незаметно – неумолимому натиску ветра. Могучий северный выступ ствола, прижатый к каменной основе, издал пронзительный вопль, когда его структура начала распадаться, а потом разлетелся вдребезги с оглушительным ревом, перекрывшим даже завывания бури. Земля южнее дерева вздыбилась, вырванная освободившимися корнями, и открылся зияющий провал.

Буря унеслась дальше, засыпав окрестности многочисленными обломками и окатив дерево проливным дождем. Финальный порыв ветра встряхнул напоследок ветви Янда – и торжествующий победитель умчался прочь.

Замершее среди опустошения гигантское древнее дерево стало неотвратимо крениться к земле под аккомпанемент канонады – это хрустели, лопались и погибали его конечности; оно падало величаво, без всякой спешки, все с той же сновидческой невозмутимостью.

Сознание в древесном мозге сгнуло во вспышке непереносимой боли.

Пантейль спустился по трапу из люка и привалился к опоре, переводя дыхание. Ему казалось, что должно быть проще. Наверное, всему виной скудное питание; и надо было все-таки заняться гимнастикой с утяжелениями. Так или иначе с Мэлпри сейчас связываться не стоит. Вот когда он отдохнет, наберется сил, надышится свежим воздухом...

– Съедобно, – подтвердил Голт, вытер иглу анализатора о штанину и сунул прибор обратно в карман, после чего кинул Пантейлю два крупных красных плода. – Когда наешься, найди чистой воды и приберись внутри. А мы с Мэлпри пока осмотримся.

Товарищи ушли. Пантейль присел на мокрую траву и откусил от чужого плода, размерами наминавшего яблоко. Мякоть больше смахивала на авокадо, пахучая кожура хрустела на зубах; возможно, в ней содержался природный ацетат целлюлозы. Зерен не попадалось. Значит, это, по сути, вовсе не плод. Было бы любопытно поизучать местную флору, а по возвращении домой, на Землю, записаться на курс экзоботаники. Пожалуй, стоит отправиться в Гейдельберг или в Уппсалу, побывать на живых лекциях выдающихся ученых. Ну да, снять уютную маленькую квартирку, двух комнат вполне достаточно, в старой части города, по вечерам дискутировать с друзьями за бутылочкой вина...

Ладно, хватит фантазировать, пора браться за дело. Вон там, на склоне холма, будто бы бьет родник. Пантейль доел плод, взял ведра и отправился за водой.

4

– С какой стати нам себя изнурять? – проворчал Мэлпри.

– Нужна физическая нагрузка, – объяснил Голт. – До следующего случая четыре месяца ждать.

– Мы что, туристы, прилетевшие любоваться видами?

Мэлпри остановился и, тяжело дыша, плюхнулся на камень. Его взгляд скользнул по стенкам кратера, по переплетению корней и по спутанной массе веток и листьев рухнувшего дерева.

– Рядом с ним наши секвойи все равно что одуванчики, – заметил Голт. – Верно, буря постаралась, та самая, которая нас обошла стороной.

– И что с того?

– Такая громадина заставляет задуматься...

– А денег на ней заработать можно? – криво усмехнулся Мэлпри.

Голт посмотрел на него с осуждением:

– Эх ты, циник. Идем дальше.

– Зря мы оставили Жутика одного на корабле.
– Слушай, почему ты никак от мальчика не отвяжешься? – спросил Голт.
– Мне не нравятся придурочные.
– Не пори чушь, Мэлпри. Пантейль умен, просто он... своеобразный. Может, ты это ему прощать не хочешь?

– У меня от него мурашки.
– Нормальный парень, всегда рвется помогать...
– Ну да, – построил мину Мэлпри. – Рваться-то он рвется, но не особо...

Оглушенное падением сознание дерева постепенно восстанавливалось. Случайные сигналы все чаще прорывались сквозь какофонию призрачных импульсов от искаженных датчиков...

Давление на нуле... Давление сто двенадцать и растет... Давление отрицательное...

Колебания исходят от... исходят от...

Температура сто семьдесят один градус... Температура минус сорок градусов... Температура двадцать шесть градусов...

Сильное излучение в синем диапазоне... в красном диапазоне... в ультрафиолете...

Относительная влажность максимальна... ветер северо-восточный, скорость не определяется... ветер вертикальный, скорость не определяется... ветер с востока и запада...

Наконец древесный мозг решительно отключил все сбесившиеся нервные окончания и сузил восприятие до анализа общей ситуации. Короткой проверки оказалось достаточно, чтобы оценить степень повреждений.

Дерево отнюдь не стремилось к продолжению личного существования. Но требовалось предпринять некоторые срочные меры для распространения спор в чрезвычайных условиях, поэтому древесный мозг мгновенно перешел в режим выживания. Капилляры расширились, целенаправленно гоня жизненные соки к мозгу. Синапсы запульсировали, стимулируя нейронную деятельность. Сознание мало-помалу распространялось по системе основных нейроволокон, которые затем распределяли его крупницы по индивидуальным участкам через соединительные сосуды.

Вот турбулентия молекул воздуха вокруг поврежденных тканей; вон волновая структура света, падающего на открытые поверхности. Микроскопические фрагменты стягивались, предотвращая обезвоживание гигантского израненного организма.

Древесный мозг сосредоточился, принялся сканировать невероятно сложную клеточную структуру. Там, среди общей сумятицы, обнаружилась упорядоченность – в бесконечном и неустанном перемещении частиц, в токе жидкостей, в затаенных изгибах альфа-спирали. Древесный мозг аккуратно перестроил эту функциональную мозаику, чтобы приступить к порождению спор.

Мэлпри вдруг остановился и заслонил глаза рукой от света. В тени ветвей, на склоне холма, виднелась стройная человеческая фигура.

– Похоже, мы повернули обратно вовремя, – проговорил он.

– Черт! – Голт ускорил шаг, а Пантейль спустился им навстречу. – Я же велел тебе оставаться на корабле.

– Я все сделал, капитан. Вы ведь не сказали...

– Ладно, понял. Неприятности были?

– Нет, сэр, но я кое-что вспомнил...

– Позже, Пантейль. Давай сначала вернемся на корабль. У нас полно работы.

– Капитан, вам известно, что это такое? – взмахом руки Пантейль указал на поваленное дерево.

– Еще бы – это дерево. – Голт покосился на Мэлпри. – Идем...

– Конечно дерево, но какой именно породы?

– Я что, похож на ботаника?

– Капитан, это очень редкая порода. Вообще-то, считается, что такие деревья вымерли. Вы когда-нибудь слышали о Янда?

– Нет... Хотя да. – Голт пристально посмотрел на Пантейля. – Хочешь сказать, это оно?

– Я уверен, сэр. Это очень ценное дерево, капитан.

– Деньжат срубить можно? – Мэлпри бросил взгляд на Голта.

– Не знаю. Что в нем особенного, Пантейль?

– Это раса разумных деревьев. Юные Янда – животные, бродят и охотятся, потом они пускают корни, вырастают в почву и становятся деревьями. Очередной способ природы обеспечить конкуренцию в естественном отборе, а дальше сознательный выбор места обитания.

– Как нам на нем заработать?

Пантейль посмотрел на огромный ствол, сотню или даже две сотни футов в диаметре, на скопище переломанных и скрученных ветвей. Кора выглядела гладкой и почти черной. Листья, каждый около фута в поперечнике, отливали разными цветами.

– Это великое дерево... – начал Пантейль, явно собираясь произнести прочувствованную речь.

Мэлпри нагнулся и подобрал обломок треснувшего корня.

– Отличная деревяшка, – проворчал он, – как раз подойдет вышибить тебе мозги.

– Заткнись, Мэлпри! – велел Голт.

– Думаю, оно бродило по планете десять тысяч лет назад, когда еще было животным, – поведал Пантейль. – Инстинкт привел его сюда, чтобы оно могло завершить природный цикл. Только представьте, как это древнее создание ступает по земле, как оно прощается с прежним миром накануне своего превращения...

– Бред! – фыркнул Мэлпри.

– Ему была уготована участь всех особей мужского пола в их роду, проживших достаточно долго, – враспи в какую-либо вершину и вспоминать на протяжении мириад лет краткую славу юных дней. Он превратился в памятник самому себе.

– Откуда ты набрался этой белиберды? – язвительно осведомился Мэлпри.

– Здесь его место, – закончил Пантейль. – Здесь ему суждено умереть.

– Так, хорошо, – поморщился Голт. – Очень трогательно. Ты упомянул, что это ценная порода...

– Капитан, это дерево еще живо, оно еще не умерло. И даже когда сердцевина отомрет, оно продолжит жить. Новые побеги прорвут кору, причем это будут безмозглые твари, никак не связанные с древним мозгом; они паразиты, пожирающие труп, сходные с теми животными, к числу которых когда-то принадлежал и этот великан. Мы наблюдаем закат миллионов лет эволюции...

– Ближе к делу, Пантейль.

– Мы можем вырезать сердцевину дерева. У меня есть книга, там описаны подробности анатомии Янда. Главное – сохранить ткани живыми. Когда вернемся домой, мы попробуем возродить дерево заодно с мозгом. Правда, это будет небыстро.

– А если продать древесину?

– Разумеется, любой университет хорошо заплатит...

– Долго возиться?

– Вряд ли. Если пустить в ход бластеры с узкой апертурой...

– Ясно. Тащи свою книгу, Пантейль. Попробуем разжиться товаром.

По всей видимости, отметил мозг Янда, прошло очень много времени с того момента, когда порождение спор было стимулировано близостью носителя. Погруженное в свои интровертные грезы, дерево не обращало сознательного внимания на разрыв призрачного контакта со спорами и на уход новых носителей. Но теперь оно усилием воли оживило накопленные

впечатления. Было понятно, что никакой самки ожидать не приходится. Раса Янда погибла. Лихорадочный инстинкт пробудил к жизни механизмы порождения спор в чрезвычайной ситуации – но этот позыв оказался тщетным. Совокупность заново отрощенных зрительных органов оглядела приземистые джунгли (глаза еще не подстроились, поэтому изображение вышло расфокусированным). Бесчисленные нервные окончания, ждавшие контакта, бездействовали, хватательные конечности, готовые подтащить ближе очередного носителя, бессильно обвисли, а семенные мешочки опустели понапрасну. Сделано все возможное – зря, и теперь остается лишь ждать смерти.

Послышался отдаленный рокот, по громадному стволу прокатилась судорога. Рокот стих, повторился снова и уже не смолкал. Это ничего не значило, но дереву вдруг стало любопытно, и оно выпустило чувствительный отросток.

Боль! Агония!

Перепуганный древесный мозг поспешил разорвать связь. Ощущение повсеместного разрушения, невозможная термическая активность...

Древесный мозг в смятении осмыслял причины обжигающей боли. Это сигнал от поврежденных органов? Или отзвук страдания уничтоженных нервных окончаний?

Нет. Контакт был травмирующим, но данные сохранились. Древесный мозг изучил все синаптические вибрации, чтобы реконструировать пережитое. В следующее мгновение пришло понимание: это огонь глубоко проник в тело Янда.

Дерево торопливо переместило несгораемые молекулы, преграждая путь огню, и затаилось. Пламя достигло барьера, помедлило – и преграда испарилась радужным облаком.

Нужен барьер плотнее.

Дерево направило на эту задачу все силы, какими располагало. Щит разрастался, реагируя на скорость проникновения пламени, изгибался и утолщался, отражая угрозу...

Не удалось. Усилие требовало изрядного количества энергии. Дерево обреченно расслабило напряженные мышцы. Мозг погрузился в черноту беспомощности.

Прошло какое-то время. Осознание вернулось. Теперь огню ничто не препятствует. Скоро он преодолит последние защитные барьеры и подступит к самой сердцевине, к самому мозгу. Ему никак не помешать. Досадно, ведь порождение спор не закончено.

Дерево смиренно ожидало гибели в пламени.

Опустив бластер, Пантейль сел на траву и вытер пот с запачканного сажей лица.

– Что их погубило? – внезапно поинтересовался Мэлпри.

Пантейль внимательно посмотрел на него:

– Браконьеры.

– В смысле?

– Янда убивали, чтобы получить их споры. Конечно, вслух говорили, что Янда угрожают людям, но на самом деле все просто охотились за драгом.

– А попроще никак?

– Мэлпри, я уже говорил, что ты мне не нравишься?

Тот сплюнул:

– Какой еще драг?

– У Янда крайне необычный репродуктивный цикл. При опасности мужское дерево выбрасывает споры, которые проникают едва ли не в любое теплокровное существо поблизости и остаются спать в его организме на бесконечно долгий срок. Когда животное-носитель взрослеет, спящие споры пробуждаются. Со стороны изменений незаметно; вообще-то, споры даже исцеляют носителя, избавляют от увечий и побеждают болезни, а также увеличивают срок жизни. Но постепенно начинается превращение, существо выпускает корни и в конце концов становится мужским деревом Янда – а не умирает, как должно было бы произойти.

– Опять ахинея! Что такое драг?

– Дерево выпускает усыпляющий газ. В концентрированной форме это сильный наркотик, который и называют дран. Деревья убивали ради него – под предлогом того, что Янда, мол, способны заставить людей порождать чудовищ. Ерунда, конечно, зато драном торгуют на черном рынке по бешеной цене.

– Как добыть этот дран?

Пантейль уставился на Мэлпри:

– Что ты хочешь знать?

Мэлпри ткнул пальцем в книгу, что валялась в траве:

– Там же все сказано?

– Забудь. Голт велел тебе помогать мне с сердцевиной.

– Он же не знал о дрane.

– Если добыть дран, дерево погибнет. Нельзя...

Мэлпри шагнул вперед. Пантейль кинулся ему навстречу, замахнулся, но не попал.

– Не трогай меня, Жутик. – Мэлпри с ухмылкой оттолкнул юношу, снова сплюнул и вытер ладонь о штанину.

Пантейль упал ничком. Мэлпри поднял книгу, быстро перелистал и нашел то, что требовалось. Десять минут спустя он отшвырнул книгу, взял бластер и направился к макушке дерева.

Браня жару, Мэлпри вытер пот с лица. Какое-то насекомое-многоножка метнулось прочь, под подошвой башмака что-то хрустнуло. Одно хорошо – в этом треклятом лесу нет животных крупнее мыши. До чего же поганое местечко! Надо проверить, помнит ли он дорогу, а то не хватало еще заблудиться.

Бархатистая поверхность ствола предстала перед ним, когда плотная растительность внезапно расступилась. Мэлпри остановился, переводя дух. Достал насквозь мокрый носовой платок, окинул взглядом могучий ствол. Сквозь кору мертвого дерева пробилось множество свежих побегов, а неподалеку виднелись какие-то другие растения, похожие на черные водоросли, болтались обрезанными веревками, свешивались почти до земли...

Мэлпри оскалил зубы и попятился. Бр-р, противно-то как! Нет, он не брезглив, но...

Что-то бросилось ему в глаза, и он замер. Может, вот это он ищет? Точно, как на картинках в той книжке. Отсюда берется дран. Но никто не предупреждал, что надо будет...

– Стой, Мэлпри! – крикнул Пантейль, совсем близко.

Мэлпри резко обернулся.

– Не дури... – выдавил Пантейль, восстанавливая дыхание; на его скуле лиловел синяк. – Сейчас... Нам надо поговорить...

– Да сдохни ты, наконец, урод! Отдыхай сколько влезет, только мне не мешай!

Мэлпри снова повернулся к дереву и достал из кобуры бластер.

Пантейль подобрал с земли ветку и ударил ею Мэлпри по голове. Ветка разломилась надвое. Мэлпри пошатнулся, но устоял на ногах. Его лицо побагровело от ярости, по щеке змеилась кровавая струйка.

– Ты сам напросился, Жутик, – процедил он.

Пантейль кинулся к нему, неуклюже замахнулся правой. Мэлпри пригнулся, пропуская удар, но локоть Пантейля угодил ему прямоком по челюсти. Его глаза остекленели, он обмяк и рухнул на траву. Пантейль громко расхохотался.

Мэлпри потряс головой, приходя в себя, и кое-как поднялся. Пантейль примерился и вмазал ему от души по скуле. Показалось, что этот удар окончательно привел Мэлпри в чувство. Он уклонился от очередного замаха противника и сам влепил Пантейлю сокрушительный в подбородок. Юноша повалился навзничь, а Мэлпри лупил его, пока тот не перестал шевелиться.

Тогда Мэлпри выпрямился и потер скулу. Ткнул Пантейля ногой. Сдох или нет? Тварь такая, посмел поднять руку на Мэлпри! Голту это не понравится, но Жутик сам виноват. Под-

крался, напал со спины. Вон шишка на затылке. Так или иначе, Голт все забудет, когда узнает насчет драна. Надо, пожалуй, его позвать – вдвоем они заберут дран и умотают с этой гнусной планетки. А Жутик пусть валяется.

Мэлпри направился к кораблю, оставив Пантейля у ствола рухнувшего дерева.

Своими наружными зрительными органами Янда осмотрел упавшее существо, которое, совершенно очевидно, погрузилось в спячку. Нечто алое сочилось из отверстий в верхней части его тела и проступало из-под поврежденного эпидермиса. Какое странное существо, отдаленно схожее с привычными носителями. Его облик – и облик того, кто ушел, – выглядели любопытно. Возможно, это самец и самка, а их встреча означала спаривание. Возможно, гиббернация – естественный процесс, подготовка к порождению побегов. Не будь существо таким чуждым, оно могло бы послужить носителем...

Поверхность тела существа приподнялась, конечность шевельнулась. По всей видимости, оно скоро очнется. А потом уйдет и больше не вернется. Следовательно, полезно провести быструю проверку, годится ли существо в носители.

Дерево выпустило несколько крошечных отростков, осторожно прикоснулось к лежавшему на земле телу, прокололо удивительно тонкую наружную оболочку, выискивая нервные окончания. Потекли чужие, неразборчивые ощущения. Дерево отрастило большой чувствительный побег, поделило его на волокна всего по горстке атомов в диаметре и внедрило в тело; волокна скользнули вдоль позвоночника и проникли в мозг.

Какое поразительное разнообразие, какое невероятное богатство соединений! Явно это центр, способный на высшую интеллектуальную деятельность, чего были лишены привычные носители. Заинтригованный, древесный разум удвоил усилия, подстраиваясь, изучая калейдоскоп впечатлений и позабытых воспоминаний, осознавая символы и погружаясь все глубже.

Никогда прежде разум Янда не сталкивался с подобными гиперинтеллектуальными процессами. Погружение продолжалось, и началась фантазмагория сновидений.

Цвет, смех, бряцание оружием... Знамена в солнечном свете, отзвуки далекой музыки, ночные растения... Абстракции невыразимой красоты и чрезвычайно яркие предметные образы... Зачарованный, древесный разум исследовал романтические фантазии Пантейля о жизненных достижениях...

Внезапно перед ним возник чуждый разум.

На краткий миг оба разума словно застыли, оценивая друг друга.

– Ты умираешь, – сказал чужой.

– Верно. А ты попал в ловушку тела-носителя. Зачем тебе это хлипкое тело? Почему ты не ищешь кого-то сильнее?

– Я... таким родился. Мы с ним одно целое.

– Тогда почему ты не сделаешь его сильнее?

– Как?

Разум Янда помедлил с ответом.

– Ты занимаешь лишь малую часть мозга. И не используешь свои возможности.

– Часть... – Чужой разум как будто смутился и растерялся. – Мною руководит иное сознание, сознание-монитор, для которого я – бессознательное.

– Что такое «сознание-монитор»?

– Совокупность личного. Оно выше обычного сознания и управляет...

– Этот мозг могуч, но большинство его клеток не используется. Почему ты не питаешь свой ствол?

– Не знаю.

На иной ответ рассчитывать не приходилось. Это и вправду был чуждый разум, вместилище иного, даже враждебного сознания.

Разум Янда разорвал контакт. Поискал еще.

На него обрушилась чужая мысленная сила. Разум Янда отступил в страхе перед таким бурным и неумолимым натиском.

– Ты не часть меня, – произнесла эта сила.

– Ты – сознание-монитор? – уточнил разум Янда.

– Да. А что такое ты?

Разум Янда спроецировал представление о себе.

– Странно, очень странно. У тебя есть полезные навыки. Обучи меня, – откликнулось сознание.

Разум Янда затопила волна мысленных импульсов.

– Думай чуть тише, – услышал он. – Иначе ты разрушишь меня.

– Постараюсь. Научи меня манипулировать молекулами.

Разум Янда изнемогал под тяжестью воздействия чужого сознания. Какой великолепный инструмент! Какая фантастическая аномалия – мозг в хрупком и слабом теле! Мозг, неспособный осознать собственные возможности. Будет очень и очень просто внести необходимые исправления, перестроить и укрепить носителя, устранить дефекты...

– Научи меня, разум Янда!

– Чужак, я скоро умру, – поведал Янда. – Но я обучу тебя. При одном условии...

Два разума обсудили условия и пришли к соглашению. Сразу же разум Янда приступил к требуемой перестройке организма на субмолекулярном уровне.

Сначала регенерация клеток, ликвидация открытых ран на руке и на голове. Множественное изменение антител, наполнение организма, уничтожение паразитов.

– Поддерживай этот процесс, – велел древесный разум.

Затем мышцы, неподходящие для решения задачи. Сама структура клеток никуда не годится. Разум Янда определил нужные изменения и улучшения, вскрыл свое тело, извлек материалы, которые могли понадобиться, укрепил мускулатуру носителя. Теперь скелет...

Дерево нарисовало мысленную картину костяка носителя. Возможно, следует заменить эту непрактичную схему конечностей отростками...

Нет времени. Придется сохранить все как есть, только усилить кости посредством металло-растительных волокон. Как и воздушные мешки. В своем прежнем виде они бесполезны.

– Смотри, чужак, вот так и так...

– Вижу. Хитро придумано.

Дерево Янда трудилось над телом Пантейля, регулируя, исправляя, укрепляя, удаляя лишнее – вроде аппендикса, добавляя полезное – вроде увеличенного объема воздушных мешков. Рудиментарный орган в мозге носителя настроили на восприятие радиочастот, позвоночник надлежащим образом укрепили в основании, появились дополнительные брыжейки для удерживания кишечника. Следуя образцу, заложенному в генах, древесный разум менял чужое тело.

Когда процесс завершился и чужой разум воспринял все продемонстрированные процедуры, разум Янда объявил после паузы:

– Все готово.

– Вижу. Передаю управление сознанию.

– Помни свое обещание.

– Я буду помнить.

Разум Янда начал ослаблять контакт. Инстинкт удалось удовлетворить. Теперь можно отдыхать и встречать смерть.

– Подожди, Янда, у меня есть идея получше...

– Две недели прошли, четырнадцать осталось, – сказал Голт. – Почему бы тебе не расколоться? Что там произошло на самом деле?

- Как Мэлпри? – спросил в ответ Пантейль.
- Поправляется. Сломанные кости срастутся, да ты и не все ему переломал.
- Книга наврала насчет спор Янда, – объяснил Пантейль. – Они сами по себе не могут восстановить носителя...
- Чего-чего?
- Ну, зараженное существо. Да, здоровье носителя улучшается, а срок его жизни увеличивается. Но все делает дерево в момент порождения спор – ради того, чтобы они могли прорасти.
- Хочешь сказать...
- Мы заключили сделку. Янда одарил меня этим. – Пантейль надавил пальцем на стальную переборку, и та прогнулась. – И еще кое-чему научил. А я принял в себя его споры.
- Голт отодвинулся:
- Ты так спокойно об этом говоришь, хотя впустил паразитов...
- Это честная сделка. Споры совсем крошечные, и они будут спать, пока не сложатся подходящие условия.
- Но ты сам сказал, что этот древесный разум влез тебе в голову.
- Он просто стер все травматические переживания, подправил недостатки и научил, как пользоваться возможностями.
- А меня научишь?
- Извини, Голт, – покачал головой Пантейль, – это невозможно.
- Голт призадумался.
- Говоришь, споры ждут подходящих условий? – спросил он вдруг. – Выходит, однажды утром ты рискуешь проснуться с ветками, торчащими из твоего тела?
- Пантейль откашлялся:
- Ну, мы же заключили сделку. Носитель передает споры посредством обычного спаривания. Его отпрыски получают отменное здоровье и долголетие, а только потом происходит метаморфоза. Не так уж плохо прожить сто лет, затем подыскать местечко, где тыпустишь корни, и дальше наблюдать за ходом времени.
- Голт что-то прикинул.
- Человеку надоедает однообразие, – сказал он, – но я знаю отличное место, откуда шикарный вид на Тихий океан.
- Я пообещал вести бурную жизнь, – признался Пантейль, – и приложу все силы к тому, чтобы сдержать обещание.
- «Ты слышал, Янда?» – спросил он мысленно.
- Слышал, – донесся ответ из того уголка его сознания, прежде пустовавшего, которое теперь занимал древесный разум. – Следующая тысяча лет определенно будет крайне интересной.

Кокон

Перевод Э. Несимовой

Сид Трондайк испустил глубокий вздох, преодолевая давление респиратора.

– Ну и ну, – сказал он, переключаясь на персональный канал своей жены. – Нелегкий выдался денек на канале Офиса.

Контактные экраны, прикрепленные к его глазным яблокам, остались пустыми – Кластер не отвечала. Сид потыкал пальцем ноги в консоль, переключая каналы: Легкий, Средний и Глубокий Ситком, Автогипноз, Легкий и Глубокий Нарко, Социовечеринка 4, 6 и 80, и, наконец, раздраженно ворча, нажал Псих-кан. На его экранах появился идентификационный символ Кластер.

– Вот ты где, – пожаловался он. – Снова на Псих-кане. Могла бы подключиться к моему каналу. Кажется, я имею право ожидать этого после трудового дня.

– Ой, Сид, там этот замечательный аналитик. Новая модель. Мне так помогает, просто потрясающе...

– Знаю, – буркнул Сид. –оргазмоассоциативная терапия. Все время только об этом и слышу. Я-то думал, ты следишь за Ситками и знаешь, что там делается, но ты, похоже, весь день торчала на Псих-кане, пока я выжигал себе мозг в Офисе.

– Да ладно тебе, Сид, я же запрограммировала твой ужин.

– Гм! – Смягчившись, Сид надавил языком на рычаг подачи ужина, обхватил губами гибкую пластиковую трубку и втянул в рот пригоршню мягкой пасты. – Кластер! Ты же знаешь, что я терпеть не могу Вег-кашу! Могла бы набрать вкусный Проте-син или Сахаро-мес.

– Сид, ты должен подписаться на Псих-кан. Это пошло бы тебе на пользу... – Вибрация ее голосовых связок стихла в наушниках.

Сид фыркнул, набрал двойной Проте-сим *плюс* Сахаро-мес, злясь на задержку, и проглотил ужин, даже не заметив густой, клейкой консистенции продукта. Настроение немного улучшилось, и он переключился на Легкий Ситком.

В принципе, неплохая штука, отметил он про себя снисходительно. Муж – натуральный психопат и ничтожество – добился для своей семьи роскошной жизни благодаря череде фантастических случайностей. Смешно было, когда его попытка самоубийства провалилась в последний момент, после того как он потерял столько крови. Ну и рожа была у этого типа, когда его вытащили обратно...

Но почему-то Легкого Ситкома оказалось недостаточно. Сид набрал Средний – немногим лучше. Может, стоило попробовать Глубокий...

Сид наблюдал за действием, нетерпение его нарастало. Конечно, надо было отдать должное авторам – штука сочная. В истории про то, как жена добралась до накоплений мужа и спустила их на путешествие для своей чихуа-хуа, присутствовал глубокий социальный подтекст, непонятный для большинства людей. Но, как и все остальные ситкомы, этот был историческим. Слов нет, на старинном материале можно соорудить более динамичный сюжет. Но как насчет чего-нибудь более современного? Конечно, в наши дни люди живут полной, насыщенной жизнью, создаваемой «Жизненным программированием», однако чего-то не хватает. Возможно, сохраняется атавистическая потребность в вульгарном мышечном усилии. Несколько дней назад он наблюдал дискуссию по этому поводу на регулярной мужской Вечеринке-4 по средам. Впрочем, его-то мышцы в хорошем тонусе – он частенько пользуется приложением «Микроспазм» на канале Нарко...

Кстати, вот еще мысль. Обычно Сиду не нравился Нарко – слишком синтетический, как он объяснил парням. Они явно не пришли в восторг от этого замечания. Небось, все фанаты Нарко. Но какого черта, мужчина имеет право почувствовать себя белой вороной.

Он переключился на Нарко. Там крутили традиционную сексуальную историю: знакомый невзрачный герой систематически давал отпор поползновениям девиц, ищущих сношения. Снято было очень красиво, динамично и бойко, но, как и в ситкоммах, действие происходило на фоне невозможных исторических декораций. Недовольно вибрируя голосовыми связками, Сид переключился на следующий канал. Тьфу ты, ненамного лучше оргазмоассоциативного лечения, на которое подседа Кластер.

На экранах Сида вспыхнул стилизованный символ ведущего с канала Общ-инфо, подрагивавший в такт безличному голосу официального диктора:

– ...Причин для беспокойства. ЦентрПрог оповещает, что вернет контроль в течение часа. Вследствие колебаний могут возникнуть некоторые проблемы в секторах к северу от Гражданского центра, но в ближайшее время все восстановится. А теперь несколько слов о ситуации с питанием.

Зазвучал другой голос – вкрадчивый, киселеобразный:

– Слушайте, народ, а вы не думали переключиться на Вег-кашу? Теперь со множеством богатых вкусов! Конечно, она так же питательна, каждый большой глоток просто ломится от молекул – ваш метаболизм будет крутиться в темпе самых веселых ситкоммов, нарко- и социо-каналов! С завтрашнего дня, уже при Первой кормежке, у вас появится возможность, которой вы давно ждали, – попробовать Вег-кашу. Прежняя еда, вроде Проте-сина и Сахаро-меса, конечно, тоже будет доступна в исключительных случаях. А теперь...

– Это что еще такое?! – провибрировал Сид, прокрутил назад, прослушал еще раз. Потом гневно надавил носком на кнопку, переключаясь на монитор Псих-кана.

– Кластер! – рявкнул он, заведя опознавательный символ жены. – Ты слышала этот бред? Какой-то чертов идиот на Общ-инфо несет чушь насчет Вег-каши для всех! Клянусь богом, это свободная страна. Хотел бы я посмотреть на того, кто попытается...

– Сид! – взмолилась Кластер слабым голосом. – П-п-прошу тебя, С-с-сид...

– Проклятье, Кластер! – Сид умолк, закашлялся, сглотнул. В горле у него горело. Он так разволновался, что заговорил вслух, голосом. Осознание этого уладило его. Нужно успокоиться. Он повел себя как животное... – Кластер, дорогая. Пожалуйста, прерви свое лечение, нам нужно поговорить. Сейчас. Это важно.

Неловко выйдет, если она и сейчас не переключится на его канал...

– Да, Сид, – с едва заметным раздражением откликнулась Кластер. Сид чуть не заподозрил, что она тоже говорит вслух.

– Я тут слушал Общ-инфо, – начал он, понимая, как солидно это звучит. Он вам не какой-то Наркозависимый, он взрослый зритель серьезного канала, Общ-инфо. – Там какой-то бред насчет отмены Проте-сина. В жизни не слышал подобной чепухи. Слышала что-нибудь об этом?

– Нет, Сид. Ты ведь знаешь, я никогда...

– Знаю! Но я подумал, вдруг ты что-нибудь слышала...

– Сид, я весь день на лечении, отвлеклась лишь ненадолго, когда программировала тебе ужин.

– Они сказали, что Проте-син можно будет получить в исключительных случаях! Что бы это значило? Ну как так, я Проте-синист уже много лет...

– Может, это и к лучшему, Сид. Что-то новое...

– Новое? Ради всего святого, зачем мне что-то новое? У меня комфортный распорядок, сбалансированный, творческий. И я не желаю, чтобы болваны из правительства диктовали, чем мне питаться.

– Но Вег-син может оказаться полезным. Укрепляет телосложение или что-то в этом роде.

– Укрепляет телосложение? Ты о чем вообще? Я регулярно смотрю спортивные программы. И ты разве забыла про мое приложение «Микроспазм»? Ха! Я очень забочусь о своей физической форме, если уж на то пошло.

– Знаю, Сид. Я не то имела в виду... Я только хотела сказать – может, небольшое разнообразие...

Сид умолк, призадумавшись. Разнообразие. Хм. А в этом что-то есть. Вдруг он начал слегка заикливаться на одном и том же?

– Кластер, – сказал он неожиданно. – Такая вот смешная мысль... Я как-то прекратил контакты. Не подумай, я не имею в виду серьезные авантюры. Черт, я почти никогда не подключаюсь к Нарко или автогипнозу, если уж на то пошло. Я в том смысле, что, вообще-то, мне кажется, много времени прошло с тех пор, как мы, ну, знаешь, отказались от физических прикосновений.

– Сид! Если ты намерен и дальше вести себя неприлично, я переключусь на свой Псих-кан.

– Я не хотел переходить на личности, Кластер. Просто подумал... Сколько времени прошло после первого нашего контракта с ЦентрПрогом?

– А что? Понятия не имею. Это было так давно. Какая разница? Господи, Сид, сегодняшняя жизнь так полна, так насыщена...

– Не пойми меня неправильно. Я не собираюсь что-нибудь менять или совершать идиотские поступки. Просто размышляю, знаешь ли.

– Бедный Сид. Если бы ты мог проводить больше времени на потрясающих каналах вроде Псих-кана, а не тратить время на скучный старый Офис...

Сид хохотнул при помощи связок.

– Кластер, мужчине надо стремиться к успеху, и эту возможность ему дает работа. Если бы я расслаблялся на Ситкомах, и ничего больше, то не чувствовал бы себя счастливым. К тому же Индексирование – очень важное дело. Если все, кто занимается этим, уволятся, где окажется ЦентрПрог? А?

– Я об этом не задумывалась, Сид. Наверное, это важно.

– Черт возьми, детка, верно! Еще не построен компьютер, который справился бы с Индексированием, а также Оцениванием, Суждением и Критикой. Пройдет немало времени, прежде чем компьютер сможет заменить человека.

Сид снова хохотнул: Кластер частенько рассуждает как ребенок.

И все-таки давно это было. Забавно: так мало думаешь о времени, когда твоей жизнью управляет «Жизненное программирование». Программа настолько насыщена, что грезить о прошлом просто некогда. Тебя выдергивает Сон-стим, ты торопливо завтракаешь (Вег-каша, ха! Это мы еще посмотрим!), потом подключаешься к каналу Офиса. Все это держит тебя в тонусе, пока не приходит время отдыха. Потом ужин с Кластер и сразу же – вечерний раунд Ситкомов, Социо или Нарко, все, что пожелаешь.

Но как давно это было? Без сомнений, очень давно. Если измерять, скажем, в годах, как некогда делали люди.

Годы и годы. Да, ей-богу. Годы и годы.

Внезапно Сид ощутил дискомфорт. Как давно это было? Ему исполнилось примерно двадцать восемь лет – слова с трудом приходили на ум, – да, двадцать восемь, когда он впервые встретил Кластер. Потом наступила их первая годовщина – дикие времена, которые они проводили с друзьями у телевизора. А потом предложили «Жизненное программирование». Они с Кластер оказались среди первых подписавшихся.

Господи, как же давно это было! Телевизор. Представить только: ты сидишь. От этого образа – ты торчишь на жестком стуле, а вокруг открытое пространство – Сид передернуло. И разные люди поблизости – лица прямо перед тобой и все такое. Таращишься на экранчик размером не больше пяти квадратных футов. Как, ради всего святого, люди это терпели?! Впрочем, они не знали ничего другого и привыкли. Человек ко всему приспосабливается. Людям приходилось выживать в таких примитивных условиях. Надо отдать должное старшему поко-

лению. Сиду и Кластер повезло жить во времена, когда появилось «Жизненное программирование». Им на собственном веку довелось почувствовать разницу. А вот те, кто помоложе...

– Сид, – жалобно позвала Кластер, прерывая ход его мыслей. – Теперь я могу вернуться к лечению?

Сид в раздражении отключился. Его проблемы не интересовали жену. Она настолько погрязла в Псих-кане, что вряд ли могла осмысленно обсуждать ситкомы. Ну и ладно. Сид Трондайт не из тех, кто позволяет собой помыкать. Он ткнул в кнопку коммуникатора, назвал номер. Ответил оператор.

– Мне нужен офис Общ-инфо, – сказал Сид.

На мгновение повисла пауза.

– Номер недоступен, – ответил записанный голос.

– Какого черта?! Я хочу с ними поговорить! Что это за ерунда насчет прекращения выдачи Проте-сина?

– Эта информация недоступна.

– Послушайте, – настаивал Сид, прилагая усилия, чтобы успокоиться. – Я хочу поговорить с кем-нибудь из Общ-инфо...

– Сейчас линия доступна.

На экранах появился незнакомый опознавательный символ.

– Я хотел бы выяснить насчет этой истории с едой... – начал Сид.

– Это временная мера, – ответил измученный голос. – Из-за чрезвычайных обстоятельств.

– Что за чрезвычайные обстоятельства? – Сид воинственно уставился на символ. Тот едва заметно всколыхнулся. Мгновение спустя сквозь прилежавший к телу пластиковый кокон Сид явственно ощутил встряску.

– Что... – ахнул он, – что это было?

– Причин для беспокойства нет, – сказал голос Общ-инфо. – Вас полностью проинформируют по обычным...

Тряхнуло еще раз. Сид снова ахнул:

– Какого дьявола?..

Символ Общ-инфо исчез. Сид моргнул и переключился на канал монитора. Он должен с кем-нибудь поговорить. Если опять позвонить Кластер, та взбесится, но...

– Сид! – В слуховые каналы Сиды ворвался резкий вопль жены.

«Вот сейчас точно кричит вслух», – подумал он ошарашенно.

– Они вломились ко мне! – заорала Кластер. – Когда я почти дошла до кульминации...

– Кто? – требовательно спросил Сид. – Что там происходит? Что ты несешь?

– Ни опознавательного символа, ничего, – взывала Кластер. – Сид, там было л-л-лицо.

– Чего? – Сид моргнул. Никогда раньше он не слышал, чтобы Кластер произносила бранные слова. Случилось что-то серьезное. – Успокойся, – проговорил он. – А теперь скажи мне, что именно произошло.

– Я же сказала: л-л-лицо. Это было ужасно, Сид. На Псих-кане. И он кричал.

– Что кричал?

– Не знаю я. Что-то вроде «валите отсюда». Ох, Сид, меня никогда так не унижали...

– Послушай, Кластер... – сказал Сид. – Переключись на какой-нибудь приятный Нарко, отдохни. Я с этим разберусь.

– Лицо, – всхлинула Кластер. – Огромное, мерзкое, *волосатое* лицо...

– Довольно! – рывкнул Сид и отключил символ жены, нетерпеливо ткнув пальцем. Женщины иногда сыпят ругательствами, словно наслаждаются этим.

И что теперь? Он еще не разобрался с проблемой Вег-каши, а тут такое – почтенную замужнюю даму оскорбили в ее собственном коконе. Мир катится ко всем чертям. Но это мы еще посмотрим. Решительно дернув стопой, Сид переключился на Полицейский канал.

– Я хочу сообщить о преступлении.

Опознавательный символ полиции внезапно исчез. А потом появилось лицо.

Сид хватанул воздуха, выпав из ритма респиратора. Это был не Полицейский канал. Лицо с шевелящимся ртом уставилось на него. Бледная физиономия, заросшие бородой впалые щеки, провалившиеся губы над беззубыми деснами. На середине предложения включился звук:

– ...Предупредить вас. Вы должны выслушать, идиоты вы этикие! Вы все умрете. Он уже у северной границы города. Большая барьерная стена еще держится, но...

Экран замигал, появился символ полиции.

– Предшествующее вмешательство – результат обстоятельств, не контролируемых ЦентрПрогом, – мягко произнес записанный голос. – Стандартное обслуживание вскоре будет восстановлено.

– Полиция! – завопил Сид. Вслух, будь все проклято! Он – достойный гражданин, и его терпение не безгранично.

Экран снова моргнул, символ полиции исчез. Сид задержал дыхание...

Появилось лицо. Другое, Сид был в этом уверен. Более волосатое, щеки не такие впалые. Он в ошарашенности наблюдал за тем, как открывается рот...

– Слушайте, – произнес хриплый голос. – Слушайте все. Надеюсь, на этот раз охвачены все каналы. Это наша последняя попытка. Нас лишь несколько человек. Проникнуть сюда было нелегко, а времени уже не осталось. Действовать надо быстро! – Голос умолк, человек на экране издал хриплый вздох и сглотнул. Потом продолжил: – На нас надвигается глыба льда, огромный ледник. С ужасающей скоростью. Стены не выдержат. Он либо сотрет город с лица земли, либо похоронит его. В любом случае все, кто останется, погибнут. Послушайте! Будет трудно, но вы должны попытаться. Не идите вниз, там все занесено снегом, вы не выберетесь. Поднимайтесь наверх, на крыши. Это ваш единственный шанс: идти вверх.

Картинка на контактных экранах Сиды бешено задрожала и погасла. Мгновение спустя он снова ощутил встряску – на этот раз более сильную. Казалось, кокон давит на него. На секунду он почувствовал покалывание в сотнях крохотных контактов, вживленных в кожу, сотнях крохотных проводников, пронизывавших нервные волокна...

Накатила удушающая волна клаустрофобии. Казалось, целая вселенная навалилась на него, обездвиженную беспомощную личинку, похороненную в гигантском муравейнике...

Шок миновал. Сид постепенно взял себя в руки. Респиратор работал нестабильно, пытаясь приспособиться к его неровному дыханию. В груди болело от напряжения. Он ткнул пальцем ноги в опознавательный символ Кластер.

– Кластер! Ты это чувствуешь? Все дрожит...

Ответа не было. Сид позвал снова. Нет ответа. Она его игнорирует – или?..

Может, она ранена, лежит одинокая и незащищенная...

Сид усилием воли заставил себя успокоиться. Нельзя паниковать. Набрать ЦентрПрог, сообщить о поломке. Дрожащими пальцами ног он нащупывал и нажимал кнопки.

Канал ЦентрПрого был темным и безжизненным. Сид недоверчиво уставился в экраны. Это невозможно. Он суматошно переключился на Легкий Ситком...

Тут все было в порядке. Муж упал с лестницы, разбил новый фотоаппарат...

Так, не отвлекаться! Сид пролистал Средний и Глубокий Ситкомы – все нормально. Может, ему наконец удастся достучаться до полиции...

Тут ему позвонили – мелькнул символ Мела Голдфарба. Сид подключил его.

– Мел! Что происходит? Боже мой, это землетрясение...

– Мне это не нравится, Сид. Я его почувствовал здесь, в Южном секторе. Какое-то э-э-э... лицо сказала: Северный сектор. Ты на той стороне. Что у вас...

– Боже, Мел, я думал, обрушится крыша. Это было ужасно! Слушай, я пытаюсь дозвониться в полицию. Отвечу позже, ладно?

– Сид, погоди, я беспокоюсь...

Сид отключил его и перескочил на Полицейский канал. Если тот непотребный сукин сын снова покажет свое лицо...

Появился символ полиции. Сид помолчал, собираясь с мыслями. Начнем с главного.

– Это землетрясение... – сказал он. – Что происходит? И какой-то маньяк со своим лицом. Моя жена...

– Предшествующее вмешательство – результат обстоятельств, не контролируемых ЦентрПрогом. Стандартное обслуживание будет вскоре восстановлено.

– О чем вы говорите? Не бывает обстоятельств, не контролируемых ЦентрПрогом...

– Предшествующее вмешательство – результат обстоятельств, не контролируемых ЦентрПрогом. Стандартное обслуживание будет вскоре восстановлено.

– К черту этот ваш бред, хватит! Как насчет психа, показывающего лицо? Откуда мне знать, что он не...

– Предшествующее вмешательство – результат обстоятельств, не контролируемых ЦентрПрогом. Стандартное обслуживание будет вскоре восстановлено.

Сид в ужасе таращился на экраны. Записанный голос! Просто отмахиваются от него и считают, что он на этом успокоится? Ну-ну, вообще-то, у него контракт...

Снова вспыхнул символ Мела. Сид ответил:

– Мел, это возмутительный произвол! Я позвонил в полицию, и знаешь, что получил в ответ? Заготовленное объявление...

– Сид, – перебил его приятель. – Как думаешь, это что-нибудь означает? В смысле, э-э-э, тип с, э-э-э, лицом? И вся эта ерунда насчет того, что нужно выбираться, а ледник стирает город.

– Что? – Сид уставился на символ Мела, пытаясь осмыслить слова приятеля. – Ледник? Что он стирает?

– А ты разве не видел этого типа? Борода по самые уши, ворвался на все каналы. Сказал, что ледник сотрет город.

Сид напряг память. Черт, непотребное лицо, из-за которого он по-настоящему не вслушивался в слова того типа. Но там было что-то насчет необходимости выбираться...

– Повтори еще раз, Мел.

Приятель повторил предупреждение мужика с неприкрытым лицом.

– Как думаешь, в этом что-то есть? В смысле, была пара встрясок, и все такое. И ты не смог дозвониться на Полицейский канал. А я только что пытался подключиться к Общ-инфо и получил в ответ записанный голос, как и ты.

– Мел, это безумие. Такого не может быть...

– Не знаю. Я пытался дозвониться до нескольких парней и не смог...

– Мел, – внезапно спросил Сид. – Сколько времени прошло? В смысле с того момента, когда всем стал заправлять ЦентрПрог?

– Что? Господи, ну и вопрос. Не знаю.

– Давно это было, правда, Мел? Снаружи могло многое произойти.

– Мой контракт...

– Но откуда нам знать? Я только что разговаривал с Кластер, и мы не смогли вспомнить. Как это можно проверить? Мы заняты своими делами, все идет как обычно, и никто не задумывается о том, что происходит... снаружи. А потом вдруг...

– Я снова постучусь на Общ-инфо, – сказал Мел. – Не нравится мне это...

И исчез.

Сид принялся размышлять. Общ-инфо подсовывает отмазки в виде записанного голоса. Полицейский канал тоже. ЦентрПрог... может, у них все уже наладилось...

ЦентрПрог оставался темным. Сид пялился на пустые экраны, и тут новый толчок встряхнул его кокон. Сид ахнул, попытался собраться. Это пройдет, ничего страшного, не может быть, чтобы...

Тряска усилилась и перешла в сильные, жесткие толчки, болезненно отдававшиеся в конечностях, шее, паху, выгонявшие воздух из легких...

Тошнота прошла нескоро. Сид лежал, тяжело дыша, борясь с головокружением. Боль в определенном смысле оказалась полезной, помогла прочистить голову. Что-то было не так, совсем не так. Нужно думать быстрее, поступать правильно. Нельзя паниковать. Вот только не случилось бы еще одно землетрясение...

Что-то влажное плеснуло в его полуоткрытый рот. Он дернулся, инстинктивно выплевывая противную жижу и фыркая.

Это же Вег-каша – просочилась из питающего шланга. Сид отклонил голову, чувствуя, как струйки холодной жижи барабанят по стенкам кокона, размазываются и стекают вниз. Что-то сломалось...

Сид нащупал языком клапан и закашлялся, когда мерзкая масса залила его лицо. Впрочем, до кожи она не добралась, если не считать губ – его защищал кокон. Но он ощутил ее липкую тяжесть, когда эта дрянь смешалась с поддерживающей жидкостью, в которой плавал пластиковый кокон. Нарушился гидростатический баланс в ячейке, и жидкость начала толкать кокон вверх. Натянулись нейроконттакты, вживленные вдоль позвоночника, что вызвало у Сиды приступ резкой боли. А потом контакты оторвались окончательно. Сид заскрипел зубами: боль стала обжигающей.

Половина мира погрузилась в темноту и холод. Сиды прижало к потолку ячейки, но он едва ощутил давление на лицо и грудь. Ноги, левая рука и спина полностью утратили чувствительность. Левый контактный экран ничего не показывал. Постанывая от напряжения, Сид дотянулся пальцем ноги до кнопки аварийного сигнала.

Безнадежно. Без усилителей ничего не получится. Его ноги мертвы, парализованы. Он беспомощен.

Он попытался закричать, но захлебнулся и начал молча бороться со спеленавшим его коконом: из нежной, ласкающей второй кожи тот превратился в мертвый, липкий груз, лишив его зрения. Он извернулся – от усилия неиспользуемые мышцы свело судорогой – и прикоснулся к рычагу, управлявшему смотровым окном. Когда-то у него была репутация страстного любителя свежего воздуха, но это было... он не знал, как давно это было. Рычаг заклинило. Сид налег на него, и рычаг поддался. Давление резко снизилось: перемешанная с Вег-кашей жидкость выплеснулась наружу. Потолок крохотной ячейки ушел вверх, и Сид почувствовал, как кокон опустился на дно.

Долгое время он лежал, одурманенный болью, ни о чем не думая, ожидая, когда спадет шок.

Потом все тело зачесалось. Это ощущение разогнало пелену дурмана, Сид лихорадочно заворочался – стало неудобно и неприятно. Когда оторвались нейроконттакты на позвоночнике, в коконе образовалось множество крохотных дырочек, внутрь проникла липкая смесь из поддерживающей жидкости и Вег-каши, вызывая раздражение на нежной коже. Сид изогнулся, попытался почесаться и обнаружил, что левая рука наконец-то слушается. Двигательные нервы, получившие электрический удар при разрыве контактов, начали восстанавливать контроль над телом. Сид дотянулся слабой рукой до болевшего бедра и... поскреб гладкое пластиковое покрытие.

Нужно выбираться. Кокон превратился в стесняющий кошмар, мертвую шелуху, которую следовало сбросить. Смотровое окно было открыто. Сид приподнялся, нащупал край, потянулся...

Скользкий, как угорь, он начал выкарабкиваться из кокона, на мгновение замер, когда натянулись оставшиеся контакты, а потом свалился на пол с высоты в один фут. Боли от падения он не почувствовал, потому что потерял сознание.

Когда сознание вернулось к нему, первой мыслью было: «Нарко становится слишком уж реалистичным». Он потянулся к кнопке переключения, и...

...Вспомнил. Землетрясение, Мел, заготовленное объявление.

Значит, так: он открыл смотровое окно, с трудом выбрался – и вот он здесь. Сид вяло моргнул, пошевелил левой рукой, с усилием оторвал от глаз контактные экраны – на это ушло много времени. Огляделся. Он лежал на полу, в прямоугольном тоннеле. Неподалеку тускло светилось зеленое пятно. Сид вспомнил, что видел все это раньше, в тот день, когда он и Кластер вошли в коконы.

Теперь, отключенный от стимулов кокона, Сид, как ему казалось, мог мыслить более ясно. Выход из защитной оболочки оказался болезненным процессом, но после этого стало легче. Сид охватило оцепенение. Но лежать и прохладиться он не мог, надо было что-нибудь сделать, и быстро. Первым делом – Кластер. Она не ответила на его звонок. Ее кокон располагался рядом...

Сид попытался пошевелиться. Ноги дернулись, руки заскользили по гладкому влажному полу, измазанному липкой массой Вег-каши, по-прежнему сочившейся через открытое смотровое окно. От запаха этой гадости Сид затосковало. Внезапно в нем проснулся иррациональный голод: так захотелось Проте-сина, что рот наполнился слюной.

Сид сосредоточился взглядом на полоске зеленого света, пытаясь вспомнить. Его и Кластер, смеющихся и беспечных, провезли на каталках по этому коридору. Почему-то сейчас, здесь, с этой точки зрения, все выглядело иначе. Это было... Господи... много лет назад. Сколько? Может, двадцать? Больше. Наверное, пятьдесят. Откуда ему знать? Какое-то время он постоянно подключался к Общ-инфо, следил за новостями, поддерживал контакты с друзьями, оставшимися снаружи. Но все друзья постепенно подписывали контракты с ЦентрПрогм. Новости как-то усыхали, интерес к ним терялся.

Но теперь значение имели не воспоминания, а действия. Конечно, в ближайшее время должен был появиться дежурный оператор и выяснить, что происходит. Тем временем, возможно, Кластер нуждалась в помощи...

Этот толчок был сильнее. Сид почувствовал, как качнулся пол и по нему прошла волна, словно рябь на поверхности пруда. Из какого-то места донесся грохот, в другом месте упало что-то тяжелое. Зеленое пятно моргнуло, потом снова загорелось ровным светом.

В полумраке коридора замаячила тень, послышались хлюпающие звуки шагов. Сид провибрировал спокойное: «Привет, друзья». В ушах звенела тишина. Ну конечно, они же его не слышат. Он попытался издать громкий крик, сознательно заставляя себя артикулировать.

Но получились лишь слабый хрип и приступ кашля. Когда он восстановил дыхание, над ним склонилось непристойное бородатое лицо, бело-зеленое в свете лампы.

– ...Вот бедняга, – сказал человек высоким сдавленным голосом.

За его плечом появилось другое лицо. Сид узнал обоих. Те двое, что ворвались на личные каналы и несли дикую чушь насчет ледника.

– Слушай, парень, – произнес один из неприкрытолицых. Сид завороченно и в то же время с отвращением изучал влажную бледную кожу, пучки волос, провалившийся беззубый рот, шевелящийся розовый язык. Господи, люди выглядят ужасающе!

– ...Доберется через некоторое время. Не пытайся ничего учудить, в твоём-то состоянии. Ты пробыл здесь слишком долго, приятель. Тебе не справиться.

– Я... в хорошей... форме, – с вызовом прошептал Сид.

– Мы ничем не можем тебе помочь. Придется подождать, пока не придут ремонтники. С тобой все будет в порядке, я уверен. Ледник полез вверх и растянулся по городским стенам. Думаю, они выдержат. Конечно, лед накроет город, но это не важно. ЦентрПрог во всем разберется. В солнечных батареях полно энергии, система рециркуляции будет подавать еду...

– Кластер, – прохрипел Сид.

Гололицый наклонился поближе. Сид рассказал о своей жене. Мужчина заглянул в ближайшие смотровые окна. Потом вернулся и присел на корточки рядом с Сидом.

– Расслабься, приятель, – сказал он. – Они все выглядят нормально. Твоя жена в порядке. А теперь нам надо идти дальше. Но ты не бойся. У тебя полно Вег-каши, как я погляжу. Просто не забывай есть время от времени. Скоро появится ремонтная машина и запихнет тебя обратно.

– Куда?.. – кое-как выговорил Сид.

– Мы? Мы идем на юг. Мэтт знает, где есть одежда и припасы, а может, даже флаер. Мы никогда не включались по-настоящему в это «Жизненное программирование». Разве что на пару лет, и при этом постоянно делали автогимнастику, чтобы поддерживать форму. Не хотелось вот так просто зачахнуть. Мэтт узнал насчет ледника и пришел за мной.

Краем уха Сид слышал, что второй мужик тоже говорит, но слова трудно было разобрать.

Внезапно его пронзила мысль.

– Давно я?.. – спросил он.

С третьей попытки гололицый наконец понял, что нужно собеседнику.

– Сейчас посмотрю, приятель, – сказал он, подошел к открытому смотровому окну Сида, взглянул, подозвал своего спутника. Затем вернулся, шлепая ногами по лужицам Вег-каши.

– Там написано: две тысячи сорок третий, – произнес он, потрясенно глядя на Сида.

Глаза его были красными и воспаленными. От этого зрелища у Сида зачесалось под веками.

– Если это правда, значит ты здесь с самого начала. Господи, да это больше двухсот лет...

Второй мужик с незакрытым лицом, Мэтт, потянул первого за собой, что-то говоря, но Сид не слушал. Двести лет. Это казалось невозможным. Хотя почему бы и нет? В контролируемой среде, без морального и физического износа, без болезней, можно жить до тех пор, пока ЦентрПрог управляет процессом. Но двести лет...

Сид огляделся. Те двое ушли. Он попытался вспомнить, что случилось, но это было слишком тяжело. Они сказали, что лед не разрушит город, только обложит его со всех сторон, а потом пойдет снег и укроет весь этот гигантский муравейник.

Могут пройти века. Люди останутся в своих коконах, пребывая в уюте и довольстве. Будут привычные Ситкомы, Нарко, Псих-кан.

А над всем этим – лед.

Сид вспомнил жуткие мгновения в коконе, когда его всколыхнули толчки землетрясения, черную волну страха, парализующую клаустрофобию.

Слои льда будут нарастать. Лед, сплошной лед толщиной в две мили...

Почему они его не подождали? Сид сгруппировался, приподнялся, перекатился на другой бок. Он чувствовал, что уже порядком окреп. Почему они не подождали? Он регулярно пользовался «Микроспазмом»... ну, довольно часто. Его мышцы в хорошем тонусе, просто немного задеревенели. Он прополз несколько дюймов, скребя ногтями пол. Ничего сложного. Потом вспомнил, что значит зеленый свет: там был лифт. На этом лифте привезли их с Кластер. Нужно всего лишь добраться до него, и тогда...

Но как же Кластер? Можно попытаться взять ее с собой. Без нее будет одиноко. Но она не захочет уходить после двухсот лет, проведенных здесь. Сид чуть не рассмеялся. Кластер не понравится известие о том, что она так стара...

Нет, он пойдет один. Конечно, оставаться нельзя. Для него ничто уже не будет прежним. Он преодолел дюйм, еще один. Отдохнул, глотнул Вег-каши из лужицы у своего рта...

И пополз снова. До зеленого света еще так далеко, но если не торопиться, двигаться потихоньку, дюйм за дюймом, дюйм за дюймом...

Наконец он добрался до двери. Толчки прекратились. Вдоль коридора в образцовом порядке выстроились стеклянные смотровые окна. Какая мирная картина! Благообразие нарушали только пятна кашицы на полу. Но скоро должны были прийти ремонтники. Так сказал мужик с неприкрытым лицом.

Сид вспомнил: чтобы открыть дверь, нужно помахать перед пятном света. Он поднял руку. Та окрепла. Отлично. Сиду почти не потребовалось усилий, чтобы поднять ее.

Дверь открылась, выпустив поток воздуха. Сид потянулся внутрь. На полпути дверь поползла вбок – видимо, под давлением тела включились механизмы закрывания, – но, коснувшись человека, снова отошла. «Работает, все в порядке», – подумал он.

Он подтянул ноги и полежал, отдыхая. Теперь нужно как-то дотянуться до кнопки: мудреная задача. Впрочем, пока он справлялся. Еще немного – и он догонит неприкрытолицых и присоединится к ним.

Потребовался час тяжелого труда, но Сиду все-таки удалось сначала подняться до низкой скамейки, потом дотянуться до кнопки на хромированном щитке. Качнувшись, кабинка двинулась вверх. Сид упал на пол, борясь с волнами головокружения, накатывавшими одна за другой. Сбросив кокон, он разрушил привычный порядок вещей. Но назад он уже не вернется. Даже для того, чтобы снова увидеть знакомый опознавательный символ Кластер. Никогда. Он должен выбраться.

Лифт остановился. Створка скользнула вбок, и волна субарктического воздуха ударила Сиду, словно гигантский молоток. Его обнаженное тело – атрофировавшиеся мышцы, покрытые дряблой кожей, – скрючилось, как червяк в языках пламени. Все ощущения надолго исчезли, убитые холодом. А потом нахлынула боль, которая длилась и длилась...

Наконец боль прошла, стало почти так же, как когда-то в коконе, – тепло, уютно; вернулось чувство защищенности и безопасности. Так же, но не совсем. В голове Сиду забрезжила мысль, и он попытался разогнать ватный туман, чтобы ухватить ее, покачивавшуюся на поверхности благословенного тепла.

Он открыл глаза. Над белым простором крыш, за последней кромкой снега, высилась сверкающая глыба льда, гигантская, кристально-голубая. А наверху, в высокой сине-черной арке неба, горела, как бриллиант, звезда.

«Вот о чем я хотел сказать Кластер», – подумал Сид. Именно об этом – о глубоком небе и о звезде, которая так далеко от тебя, но все же ты ее видишь.

Но было уже слишком поздно что-то говорить Кластер, да и кому бы то ни было. Неприкрытолицые ушли. Сид остался один. Один под огромным небом.

Когда-то давно, подумал Сид, на берегу теплого, мутного моря непоседливое морское существо выползло на сушу, моргнуло, глядя в открытое небо, глотнуло обжигающего кислорода и умерло.

Но не напрасно. Само стремление подняться было важным. Сила, что могущественнее всех законов природы, величественнее далеких звезд, сияющих в своем бессмысленном одиноком торжестве.

Те, другие, что остались внизу, в безопасности и комфорте, в уютных коконах, – они утратили это великое стремление, сделавшее человека человеком.

Но ему, Сиду Трондайку, – ему удалось подняться.

Сид лежал, глядя на звезду. Над ним порхал молчаливый снег; образовался неподвижный холмик. Потом снег похоронил холмик, а за ним и весь город.

И остались лишь лед и звезда.

Все, что угодно

Перевод Г. Корчагина

– Отправление через минуту, Бретт, – сказал мистер Филипс и вернул часы железнодорожника в жилетный карман. – Пора садиться... если ты не расхотел уезжать.

– Ох уж эти книжки, будь они неладны, – вздохнула тетушка Хейси. – Сколько же он их прочел! И все такие толстые, и все без картинок. Знала я, что добром это не кончится.

– Не беспокойтесь обо мне, – сказал Бретт. – Я вернусь.

– Когда умру, дом достанется тебе, – пообещала тетушка Хейси. – Видит Бог, это случится скоро.

– Парень, почему бы тебе все-таки не остаться? – Мистер Филипс, моргая, глядел на Бретта. – Я бы поговорил с мистером Джей-Ди, думаю, для тебя нашлась бы работа на фабрике.

– Столько молодежи из Каспертона уехало, – посетовала тетушка Хейси, – и никто не вернулся.

Мистер Филипс неодобрительно хмыкнул.

– Поначалу-то они пишут, – сказал он, – а потом поминай как звали.

– Бретт, здесь же не чужие тебе люди, – сказала тетушка Хейси. – Неужто ты не был счастлив в родном городе, хоть капельку?

– Чем же вам, молодым, так не нравится Каспертон? – спросил мистер Филипс. – Тут есть все, что нужно для нормальной жизни.

– Он из-за Красотки Ли уезжает, – объяснила тетушка Хейси. – Если бы не эта дрянная девчонка...

Раздался перестук вагонов. Бретт поцеловал тетушку Хейси в сухую щеку, пожал руку мистеру Филипсу и взобрался по лесенке. Его чемодан уже лежал на скамье. Бретт отправил его на полку и сел к окну, чтобы помахать старикам на прощанье.

Было летнее утро. Откинувшись на спинку, Бретт смотрел, как мимо проплывает сельский пейзаж. «А ведь красивые виды, – подумал он. – Кругом кукурузные поля, кое-где стада, вдали холмы в синеватой дымке». Но теперь он увидит то, что за этими холмами: города, горы, океан. Ведь Бретт только по книгам и телепередачам знает, что находится за пределами Каспертона. Для него, рубившего лес и доившего коров в глуши, весь мир – одно сплошное белое пятно.

Может, все эти города и горы – просто отпечатанные на бумаге слова и картинки. Но хочется не только читать о том, что лежит вокруг. Хочется увидеть собственными глазами.

Красотка Ли не пришла его провожать. Должно быть, здорово разозлилась. Вчера она сидела у стойки в аптеке «Рексол», пила лимонад и читала журнал о звездах, с невероятно красивым лицом во всю обложку – таких людей никогда не встретишь на улице. Он занял соседний табурет и заказал кока-колу.

– Почему бы тебе что-нибудь толковое не почитать вместо этой дребедени? – спросил он.

– Что-нибудь толковое? В смысле, что-нибудь скучное? И пожалуйста, не называй это дребеденью. Невежливо же.

– А разве не дребедень? Девушка по имени Звездная Куколка пресытилась гламуром и возмечтала о скромном доме в глуши и куче детишек? Ну так почему бы ей не переселиться в Каспертон?

– Тебе не понять, – сказала Красотка Ли.

Он взял журнал, полистал.

– Ну конечно, все о людях, которые тратят тысячи долларов на званые вечера, кочуют по странам, завязывают друг с другом интрижки, разводятся и совершают самоубийства. Как будто про марсиан читаешь.

– А мне интересно про звезд, и нет в этом ничего плохого.

– Как же нет, если из-за этой чепухи у тебя неудовлетворенность жизнью? Тянет делать дикие прически, как у этих журнальных див, и носить нелепую одежду...

Красотка Ли сломала соломинку для коктейля, встала и схватила хозяйственную сумку.

– Очень приятно было услышать, что ты мою одежду считаешь нелепой.

– Не надо все принимать на свой счет. Ты посмотри. – Он ткнул пальцем в полноцветную рекламную картинку на задней обложке. – Внимательно посмотри. Мужчина якобы готовит стейки на жаровне. А вид как у кинозвезды, дорогой костюм с иголочки, без единой морщинки. Даже на фартуке ни пятнышка и на сковороде нет жира. Лужайка гладкая, что твой бильярдный стол. А вот его сын, вылитый папаша, разве что виски не седые. Нет, правда, ты видела когда-нибудь наяву такого красавца и чтобы седина только над ушами, а остальные волосы черны как смоль? Дочка – настоящая старлетка, мать тоже красивая и холеная, и у нее седая прядка в челке, в тон мужниным вискам. Шины у автомобиля даже не запылились, а дорожка под ним ровнехонька, камешек к камешку. На клумбе все цветы распустились, а куда подевались увядшие? Нет палой листвы на лужайке и сухих веток на деревьях. Соседний дом на заднем плане – суший дворец, а мужчина с граблями, что заглядывает через забор, ну прямо брат-близнец нашего кулинара. Листья сгребать вышел при полном параде...

Красотка Ли выхватила журнал из рук Бретта.

– Просто ты ненавидишь все, что лучше нашего убогого городишки.

– Я не считаю, что вот это – лучше. Знаешь, ты мне нравишься такой, какая есть: прическа не всегда безупречна, на платье заштопана дырка, но ты живой человек, ты теплая и пахнешь по-человечески...

– Ну хватит с меня! – Красотка Ли повернулась и выскочила из аптеки.

Бретт сменил позу на пыльном плюшевом сиденье и огляделся. Людей в вагоне мало: читающий газету старик, две шепчущиеся старушки, женщина лет тридцати с капризным ребенком и еще трое-четверо пассажиров. На журнального героя никто не похож.

Он попытался вообразить, как эти люди совершают преступления, о которых трубят пресса: пожилая дама подливает отраву в чай, старик приказывает начать войну. На ум пришли барражирующие над крышами самолеты, сыплющиеся бомбы огромной разрушительной силы. Бах! Бабах! И рушатся здания, и взмывают к небу куски стекла и камня. И вместе с ними взлетают дети... Но люди, которых он знает, ни на что подобное не способны. Им бы побездельничать, поесть, посудачить, хлебнуть пивка, купить новый трактор или холодильник, съездить на рыбалку. А если выйдут из себя и поколотят кого-нибудь, так потом смущенно извиняются и руку жмут...

Поезд сбросил скорость, тряско затормозил. За окном Бретт увидел домик, будто из картона сложенный, с намалеванной на фасаде надписью «ПОЛУСТАНОК БАКСТЕРА». И доску с несколькими выблекшими объявлениями. Старик остался на скамье, старушки и парень в синих джинсах вышли. Поезд тронулся. Бретт сунул под голову сложенный пиджак и попытался уснуть.

Он проснулся, зевнул, сел. Поезд сбрасывал ход. Бретт вспомнил, что на стоянке пользоваться туалетом нельзя. Он встал и прошел в конец вагона. Дверь поддавалась не сразу. Бретт заперся в туалете. Поезд все замедлялся: тук-тук, тук-тук, тук-тук...

Бретт вымыл руки и толкнул дверь. Засло. Он толкнул сильнее. Слишком мала дверная ручка – не ухватиться толком. Поезд остановился. Бретт навалился на дверь плечом – не поддалась.

Он выглянул в грязное окно. Солнце уже садится, и ничего не видно, кроме иссохших полей.

Снаружи, в коридоре, раздались шаги. Он хотел было позвать на помощь, но не решился. Не хватало еще позориться, колотя в дверь и вопя: «Выпустите меня! Я застрял в туалете...»

Бретт попробовал шатать дверь – не шатается. Снаружи мимо нее протащили что-то тяжелое. Наверное, мешки с почтой. Все-таки надо покричать. Но, черт побери, дверь не такая уж непреодолимая преграда! Он осмотрел защелку. Надо всего лишь провернуть ее. Ухватился покрепче, нажал. Бесплезно.

Снаружи тяжело шлепнулся почтовый мешок, потом второй. Придется все-таки звать на помощь. Дождавшись шагов у двери, Бретт подал голос. Ответа не последовало. Снаружи было тихо. Он постучал. Ни звука. Может, в вагоне никого не осталось? Через минуту поезд тронется, и что же, торчать в сортире до следующей остановки? Он заколотил со всей силы.

– Эй! Дверь заклинило!

Как же стыдно... Он прислушался. Мертвая тишина.

Снова постучал. Вагон разок скрипнул. Бретт прикинул ухом к двери. Ничего не слышать. Он повернулся к окну: людей снаружи не видно. Он прижался к стеклу щекой, глянул вдоль вагона. Только море сухих растений.

Бретт развернулся и дал двери крепкого пинка. Если сломает, не его вина – железнодорожная компания обязана следить за исправностью дверных замков. Пусть только попробуют оштрафовать, он их по судам затаскает!

Он прижался спиной к противоположной стене, поднял ногу и обрушил подошву на дверь в области замка. Что-то треснуло. Он распахнул дверь.

Бретт посмотрел через проем в окно. Там не было платформы, только убитая засухой нива, как и по другую сторону. Он вернулся к своей скамье. В вагоне никого. Бретт выглянул в окно. Может, что-то с локомотивом? Поезд стоит уже минут десять. Бретт вышел в тамбур, спустился на одну железную ступеньку, высунулся и увидел, что состав тянется далеко вперед: один вагон, второй, третий...

А локомотива нет.

Может, поезд успел развернуться? Бретт посмотрел в противоположную сторону. Там три вагона и тоже нет локомотива. Должно быть, он где-то на запасном пути...

Бретт прошел назад через свой вагон. Следующий тоже пустовал. Как и тот, что дальше за ним. Бретт двинулся назад по составу. Нигде ни души. Выйдя на заднюю площадку последнего вагона, увидел рельсы, убегающие по сухому полю прямо к горизонту. Бретт спустился на шлаковую насыпь и зашагал к голове поезда по краям деревянных шпал. Высокий запыленный первый вагон безмолвно стоял на своих железных колесах, ждал; свисали разомкнутые цепи сцепки. Впереди тянулись рельсы... и обрывались.

Бретт прошел дальше по шпалам вдоль этих чугунных полос, блестящих сверху, бурых по бокам. Они заканчивались в сотне метров от поезда. Еще десятью футами дальше исчезала насыпь и смыкались поля. Бретт глянул на солнце. Оно еще ниже опустилось к западу и светило теперь желто, предвечерне. Он повернулся и пробежал взглядом по составу. Большие, пустые, надменно молчащие вагоны... Бретт вернулся в свой, забрал с полки чемодан, надел пиджак. Спрыгнул на насыпь и побрел туда, где она заканчивалась. Немного поколебался и зашагал среди стеблей высотой по колено.

На далеком восточном горизонте за полем виднелось нечто вроде грязного пятна. Бретт шагнул до темноты, а потом устроил себе ложе из засохших растений и уснул.

Бретт лежал на спине и глядел на розовые рассветные облака. Вокруг под слабым ветерком похрустывали сухие стебли. От малейшего прикосновения пальцев крошилась почва. Он сел, сорвал хрупкий стебелек, и тот рассыпался в труху. Интересно, что это за растение? Бретт таких еще не видал.

Он встал и осмотрелся. Куда ни глянь, ровное, как стол, поле. Со стрекотом прилетела саранча, приземлилась у его ног. Бретт поднял насекомое, нелепо сучащее длинными коленчатыми ножками, подбросил, и оно упорхнуло.

Пятно на горизонте как будто обрело контуры: похоже на серую стену. Город? Он поднял чемодан и пошел на восток.

Уже давал себя знать голод – Бретт не ел со вчерашнего утра. Не отставала от голода и жажда. До города часа три ходу, никак не меньше. Бретт шагал, и под ногами хрустели стебли и вздымались крошечные клубы пыли. Что же это за железная дорога, которая тянется и тянется по сухим полям, а потом обрывается? И куда исчез локомотив? Ведь Бретт слышал, как стонали его тормоза. И кто-то ходил по коридору. Куда все подевались?

Он размышлял о поезде, о Каспертоне, о тетушке Хейси, о мистере Филипсе. Кажется, они в далеком прошлом, превратились в зыбкие воспоминания. Солнце высоко, печет вовсю – вот что важно, а остальное кажется несущественным.

Впереди город. Надо продержаться; надо идти. Бретт попробовал думать о других вещах. Телевидение, толпы людей, деньги: истрепанная бумага и стертое серебро...

Лишь палящее солнце, пыльная равнина и мертвые растения теперь реальны. Их он видит, чувствует. А еще чемодан. Какой же он тяжелый... Бретт сменил руку.

Что это белеет впереди? Чуть выступает из земли маленькое, гладкое, блестящее? Бретт уронил чемодан, опустился на колени, погрузил пальцы в сухую землю, извлек фарфоровую чайную чашку без ручки. Спекшаяся почва осыпалась, оставив чистую поверхность. Бретт посмотрел на донышко – клейма нет. «Почему только одна чашка посреди этого „черт знает где“?» – удивился он.

Бретт бросил чашку, поднял чемодан и пошел дальше.

Теперь он внимательней смотрел под ноги. Обнаружил ботинок, жутко истрепанный, но с целой подошвой. Рабочий башмак сорок третьего размера, с высоким берцем. Кто его тут оставил?

Через полчаса ему попалась ржавое переднее крыло старомодного автомобиля. Других деталей он поблизости не нашел. До стены было уже недалеко, миль пять, вряд ли больше.

Над полем порхал клочок белой бумаги. Бретт увидел второй, третий; все больше их приносило порывами ветра. Он догнал один, разглядел.

ПОКУПАЙ СЕЙЧАС, ПЛАТИ ПОТОМ!

Он подхватил второй:

ГОТОВЬСЯ ВСТРЕТИТЬ ГОСПОДА.

А третий гласил:

ПОБЕЖДАЙ ВМЕСТЕ С УИЛКИ!

Над ним высилась стена – гладкая, серая. На одежде и коже запеклась пыль; он машинально отряхнулся на ходу. Чемодан оттягивал руку, колотил по лодыжке. Есть и пить хотелось невыносимо. Он втянул носом воздух, инстинктивно пытаясь уловить ароматы пищи.

Бретт уже долго шагал вдоль стены, а прохода все не было. Стена плавно изгибалась вдаль и отвесно поднималась прямо от земли. Поверхность пористая, не оштукатуренная, но все равно слишком гладкая, да и высота футов двадцать, не вскарабкаться. И не из чего сделать лестницу...

Впереди он увидел широкие ворота с серыми колоннами по бокам. Приблизился, поставил чемодан и вытер лоб носовым платком. В проеме виднелись мощеная улица и фасады домов. Те, что через улицу, невысокие, в один-два этажа, но дальше вздымаются башни. Людей не заметно, и никакие звуки не тревожат горячий полуденный воздух. Бретт взял чемодан и прошел через ворота.

Потом он целый час бродил по мостовым, слушал собственные шаги, эхом отражавшиеся от сложенных из бурого песчаника стен, от магазинных витрин, от стеклянных дверей. Тут и там попадались пустыри с сорной травой и мусором. Он задерживался на перекрестках, смотрел вдоль безлюдных улиц. То и дело откуда-то долетал звук жизни: короткий гудок клаксона, отголосок дверного звонка, перестук копыт.

Он дошел до узкого, как ущелье, переулка между глухими стенами. Постоял, слушая доносящиеся звуки, похожие на шепотки в толпе на похоронах. И двинулся дальше. Десяток ярдов прямо, поворот. Поворотов было еще несколько, и за каждым голоса звучали все громче; отдельные он уже различал, выхватывал из гомона слова. Бретт прибавил шагу, ему не терпелось кого-нибудь расспросить.

Внезапно голоса – похоже, сотни голосов – слились в рев, в протяжное «Йа-а-а-айу-у-у...». Уж не стадион ли там с толпой, болеющий за местную команду? Слышен оркестр: визг труб, звон тарелок, буханье барабанов. Впереди виден выход на солнечную улицу, с флагами, с людскими спинами, а над головами – ритмичное колыхание флажков и высоких киверов, движущихся довольно ровными рядами. В поле зрения вплыл растянутый между шестами транспарант, и Бретт успел прочесть огромные красные буквы: «... ЗА НАШИХ!»

Он подошел к толпе и двинулся вдоль серых спин. Приближалась фаланга людей в желтых кителях, они чеканили шаг и покачивали кистями на фесках. На мостовую выскочил мальчуган, запрыгал возле строя. Музыка ревела, гремела, хрипела. Бретт похлопал по плечу стоявшего перед ним человека.

– Что празднуем?

И не услышал собственного голоса. Мужчина не отреагировал. Бретт пошел вдоль толпы в поисках просвета или возвышения. Кажется, впереди людей не так много. Он достиг края толпы, прошагал еще несколько ярдов и остановился на краю тротуара. Желтые уже промаршировали мимо, появилась группа фигуристых девиц в атласных блузках, черных сапожках и белых меховых шапках – все молчат, на лицах никаких эмоций. В пятидесяти футах от Бретта они вдруг пустились в пляс: вскидывали колени, крутили бедрами, жонглировали блестящими батонами...

Бретт вытянул шею, высматривая телекамеры. На противоположной стороне улицы плотными рядами стояли одетые в тусклое люди: глаза следят за процессией, шевелятся губы.

Вперед протолкался толстяк в мятом костюме и панаме, стал наблюдать, ковыряясь в зубах. Отчего-то Бретту показалось, что он здесь не на месте. Фасады магазинов позади зевак выглядели нормально – грязноватые кирпичи, мутные стекла, окисленный алюминий, реклама: «ТОЛЬКО СЕГОДНЯ СНИЖЕНЫ ЦЕНЫ».

Слева от Бретта тянулся пустой тротуар, справа плотная толпа снова и снова взрывалась ревом. За мажоретками шеренгой, в ногу шли полицейские, а над ними порхал вдоль улицы лист бумаги.

Бретт повернулся к соседу справа:

– Простите, вы не подскажете, как называется этот город?

Сосед даже ухом не повел. Бретт похлопал его по плечу:

– Эй! Что это за город?

Незнакомец сорвал с головы шляпу, замахал ею, швырнул вверх. Она отлетела прочь, потерялась в толпе. И как же эти энтузиасты потом находят свои головные уборы?.. Никто из знакомых Бретта шляпами не разбрасывался.

– Может, все-таки ответите? – Бретт потянул мужчину за руку.

Тот резко развернулся к нему, тяжело навалился. Бретт шагнул назад. Мужчина жестко рухнул на тротуар. Да так и остался лежать, только глаза открыты и руки судорожно дергаются.

– Аххх... – произнес он. – Хум-хум-хум... Аввв... джаввв...

Бретт поспешил опуститься на корточки.

– Извините! – воскликнул он и заозирался. – Эй, кто-нибудь! Человеку плохо!

Никто даже голову не повернул. Ближайший зритель стоял с непокрытой головой, у него двигалась челюсть.

– Нужно ему помочь, – объяснил Бретт, дергая незнакомца за рукав. – Видите, он упал! Зевака неохотно перевел взгляд на Бретта.

– Не мое дело, – пробормотал он.

– Что, неужели никто не поможет?

– Пьяный, наверное.

За спиной раздался тревожный шепот:

– Эй, ты! Живо в переулок!..

Бретт обернулся. У входа в переулок, такой же, как тот, по которому он пришел, стоял мужчина лет тридцати, тощий, с редкими волосами и каплями пота на верхней губе, одетый в мятую и засаленную желтую рубашку с широким воротом. И махал рукой, указывая в переулок:

– Сюда!

Бретт двинулся к нему:

– Пожалуйста, помогите...

– Да иди же, болван! – Рыжий схватил Бретта за руку и потащил в сумрачный проход.

Бретт воспротивился:

– Постойте! Этому парню плохо...

– Ты что, еще не различаешь их? – Рыжий говорил с незнакомым Бретту акцентом. – Големы! Надо скрыться, пока не...

Он вдруг застыл, распластавшись на стене. Бретт инстинктивно последовал его примеру. Голова незнакомца была обращена к выходу из переулка, на дряблой шее натянулись жилы. Стоя рядом, Бретт видел трехдневную щетину на его лице, дышал его вонью. Он попятился:

– В чем де...

– Ни звука! И не шевелись, идиот! – тоненько прошипел рыжий.

Бретт проследил за его взглядом до солнечной улицы. Упавший так и лежал на мостовой с открытым ртом, суча конечностями. К нему что-то приближалось – полупрозрачное, буроватое, на вид – бугор из грязной воды. Вот оно вздыбилось, замерло на миг и рухнуло на человека, как береговая волна, обтекло его. Человек закачался, закрутился, точно бревно в потоке, и поднялся вертикально. Жижа, играя в солнечных лучах янтарными переливами, снова образовала горбатую волну и двинулась прочь, унося добычу.

– Что за чер...

– Бежим! – Рыжий повернулся и припустил по переулку.

В тени между серыми стенами он обернулся и нетерпеливо помахал рукой, а потом исчез за поворотом.

Бретт последовал за ним и увидел широкую аллею: высокие деревья с изумрудной весенней листвой, кованая ограда, а дальше гладкие зеленые газоны. Люди на глаза не попадались.

– Минутку! Что это за место!

Незнакомец повернулся и уставился на Бретта окаймленными красным глазами.

– Давно ты здесь? – спросил он. – Как попал?

– Вошел через ворота... с час назад.

– Я сразу понял, что ты человек, ведь ты разговаривал с големом, – сказал рыжий. – Сам я тут уже два месяца, если не больше. Надо занываться. Хавать хочешь? Есть одно местечко... Он указал направление тычком большого пальца. – Айда. Успеем еще поговорить.

Бретт пошел с ним. Они свернули на боковую улицу, вошли в грязноватое кафе. Дверь хлопнула за ними. Столики, табуреты у стойки, пыльный музыкальный автомат. Сели за столик. Рыжий снял ботинок и заколотил им в стену. Прислушался, наклонив голову. Абсолютная тишина. Он снова постучал. За кухонной дверью гроыхнула посуда.

– Не говори ничего, – потребовал рыжий, выжидаяще глядя на дверь за стойкой.

Та распахнулась. Появилась краснощекая девица с нечесаными волосами, в зеленой форме официантки, с карандашом и блокнотом.

– Кофе и сэндвич с ветчиной, – потребовал рыжий.

Бретт ничего не заказал. Девушка бросила на него взгляд, черкнула в блокноте и упорхнула.

– Эту харчевню я в первый же день нашел, – сообщил рыжий. – Просто повезло – увидел, как желы ее строили. Те желы были здоровенные, не то что нынешние чистильщики. А когда они закончили, я решил рискнуть... Фокус в том, что надо прикинуться големом.

– Извини, но я тебя совершенно не понимаю, – сказал Бретт. – Сейчас спрошу у девушки...

– Не надо спрашивать! Испортишь сцену! Оно или заclinится, или вызовет желов. Лучше просто поешь, оно сейчас принесет.

– Почему ты говоришь «оно»?

– Почему? – Рыжий как-то странно посмотрел на Бретта. – А вот увидишь.

Бретт уловил запахи еды, и у него потекли слюнки. Он не ел уже двадцать четыре часа.

– Главное – осторожность, – наиздал рыжий. – Двигайся тихо, держись в тени, и будешь жить, как герцог графства. Со жратвой тут сложнее всего, но есть способы...

Вернулась румяная девушка: на одной руке балансирует поднос, другая держит блюдо с тяжелой чашкой. Официантка с шумом опустила на стол свою ношу.

– Тебя только за смертью посылать, – упрекнул рыжий.

Девушка фыркнула и открыла рот для отповеди, но рыжий выбросил руку и ткнул ей под ребра напряженным пальцем. Официантка застыла, будто парализованная.

Бретт привстал.

– Мой приятель не в себе, – объяснил он. – Пожалуйста, извините...

– Не старайся. – Рыжий глядел на Бретта и торжествующе ухмылялся. – Спрашиваешь, почему я говорю «оно»?

Он встал и расстегнул верхние пуговицы на зеленой блузке. Официантка все так же стояла, чуть наклонившись вперед и не шевелясь. Полы разошлись, обнажив крупные белые груди – сплошь белые, без сосков.

– Подделка под человека, – сказал рыжий. – Кукла, голем.

Бретт оторопело смотрел на девушку и видел влажные кудряшки на виске, кончик языка между зубами, крошечные красные вены на круглых щеках, белые округлости...

– Так проще всего опознавать големов, – сказал рыжий. – Сосков у них не бывает.

Он застегнул блузку и снова ткнул девушке в солнечное сплетение. Она выпрямилась, поправила волосы и, прежде чем уйти, насмешливо произнесла:

– Ну конечно, такие джентльмены привыкли к самому лучшему.

– Авалавон Дхува, – представился рыжий.

– Меня зовут Бретт Хейл. – Бретт откусил от сэндвича.

– Эти твои шмотки, – сказал Дхува. – И говоришь странновато. Из какого ты графства?

– Джефферсон.

– Никогда не слышал. Я-то из Уэвли. Как тебя сюда занесло?

– Ехал на поезде, рельсы закончились среди поля. Я пошел дальше... и пришел. Что это за место?

– Не знаю, – пожал плечами Дхува. – В одном уверен: враки это все, про Огненную реку. Поповские рассказы. Взять хотя бы крышу. Попы говорят, до нее сто харфадов, но как проверишь? Может быть и тысяча, и всего-навсего десять. Клянусь Гратом, я бы слетал на шаре, посмотрел бы своими глазами.

– О чем ты? – спросил Бретт. – На чем бы слетал, на что посмотрел?

– Я его на турнире видел. Огромный мешок с горячим воздухом, а внизу корзина. Удерживается веревкой. Но если веревку перерезать... Да только попы никогда такого не допустят. – Дхува задумчиво посмотрел на Бретта. – Ну а в твоём графстве... Феферсоне, да? Какая там высота?

– Ты про небо? Воздух заканчивается через несколько миль, а дальше космос – миллионы миль пустоты...

Дхува хлопнул по столу ладонью и захохотал:

– Ну и деревенщина в этом Фессерони! Кто же поверит в такую чепуху? Ты бы хоть глянул вверх-то!

– У нас только дети верят, что небо – вроде шатра, – сказал Бретт. – Ты когда-нибудь слышал о Солнечной системе, о других планетах?

– Что еще за планеты?

– Огромные небесные миры. Все они кружат вокруг Солнца, как и Земля.

– Небесные миры, говоришь? Крутятся под крышей? Никогда их не видал, – захихикал Дхува. – Очнись, Бретт, забудь эти сказки. Верить можно только в то, что видишь собственными глазами.

– А что это за коричневые твари?

– Ты про желов? Они тут заправляют. Берегись их, Бретт. Всегда будь начеку, не позволяй им тебя увидеть.

– А чем конкретно они занимаются?

– Не знаю, и узнавать неохота. Тут, вообще-то, неплохо, мне нравится. Жратва – какую пожелаешь, жилье – уйма удобных комнат. А еще парады и уличные представления. Отменная житуха. Главное – желам не попадаться.

– Как отсюда выбраться? – спросил Бретт, допивая кофе.

– Понятия не имею. Наверное, через стену. Я выбираться не намерен. Из родного графства бежал, только пятки сверкали. Этот чертов герцог... впрочем, не важно. Я туда не вернусь.

– А тут все люди... големы? – спросил Бретт. – Что, настоящих больше нет?

– До тебя я настоящих не встречал. Живой человек ведет себя не так, как голем. Хотя тот горазд прикидываться. Может брови свести, вздрогнуть в испуге, поглядеть искоса, подбочениться, губами пожевать, недобро над тобой поухмыляться и даже вздохнуть сочувственно. Все как у настоящих людей. Но теперь ты здесь, и мне есть с кем потолковать. Одиночество замучило, знаешь ли. Покажу, где обосновался, там и для тебя найдется коечка.

– Я тут не задержусь.

– Ну выберешься из города, а дальше как? Брось, парень, тут есть все, что душе угодно. Отлично время проведем.

– Говоришь точь-в-точь как моя тетя Хейси, – сказал Бретт. – Мол, в Каспертоне есть все, что мне нужно. Но откуда ей знать, что мне нужно? Тебе это откуда знать? И даже мне самому? Поверь, мне требуются не только пища и ночлег...

– А что еще?

– Да все на свете! То, о чем стоит думать, то, что стоит делать. Даже в кино...

– Что такое кино?

– Ну, пьеса, на пленку записанная. Движущиеся картинки.

– Картинки? Двигутся?

– Точно.

– Тебе об этом попы наплели? – Дхува едва сдерживал смех.

– Да кто же не смотрел кино?

Дхува расхохотался:

– Ох уж эти попы. Везде они одинаковы, как я погляжу. Рассказывают сказки, а люди верят.

– Попы тут ни при чем.

Посерьезнев, Дхува спросил:

– А что ваши святоши говорят о Грате? О Колесе?

– Кто такой Грат?

– Высшее существо. У него четыре ока. – Дхува осенил себя знамением и спохватился. – Просто привычка. Я с детства в эту чушь не верю.

– Ты, должно быть, о Боге говоришь? – предположил Бретт.

– Не знаю, кто такой Бог. Расскажи о нем.

– Он сотворил мир. Он... Ну, скажем так, сверхчеловек. Знает все, что с тобой происходит, а когда ты умрешь, встретишься с Ним в раю, если прожил жизнь праведно.

– Рай? Где это?

Бретт неопределенно махнул рукой:

– Наверху.

– Но ты же сказал, что наверху пусто, – напомнил Дхува. – Там только миры какие-то крутятся, разбросанные, как в море острова.

– Ну...

– Да ладно, – махнул рукой Дхува. – Наши попы тоже мастаки заливать, все талдычат про Колесо и Огненную реку. Та же дурь, что и твой рай... – Дхува вдруг вскинул голову. – Что это?

– Я ничего не слышу.

Дхува вскочил на ноги, повернулся к двери. Бретт встал.

В дверном проеме вырос громадный буроватый силуэт, полупрозрачный, с лоснящейся и рябящей поверхностью. Дхува стремительно развернулся, проскочил мимо Бретта и кинулся к двери черного хода. Бретт застыл от ужаса. Подвижная, как ртуть, бурая тварь погналась, настигла рыжего, захлестнула.

Через миг брыкающаяся худая фигурка скрылась в туше жела. А затем мутная волна хлынула мимо Бретта к двери, распахнула ее и исчезла.

Бретт стоял неподвижно, будто врос в пол, и глядел в дверной проем. На пыльный линолеум падал широкий луч солнечного света. По плинтусу прошмыгнула бурая мышь. Было очень тихо. Бретт подошел к двери, за которой скрылся жел, поколебался и распахнул ее.

Он глядел в огромную темную яму, чьи стены были испещрены дырами, обрезками водопроводных и канализационных труб, свисающими хвостами кабелей. Глубоко внизу поблескивала черная вода. В нескольких футах от порога, на самом краю ямы, неподвижно стояла на узкой полоске пола официантка. Кромка линолеума была зубчатой, словно ее погрызли крысы.

И ни следа Дхувы.

Бретт вернулся в обеденный зал, позволив двери захлопнуться за ним. Отдышался, взял со стола бумажную салфетку, вытер ею лоб, бросил ее на пол и вышел на улицу, забыв прихватить чемодан. На углу повернул и двинулся вдоль витрин, заполненных бигуди, солнечными очками, пилками для ногтей, лосьонами для загара, картонными коробками, гирляндами, пластмассовыми игрушками, пестрой одеждой из синтетики, домашними лекарственными средствами, косметикой, дисками с поп-музыкой, поздравительными открытками...

На следующем перекрестке Бретт остановился и окинул взглядом пустые, молчаливые улицы. Никакого движения. Он приблизился к окну в серой бетонной стене, встал на цыпочки и сквозь пыльное стекло увидел комнату, набитую всяким хламом: портновскими манекенами, велосипедами, перевязанными пачками журналов без обложек.

Бретт подошел к двери. Массивная, она была покрашена наглухо. Соседняя дверь выглядела похлипче. Он подергал надраенную медную ручку, потом отступил на шаг и ударил ногой. С глухим звуком дверь упала внутрь, прихватив с собой косяк.

Бретт стоял и глядел в образовавшуюся дыру. Отвалился, глухо брякнул кусок стены. Бретт прошел через отверстие в сером фасаде. Со дна ямы черная вода подмигнула ему из густого сумрака отблеском солнечного луча.

Вокруг него стены здания высились, как картонные декорации: шеренги синевато светящихся окон на темном фоне. В падающих из окон солнечных лучах мотыльками кружили

пылинки. Наверху едва проглядывала крыша с беспорядочной паутиной ферм. Вниз уходила пропасть.

Возле ног Бретта из пола торчал кусок медной стойки, довольно массивный и прочный на вид. Если привязать к нему веревку, должен выдержать. Где-то внизу лежит Дхува, пленник желов, незнакомец, с которым Бретт успел подружиться. Бретт должен его выручить, но для этого необходимы снаряжение и помощник.

Его взгляд упал на обломанный край стены, где минуту назад находилась дверь. Лишившийся косяка торец стены был толщиной с мизинец. Бретт отломил кусок. Внешняя сторона, та, что, смотрит на улицу, гладкая и массивная на вид. Внутренняя – бугристая, ноздреватая. Бретт вышел наружу, присмотрелся к стене. Стукнул в серую поверхность. Большой фрагмент, футов в шесть высотой, с грохотом осыпался на тротуар; поднялась пыль. Тотчас обвалился соседний кусок. Мелкий обломок долетел до ямы; издали послышался всплеск.

Бретт посмотрел на зубчатое отверстие в стене – как будто из сложенного пазла вывалилась деталь. И побежал трусцой. Во рту пересохло, сердце больно колотилось в груди. Через два квартала от полого здания Бретт перешел на шаг; его топот эхом разносился по пустой улице. По пути Бретт заглядывал в витрины магазинов. Искусственные ноги, бутылки с разноцветными жидкостями, огромные куклы, парики, стеклянные глаза – и ни одной веревки.

Бретт напряг логику. В каком магазине может найтись веревка? В том, который торгует морскими снастями. Но где его искать?

Пожалуй, самый простой способ – заглянуть в телефонную книгу...

Впереди Бретт увидел вывеску «Отель». Он толкнул вращающуюся дверь и оказался в тусклом вестибюле с облицованными мрамором стенами. Справа двустворчатая дверь вела в бар с бежевым ковровым покрытием, прямо перед собой Бретт увидел крашеную бронзовкой клетку лифта, возле нее высокие кадки с песком, а слева ведущую вверх лестницу. Еще левее – красного дерева стойку ресепшена. За стойкой молча ждал мужчина.

– Эти твари! Эти желы! – восклицал Бретт, пересекая вестибюль. – Мой друг...

Он осекся. Неподвижный клерк смотрел Бретту через плечо, занеся над журналом регистрации авторучку. Бретт протянул руку, забрал авторучку. Пальцы портя жестко сжимали пустоту. Голем.

Бретт повернулся и пошел в бар. На столиках перед пустыми стульями – пустые бокалы. Он вздрогнул, услышав постукивание вращающейся двери. Позади него в вестибюль хлынул мягкий свет. Где-то затренькало пианино, Бретт узнал мелодию «More Than You Know». Съехались со щелчком дверные створки, это ожил лифт.

Бретт отступил в темный угол и увидел толстого мужчину в мятом костюме в полоску, направлявшегося к стойке ресепшена. Багровая физиономия, лысина, усеянная пигментными пятнами. Клерк услужливо наклонил голову.

– Да-да, сэр, отличный двухкомнатный номер с ванной... – услышал Бретт масляный голос и увидел, как клерк протянул авторучку.

Толстяк взял ее, царапнул в журнале регистрации.

– Четырнадцать долларов, – улыбнулся клерк и потряс колокольчиком.

Возле стойки отворилась дверь, из нее выскочил коридорный в зеленой тесной тужурке, брюках в обтяжку и шапочке-таблетке с ремешком под подбородком. Он взял ключи и проводил толстяка к лифту. Через сетку шахты Бретт видел, как поднимается кабина, как качаются и подрагивают лоснящиеся смазкой тросы. Он двинулся по вестибюлю назад – и застыл как вкопанный.

В дверях появилась влажная коричневая глыба. И потекла по ковру к коридорному. Голем с абсолютно пустым лицом повернулся к своей двери. Бретт услышал, как наверху остановилась кабина. Лязгнули дверные створки. Клерк истуканом стоял за стойкой. Жел поколыхался и потек к выходу.

Пианино молчало. Засияли мягким светом лампы, поморгали и погасли. Бретт напряг память: где же он видел этого толстяка?

Он поднялся по лестнице. В коридоре второго этажа двигаться пришлось в темноте; лишь тусклый свет из окон помогал находить путь. Бретт попробовал отворить дверь – получилось. Он вошел в просторную спальню с огромной кроватью, мягким креслом и комодом. Пересек комнату, выглянул из окна в переулок. В двадцати футах – три окна в кирпичной стене, белые шторы. Больше там ничего не видно.

Какие-то звуки в коридоре. Бретт поспешил улечься на пол за кроватью.

– Ладно, новобрачные, я с вами прощаюсь, – громыхнул пьяный голос. – Совет да любовь!

Смешки, повизгивание, сухой стук бус о дверь. Скрежет ключа. Дверь распахнулась настежь. В коридоре вспыхнул свет, очертил фигуры мужчины в черном смокинге, женщины в белом свадебном платье и фате, с цветами в руках.

– Поаккуратнее, Мел!

– Я не сделаю того, чего ты не захочешь!

– Хочу, чтобы ты сейчас же поцеловал молодую жену!

Пятясь, эти двое вошли в комнату, захлопнули дверь и остановились. За кроватью Бретт затаил дыхание. Пара не шевелилась в потемках у двери, головы были опущены...

Бретт встал, обогнул кровать, приблизился к неподвижным фигурам. Девушка выглядела совсем юной: стройная, с идеальными чертами лица, с мягкими темными волосами. Глаза были открыты, чуть поблескивали глазные яблоки. Мужчина – загорелый, широкоплечий, светло-кудрый. Рот приоткрыт, видны безупречной белизны зубы. Молодожены стояли не дыша, глаза смотрели в пустоту. Бретт забрал у женщины букет. Цветы неотличимы от настоящих, но не пахнут. Бросив их на пол, он толкнул мужчину, чтобы освободить себе проход. Голем развернулся, накренился, рухнул с глухим стуком. Бретт взял женщину на руки, перенес на кровать. У двери задержался, прислушался. Начал отворять – и снова замер. Вернулся к кровати, расстегнул перламутровые пуговицы на корсаже. Безупречно гладкие, тугие кремовые груди без сосков.

Он вышел в коридор и направился к лестнице. Впереди увидел рябь – это был жел. Сначала тот лишь колыхался, но вдруг сгорбился, вздыбился. Аморфное тело понеслось в направлении Бретта. Он бросился было бежать, но вспомнил наказ Дхувы и застыл. Жел проплюхал мимо, осел, утек под дверь. Бретт перевел дух. К черту толстяка, здесь слишком много желов.

Он вернулся на лестничную площадку. Выходящая на нее двустворчатая дверь была открыта, лилась мягкая музыка. Бретт рискнул заглянуть. Ресторан. На лакированном паркете неторопливо кружат изящные пары, за столиками закусывают гости, их обслуживают официанты в черном. На противоположной стороне зала, возле пыльного резинового растения, сидит толстяк, изучает меню. Вот он встряхнул салфетку, вытер шею под воротником, промокнул лицо.

Нельзя портить сцену, учил Дхува.

Но возможно, удастся в эту сцену вписаться.

Бретт отряхнул костюм, поправил галстук и вошел в зал. Приблизился официант, оглядел его с сомнением. Бред вынул из бумажника пятидолларовую купюру.

– Тихий столик вон в том углу, – сказал он и огляделся.

Желов не видать. Бретт проследовал за официантом к столику возле толстяка.

Усевшись, снова огляделся. Очень хочется поскорее вступить в разговор с толстяком, но нельзя привлекать к себе лишнего внимания. Надо ждать, а шанс предоставится.

За другими столиками тщательно выбритые мужчины в отутюженных костюмах и накрахмаленных сорочках шептались с женщинами в облегающих платьях, а женщины вращали в пальцах бокал с вином и тонко улыбались. Долетали обрывки разговоров:

– ...Дорогая, а ты слышала...

- ...В начале восьмидесятых...
- ...Совершенно невозможно. Необходимо...
- ...В это время года...

Вернулся официант с тарелкой молочного супа. Бретт глянул на ряды ложек, вилок и ножей, покосился на обедающих за ближайшим столиком. Нужно правильно вершить ритуал. Он положил на колени салфетку, тщательно ее разгладил. Снова посмотрел на ложки, выбрал самую большую. Вроде не ошибся...

– Вина, сэр?

Бретт указал на соседнюю пару:

– То же, что и у них.

Официант принес бутылку, повернул ее этикеткой к Бретту. Тот кивнул. Официант извлек пробку, сопроводив этот процесс множеством вычурных жестов, поставил перед Бреттом бокал, налил вина на полдюйма. И застыл в ожидании.

Бретт взял бокал, отведал. Похоже, вино настоящее. Он кивнул. Официант налил. «Интересно, что будет, если скривлюсь и выплуну? – подумал Бретт. – Нет, слишком рискованный эксперимент. Вряд ли тут хоть раз такое случилось».

Пары возвращались за свои столики, другие выходили на танцпол. В дальнем углу струнный ансамбль играл меланхоличные мелодии, должно быть, звучавшие на когда-то популярных «чайных вечерах». Бретт посмотрел на толстяка. Тут шумно поедая суп, повязав салфетку под подбородком.

Подошел официант с большим блюдом.

– Чудесный день, сэр, – сказал он.

– И верно, – согласился Бретт.

Официант водрузил блюдо на столик, снял крышку и застыл с вилкой и зубчатым ножом на изготовку.

– С корочкой, сэр?

Бретт кивнул и исподволь ощущал официанта взглядом. Похож на настоящего. Некоторые големы на вид реальнее других. Вероятно, это зависит от их ролей. Тот мужчина, упавший на параде, просто зевака из толпы, статист. Официант способен вести разговор. Может, удастся из него что-нибудь вытянуть?

– Как... гм... Как называется ваш город? По буквам, пожалуйста.

– По буквам, сэр? – переспросил официант. – Ни разу не пробовал.

– Попробуйте сейчас.

– Подливки, сэр?

– Конечно. И все-таки попытайтесь произнести название города.

– Пожалуй, я лучше позову метрдотеля, – насупился голем.

Краем глаза Бретт уловил движение. Он круто обернулся, но ничего не увидел. Может, это был жел?

– Не нужно, – сказал он.

Официант принес картофель с горошком, заново наполнил бокал и бесшумно удалился. Наверное, вопрос не совсем обычный, предположил Бретт. Нужен более тонкий подход...

Когда вернулся официант, Бретт сказал:

– А денек-то погожий.

– Превосходный, сэр.

– Лучше вчерашнего.

– Вы совершенно правы, сэр.

– Интересно, завтра такой же будет?

– Возможен небольшой дождь.

– Давно вы здесь живете?

На лице официанта отразилась неодобрение.

– Что-нибудь еще, сэр?

– Я тут впервые, – сказал Бретт. – Не могли бы вы кое-что объяснить?..

– Извините. – Официант отошел.

Бретт поковырялся в картофельном пюре. Големов расспрашивать бесполезно. Придется выяснять иначе. Он повернулся к толстяку. Тот как раз вынимал из кармана носовой платок, чтобы шумно высморкаться. Никто не оглянулся на звук. Тихо играл оркестр, танцевали пары. Нет смысла ждать...

Бретт встал и подошел к соседнему столику. Толстяк оторвал взгляд от тарелки.

– Не возражаете, если я присяду? – спросил Бретт. – Хочу с вами поговорить.

Толстяк недоуменно заморгал и указал на стул напротив. Бретт сел и наклонился вперед.

– Возможно, я ошибаюсь, – тихо произнес он, – но мне кажется, вы настоящий.

Толстяк снова заморгал:

– Как это понимать? – Голос у него был тонкий, капризный.

– Вы не похожи на других. Приезжий? Кажется, с вами можно разговаривать.

Толстяк оглядел свой помятый костюм:

– Я... э-э... человек занятой, не имел времени переодеться. Но вам-то какое дело? – Он поджал губы и настороженно уставился на Бретта.

– Я нездешний, – сказал Бретт. – Хочу узнать, что тут происходит...

– Купите путеводитель, в нем есть списки всех развлекательных мероприятий.

– Я не про это. Я про кукол, которые тут повсюду, и про желов...

– Что еще за куклы? Желы? Желе? Вы не любите желе?

– Я люблю желе. Я не...

– Ну так обратитесь к официанту. Он вам принесет желе с любым вкусом. А теперь будьте любезны...

– Желы – коричневые твари, те, что похожи на грязную воду. Они появляются, когда мы вмешиваемся в сцену.

Толстяк явно нервничал:

– Пожалуйста, уйдите.

– Если я нарушу порядок, здесь появятся желы. Вы этого боитесь?

– Ну-ну, потише. Не надо так волноваться.

– Я не буду устраивать скандал, – сказал Бретт, – если вы просто ответите на мои вопросы. Давно вы здесь?

– Я не люблю скандалы. Терпеть их не могу!

– Давно вы здесь?

– Десять минут. Только что сел, даже не успел покушать. Пожалуйста, молодой человек, вернитесь за ваш столик. – Толстяк настороженно разглядывал Бретта, на лысине блестел пот.

– Я про этот город. Когда вы сюда прибыли? И сами откуда родом?

– Что значит – когда сюда прибыл? Я здесь родился. Откуда родом? Что за вопрос? Не аист же меня сюда доставил.

– Здесь родились?

– Ну конечно.

– Как называются город?

– Вы что, издеваетесь? – Разозлившейся толстяк уже почти кричал.

– Тсс! – предостерег Бретт. – Желов приманите.

– К черту ваших желов, кто бы они ни были! – рявкнул толстяк. – Я позову управляющего!

– Так вы что, не знаете? – спросил Бретт, пристально глядя на толстяка. – Тут кругом одни куклы, их называют големами. Они неживые.

– Кто неживой?

– Да все эти подоби́я людей за столиками и на танцполе. Ну конечно, вы уже давно поняли...

– Я понял, что вам требуется медицинская помощь. – Толстяк отодвинулся вместе со стулом и встал. – Столик ваш, – буркнул он. – Пообедаю в другом месте.

– Подождите! – Бретт вскочил, схватил его за рукав.

– Не трогайте меня!

Толстяк направился к двери, Бретт пошел следом. Возле кассы резко повернулся, заметив, как мелькнул коричневый текучий силуэт...

– Смотрите! – Он дернул толстяка за руку.

– На что мне смотреть?

Жел исчез.

– Жел! Только что был здесь!

Толстяк бросил кассирше купюру и поспешил к выходу. Бретт порывлся в бумажнике, вынул десятку, задержался ради сдачи.

– Подождите! – крикнул вдогонку.

И услышал удаляющийся по лестнице топот.

– Побейте скорее можно? – обратился он к кассирше.

Женщина сидела неподвижно, остекленевшие глаза смотрели в пустоту. Стихла музыка. Замерцали и погасли лампы. В сумраке Бретт увидел, как вздымается жидкая фигура...

Он рванул с места и выскочил на улицу. Толстяк как раз сворачивал за угол. Бретт хотел было позвать, но тут от двери хлынула грязная просвечивающая жижа. Он застыл с раскрытым ртом, с вытаращенными глазами, наклонившись вперед и раскинув руки. Жел нависал над Бреттом; его поверхность играла переливами; он ждал. В ноздри ударил едкий запах герани.

Прошла минута. У Бретта дергалась щека. Он боролся с желанием моргнуть, сглотнуть, но еще сильнее подмывало повернуться и дать деру. Высокое солнце било лучами по безмолвной улице, по безжизненным витринам магазинов.

Наконец жел потерял форму, осел, потек прочь. Бретт отступил шатаясь к стене, хрипло отдышался.

Через улицу он увидел витрину с полевым снаряжением: переносные печки, туристские ботинки, ружья. Подошел, попробовал отворить дверь – заперто. Он поглядел вправо и влево – на улице никого. Ногой разбил стекло возле замка, повернул изнутри ручку. Осмотрел товары на полках, выбрал тяжелую бухту нейлоновой веревки, нож в ножнах, флягу. Подержал в руках многозарядный винчестер с оптическим прицелом, но отложил его и повесил на пояс кобуру с револьвером двадцать второго калибра. Две коробки длинных ружейных патронов опростал в карман, зарядил револьвер. Веревку повесил на плечо и вернулся на пустую улицу.

Толстяк стоял перед фасадом соседнего дома, ковырял прыщ на подбородке и разглядывал витрину. Он хмуро посмотрел на подошедшего Бретта и зашагал прочь.

– Минутку! – позвал Бретт. – Разве вы не видели жела? Того, который меня задержал?

Толстяк обернулся, бросил подозрительный взгляд и прибавил шагу.

– Постойте! – Бретт схватил его за руку. – Я знаю, что вы настоящий. Видел, как вы срыгивали, потели и чесались. Мне нужна помощь, а обратиться здесь я могу только к вам. Мой друг в беде...

Толстяк высвободился рывком, его физиономия побагровела еще пуще.

– Маньяк! Не смейте ко мне прикасаться!

Бретт подступил ближе и сильно ударил толстяка в солнечное сплетение. Задохнувшись, тот рухнул на колени; панама слетела с головы и откатилась. Бретт схватил его за руку, помог подняться.

– Извините, – сказал он, – но нужно было проверить. Вы точно настоящий. Надо спасти Дхуву, моего друга...

Толстяк привалился к стеклу витрины, закатил испуганные глаза и схватился за живот.

– Я полицию позову! – прохрипел он.

– Какую полицию? – Бретт повел вокруг рукой. – Тут ни одной патрульной машины. Вы когда-нибудь видели эту улицу такой безлюдной?

– По средам, во второй половине дня, – сипло ответил толстяк.

– Пойдемте, я вам покажу. Тут одни пустышки. За этими стенами ничего нет...

– Где все люди? – простонал толстяк.

– Стены совсем тонкие, в четверть дюйма, – продолжал Бретт. – Идемте, сами увидите.

– Мне это не нравится, – сказал толстяк. Он был бледен, весь в поту. – Вы сумасшедший.

Что происходит? Почему так тихо?..

– Мы попробуем спасти Дхуву, это наш долг. Жел затащил его в яму...

– Отпустите, – простонал толстяк. – Мне страшно. Ну почему нельзя просто оставить меня в покое?

– Как же вы не понимаете? Жел поймал человека. В следующий раз он может явиться за вами.

– Никто за мной не явится! Я бизнесмен... уважаемый гражданин. Хожу в церковь, жертвую на благотворительность. И хочу только одного: чтобы ко мне не лезли.

Бретт отпустил руку толстяка и окинул его взглядом: рыхлое бледное лицо, влажный лоб, дрожащие брови. Толстяк нагнулся за своей шапкой, похлопал ею по ноге, нахлобучил на голову.

– Кажется, я понимаю, – сказал Бретт. – Вы правда здесь свой, эта имитация города – ваша среда обитания. Все тут приспособлено для ваших нужд – как в гостинице, так и везде. Куда бы вы ни направились, перед вами разворачивается сцена. Вы никогда не увидите жела, не раскроете тайну големов, потому что вас все устраивает. Вы не сделаете ничего неожиданного.

– Да, это так! Я законопослушный! Добропорядочный! Нелюбопытный! Не сую нос в чужие дела. Да и зачем совать? Отстаньте же от меня, наконец...

– Ну конечно, – кивнул Бретт. – Если я приведу вас туда и покажу, вы все равно не поверите глазам. Но сейчас вы не на сцене. Я вас с нее стащил...

Толстяк вдруг отбежал на несколько ярдов, потом обернулся посмотреть, не преследует ли его Бретт. И потряс пухлым кулаком.

– Видал я уже таких! – прокричал он. – Смутьянов!

Бретт шагнул в его сторону. Толстяк взвизгнул и пробежал еще пятьдесят футов, взмахивая лапами пиджака. Потом снова остановился – одинокий квадратный силуэт на пустой солнечной улице.

– Мы еще встретимся! – прокричал он. – Здесь есть на таких управа!

Толстяк одернул жилетку и пошел дальше по мостовой. Бретт проводил его взглядом и зашагал назад, к пустому зданию.

Осыпавшиеся от его удара куски стены лежали на прежнем месте. Он вошел в отверстие, заглянул в темную яму, попробовал прикинуть ее глубину. Не меньше ста метров. А может, и все полтора.

Он снял с плеча веревку, одним концом привязал ее к медной стойке и сбросил в яму. Размотавшись, веревка закачалась, и невозможно было понять, достиг ли конец горизонтальной тверди.

Больше нельзя тратить время на поиски помощника, надо действовать в одиночку.

Услышав шорох кожаных подошв по тротуару, Бретт вышел на белый солнечный свет. Из-за угла появился толстяк, съежился, увидев Бретта, а затем ткнул пальцем-сосиской и закричал, выпучив глаза:

– Вот он! Я же говорил, что он сюда пошел!

Показались двое полицейских в форме. Один увидел на боку у Бретта пистолет и положил ладонь на собственный.

– Не прикасайтесь к оружию, сэр.

– Я покажу! – сказал Бретт толстяку. Он наклонился и поднял обломок стены. – Видите? Просто скорлупа...

– Офицер, он пробил дыру в здании! – визгливо сообщил толстяк. – Он опасен!

Полицейский даже не покосился на пролом в стене.

– Сэр, вам придется проследовать с нами. Этот джентльмен написал заявление...

Бретт стоял, глядя блюстителю порядка в глаза. В бледно-голубые глаза на ничего не выражающем лице. Возможно ли, что это настоящий полицейский? Или его удастся свалить, как других големов?

– У парня мозги набекрень, – сказал толстяк. – Слышали бы вы, какой бред он нес! Смутьян! Таким место только за решеткой!

Полицейский кивнул:

– Нам тут нарушители порядка не нужны.

– Совсем молодой, – посетовал толстяк и вытер лоб широким носовым платком. – Трагедия! Но я не сомневаюсь, что вы сумеете с ним справиться.

– Сэр, отдайте оружие. – Полицейский протянул руку.

Бретт подскочил к нему и ткнул под ребра напряженными пальцами. Полицейский мгновенно окоченел, опрокинулся и остался лежать совершенно неподвижно, глядя в пустоту.

– Вы... Вы его убили! – прохрипел, пытаясь, толстяк.

Второй полицейский потянул из кобуры пистолет. Бретт прыгнул, вырубил его ударом по ребрам. И повернулся к толстяку.

– Я их не убил! Просто выключил. Они ненастоящие. Это всего лишь големы.

– Убийца! Посреди города, при свете дня!..

– Вы должны мне помочь! – закричал Бретт. – Неужели не видите! Вся эта сцена – импровизация! Им пришлось действовать второпях, чтобы устранить неожиданный фактор, то есть меня. Желы понимают: что-то не так, но не могут найти причину. И когда вы позвали полицию, желам пришлось...

Внезапно толстяк разразился слезами и упал на колени:

– Не убивайте меня!.. Умоляю, не убивайте...

– Вот же болван! – рявкнул Бретт. – Никто не собирается вас убивать. Идемте! Я покажу!

Он схватил толстяка за лацкан, заставил подняться на ноги и подтащил по тротуару к отверстии. Толстяк обмер, отшатнулся.

– Что это? Что это за место?

– Это то, о чем я вам талдычу! Город, в котором вы живете, – пустая скорлупа. Внутри зданий ничего нет. Тут все поддельное, реальны только вы и я. Есть еще третий, Дхува, я был с ним в кафе. Пришел жел, Дхува попытался бежать, жел его схватил. И теперь Дхува там, внизу.

– Я не один, – залепетал толстяк. – У меня друзья, клуб, деловые партнеры. Я застрахован. В последнее время часто думаю об Иисусе...

Он вырвался, крутанулся, кинулся к дверному проему. Бретт догнал, схватил за полу пиджака. Та оторвалась. Толстяк споткнулся о полицейского-голема, рухнул на четвереньки.

– Вставайте, черт бы вас побрал! – процедил Бретт. – Мне нужна помощь, и вы можете! – Он схватил толстяка и заставил подняться. – От тебя требуется всего ничего – постоять у веревки. Возможно, Дхува там без сознания, в одиночку мне его не вытащить. Если кто-нибудь подойдет... я желы имею в виду, – дайте знать. Свистните. Вот так. – Бретт свистнул. – А если у меня возникнут проблемы, сделайте что сможете. Держите... – Бретт хотел было отдать

толстяку револьвер, но передумал и вручил охотничий нож. – Хоть какая-то защита. Все, я полез.

Толстяк оцепенело наблюдал, как Бретт хватается за веревку и перебирается через край ямы. Бретт взглянул на его блестящее от пота лицо, на мокрые жгутики волос, зализанные поперек пятнистой лысины. Мало надежды, что толстяк не бросит свой пост, но и выбирать не приходится.

– Помните, – сказал Бретт, – мы пытаемся спасти настоящего человека, такого, как вы и я... не голема. Наш долг – помочь ему.

У толстяка дрожали руки. Он неотрывно смотрел на Бретта, облизывая губы. Бретт полез вниз.

Спуск поначалу давался легко, на неровной стене ямы хватало опор для ног. Встретился торчащий из нее конец гнилого бревна, под ним – кусок ветхой бетонной трубы диаметром два фута. Бретт преодолел уже десять футов. Наверху на фоне зубчатого отверстия в стене виднелась широкая фигура толстяка.

Затем пошла гладкая круча. Бретт миновал ржавый обрезок водопроводной трубы, осторожно перехватывая веревку руками. Если до самого дна не найдется ни одной опоры, трудненько будет возвращаться...

Внизу, футах в двадцати, он видел черную воду. То и дело ее пятнали всплески, это сыпалась потревоженная при спуске земля.

Вдруг ритмично завибрировала веревка. Ладонями Бретт явственно ощутил, что ее пилят... А в следующий миг полетел вниз.

Он шлепнулся спиной в маслянистую воду. Вокруг с продолжительным плеском упала веревка. Бретт встал, нашел ее конец. Лоснящиеся нейлоновые волокна были перерезаны острым ножом.

Добрых полчаса Бретт бродил по пояс в воде вдоль мокрой глинистой кручи. Высоко над головой в земляную стену упирались брусья тусклого солнечного света. Дхувы в этой яме не оказалось. Как и желов.

Он набрел на мокрое бревно, торчащее над поверхностью воды, повис на нем, передохнул. Кругом на черной глади покачивался хлам – пластмассовый пистолет, карточки с заявками для бриджа, сумка для гольфа. Выше в глиняной толще начинался тоннель, и вел он, как увидел Бретт, в такую же огромную яму. Бретту представился город, молчаливый и пустой, стоящий на гигантских сотах.

Бретт двинулся по тоннелю. Через час он пересек вторую яму. Теперь он держался за гранитный уступ прямо под тем местом, где исчез Дхува. Далеко наверху виднелась официантка в зеленом, она так и стояла истуканом на полоске линолеума.

Бретт смертельно устал, пока бродил в воде и месил ногами раскисшую землю. Похоже, спасти рыжего беднягу невозможно, как и выбраться отсюда самому. Ох и свалил же он дурака, доверившись толстому идиоту и оставив его наверху с ножом... Но ведь и правда не было выбора.

Придется искать путь наверх. Что толку бродить по дну ямы? Он прямо сейчас и начнет.

Бретт отступил на несколько шагов и осмотрел вздымающуюся глиняную стену. В двадцати футах из торчащего обломка двухдюймовой трубы капала вода. Он снял с плеча веревку, соорудил петлю, раскрутил и бросил. Веревка с плеском упала в воду. Бретт собрал ее, сделал вторую попытку. Получилось с третьей. Он подергал – держит – и полез вверх. Тонкий нейлон был гладким, как стекло; мокрые, грязные руки скользили; Бретт зажимал веревку ступнями и продвигался дюйм за дюймом. Вот он съехал на два фута и снова упрямо двинулся вверх; опять сполз и опять с огромным трудом преодолел это расстояние...

Через десять футов в мокрой глине нашлась опора для ноги. Бретт отдохнул и двинулся дальше, преодолевая боль в измученных мышцах и стертых в кровь ладонях. А вот и путаница оборванных электрических проводов, можно повисеть на них и отдышаться. Поблизости в глине отверстие диаметром в два фута; если раскачаться, удастся, пожалуй, дотянуться до него. Стоит попробовать. Лезть вверх на онемевших, скользких от глины руках уже невозможно.

Он ухватился за веревку, оттолкнулся от стены, раскачался, зацепился ногой за край отверстия и запрыгнул... нет, правильнее сказать, ввалился в зев тоннеля. Сдернул веревку с трубы, смотал и повесил на плечо. И на четвереньках двинулся по узкому лазу.

Тоннель изогнулся влево, затем вправо; пошел под уклон, потом вверх. Бретт упорно полз, проминая ссаженными ладонями и коленями холодную жесткую глину.

Вот и второй тоннель, поуже; он ведет влево. Третий круто забирает вверх. Тот, по которому полз Бретт, расширился до трех футов, затем до четырех. Бретт встал и пошел согнувшись. Тут и там, едва видимые в полутьме, лежали притопленные в грязи вещи: посеребренная ложка с погнутой ручкой, ржавый моторчик от детского электровоза, миниатюрный радиоприемник, зеленый из-за сгнивших и лопнувших батареек.

Вдали – по прикидкам Бретта, в сотне ярдов от ямы – тоннель выводил в огромную пещеру, освещаемую зеленоватым сиянием круглых матовых окошек, вмурованных в высокий потолок. Ряд серых бетонных свай, сплошь в выбоинах и трещинах, опоры стоявшего наверху здания, пересекал пещеру от края до края. Между Бреттом и этими сваями пол был усеян палками и камнями, они бледно отсвечивали в полумраке.

Бретт двинулся вперед. Под ногой хрустнула палка. Он пнул камень размером с дыню. Тот легко откатился и замер, уставившись на него пустыми глазницами. Человеческий череп.

В этой пещере легко поместился бы городской квартал. Пол сплошь покрыт человеческими костями, тут и там виднеется кошачий скелет или клыкастая собачья челюсть. Непрестанно шуршат крысы, снующие в грудных клетках, сидящие на черепах, пробегающие по берцовым костям. Бретт осторожно пробирался, перешагивая через ожерелья из фальшивого жемчуга, колечки с цирконом, пластмассовые пуговицы, слуховые аппараты, тюбики губной помады, корсеты, протезы, резиновые каблуки, часы наручные, часы лацканные, часы карманные с истлевшими медными цепочками.

Впереди Бретт увидел бледно-желтое пятнышко. И побежал к нему, спотыкаясь о костяки, хрустя линзами очков.

Тот, к кому он спешил, неподвижно лежал лицом вниз. Бретт осторожно опустился на корточки, перевернул его на спину. Дхува. Бретт похлопал по холодным запястьям, помассировал влажные кисти. Дхува зашевелился, слабо застонал. Бретт усадил его и зашептал:

– Очнись! Да очнись же!

У Дхувы затрепетали веки. Глаза открылись и непонимающе уставились на Бретта.

– В любую минуту могут вернуться желы, – прошептал тот. – Надо выбираться отсюда. Идти сможешь?

– Я его увидел, – слабым голосом сообщил Дхува. – Но он такой быстрый...

– Сейчас не опасно, – сказал Бретт, – желов поблизости нет. Но могут вернуться. Надо найти выход!

Дхува вздрогнул и заозирался.

– Где я? – спросил хрипло.

Бретт схватил его за руку, заставил подняться.

– Мы в вырытой ими пещере, – объяснил он. – Под городом подземный лабиринт, огромные ямы соединены тоннелями. Надо найти тоннель, который ведет к поверхности.

Дхува оглядел усеянное костями пространство.

– Он решил, что я мертв, и бросил меня здесь.

– А может, намеренно оставил умирать, – предположил Бретт.

– Сколько же их тут! – ахнул Дхува. – Сотни... тысячи...

– Похоже, все население города. Должно быть, эти твари таскали сюда жителей по одному.

– Но какой в этом смысл?!

– Не терпят вмешательства в сцену. Дхува, не об этом сейчас надо думать, а о том, как выбраться. Пошли. Я видел тоннели на той стороне.

Они пересекли широкий пол, обходя белые кости, слыша шорохи крыс. Достигнув противоположной стены пещеры, выбрали шестифутового диаметра тоннель, полого идущий кверху. Из темного зева бежала струйка воды.

– Нужно найти оружие против желов, – сказал Бретт.

– Зачем? Я не собираюсь с ними воевать, – проговорил Дхува тонким от страха голосом. – Я хочу убраться отсюда... Лучше уж в Уэвли вернуться... Даже предстать перед герцогом.

– А ведь раньше это был настоящий город, – сказал Бретт. – Желы захватили его, вытопили дома, изрыли под ним землю, перебили людей и вместо них расставили кукол. Никто и не заметил, как это случилось. Я встретил человека, который тут прожил всю жизнь. Он ничего не знает! Но мы-то знаем... И мы должны как-то с этим разобраться.

– Не наше дело! С меня хватит. Я хочу домой...

– Желы наверняка прячутся внизу, где-то в лабиринте. По какой-то причине стараются сохранять видимость... но не для всех, а только для здешних. Ради того толстяка разыгрывают сценки, куда бы он ни пошел. А он никогда не пойдет туда, где его не ждут.

– Мы как-нибудь переберемся через стену, – сказал Дхува. – Клянусь Гратом, лучше от голода окочуриться на сухих полях...

Из тоннеля они вышли в угольный бункер, одолели перекошенную дверь и очутились в бойлерной. Отсюда вела к солнечному свету лестница. На улице, в тени высоких зданий, стоял у тротуара приземистый седан. Бретт подошел к нему, нажал на ручку – дверца открылась. С замка зажигания свисали ключи. Он забрался на пыльной сиденье.

Раздался хриплый крик. Бретт посмотрел в зеркало заднего вида и увидел через грязное стекло могучего жела, вздыбившегося перед Дхувой.

– Дхува, не шевелись! – выкрикнул Бретт.

Тот замер, вжавшись в почерневший кирпичный фасад. Жел стоял в нерешительности, его поверхность рябила, бликовала.

Бретт выбрался из машины. Он стоял на мостовой в пятнадцати футах от жела. Волнами набегал мерзкий смрад. Сквозь водянистую фигуру виднелась белое от ужаса лицо Дхувы.

Бретт молча откинул защелку и поднял старомодный капот. От картера к фильтру-отстойнику тянулась кривая медная трубка топливопровода. Крепежный винт с рифленой головкой открутился легко, стеклянный стакан отстойника упал на ладонь. Янтарный струйкой потек бензин. Бретт снял с себя мокрый пиджак, скомкал и затолкал под струю. Глянул через плечо: Дхува ни жив ни мертв, а жел колышется над ним в нерешительности.

Пиджак напился бензином. Бретт нашарил в кармане спички. Мокрые! Проклятье! На глаза попался аккумулятор, заключенный в ржавую раму. Бретт приткнул возле него пиджак, на мягкие свинцовые клеммы положил револьвер. Треск, вспышка; на ткани пляшут желтые, с черными каемками гари огоньки.

Бретт ухватился за рукав, крутанул пиджак над головой. Огромный жел, привлеченный резким движением, кинулся к нему. Бретт швырнул горящую одежду в монстра и отскочил в сторону.

Тварь обезумела. Она поникла, забилась, заплескалась на мостовой. Горящий пиджак отлетел в сторону. Жел бросился в сточную канаву, с ног до головы обдав Бретта грязной водой. Краем глаза тот увидел, что Дхува схватил пиджак и закинул его в канаву, куда уже успел натечь бензин. Пламя взметнулось на двадцать футов, в его середине метался и корчился жел.

Содрогнулся старинный автомобиль – в него врезалось агонизирующее чудовище. Клубился черный дым; вонь была невыносимой. Бретт отступил, кашляя. Вокруг передка машины ревело пламя, на металле вспучивалась и сгорала краска. Лопнула камера.

Жел распластался, подергался в последних судорогах и застыл черной кучей расплавленной резины.

– Они тут везде прорыли ходы, – сказал Бретт. – Силовые кабели, водопроводные трубы, бетон, сталь, земля – все съедено начисто. Остались только оболочки, удерживаемые тонкой, как паутина, арматурой. Но как-то желы ухитряются подавать воду и электричество, куда им нужно...

– Мне твои теории неинтересны, – сказал Дхува. – Я хочу только убраться отсюда.

– Сначала надо сделать дело, и мне нужна твоя помощь.

– Нет.

– Значит, постараюсь управиться в одиночку. – Бретт отвернулся.

– Постой, – спохватился Дхува и догнал Бретта. – Я же перед тобой в долгу, ты мне жизнь спас. Не могу тебя одного опустить. Но если не одолеем их... или просто не найдем...

– Тогда выберемся из города.

Они свернули в боковую улицу и прибавили шаг. На следующем перекрестке Бретт указал:

– Вот она.

Они бегом приблизились к автозаправке. Бретт подергал дверь – заперта. Он ударил ногой, расщепил дерево вокруг замка. Заглянул внутрь и произнес:

– Не здесь. Проверь следующий дом, а я загляну в тот, что сзади.

Он пересек широкую площадку, вышиб дверь, осмотрел устланный стружкой пол. Тот обрывался в десяти футах от двери. Бретт подошел к его краю, заглянул вниз. В яме футах в сорока наискосок располагалась цистерна емкостью пятьдесят тысяч галлонов. Она удерживалась на постаменте из слоистой глины, армированной сброшенным желами хитином, и из нее торчали шестифутовые обрезки шлангов, по которым когда-то подавался бензин к заправочным колонкам. С того места, где стоял Бретт, невозможно было определить, есть ли на этих шлангах заглушки.

В темной противоположной стене появился яркий прямоугольник. В дверном проеме стоял Дхува и глядел на Бретта.

– Дхува, иди сюда!

Бретт разматал веревку, сделал скользящую петлю, прикинул на глаз расстояние, бросил. Петля шлепнулась на верх цистерны, затянулась на массивном патрубке. Бретт разбил оконное стекло, привязал другой конец веревки к средней стойке рамы. Подошел Дхува, посмотрел, как Бретт приближается к краю ямы, обвивает веревку ногами и сползает к цистерне.

Подметки звонко ударились о железо. Бретт утвердился на цилиндре диаметром шесть футов, добрался до его торца, спустился к двум двухдюймовым шлангам. Проверил их упругость, улегся животом, съехал. Они оказались заглушены – твердым веществом наподобие воска. Бретт потыкал в воск стволом револьвера, посыпались крошки. Поработав пятнадцать минут, он получил тонкие струйки бензина. Еще через две минуты в темную глубину ударили мощные потоки.

Бретт и Дхува обложили канистру тряпьем, пропитали его бензином, а сверху навалили палок, бумаги, стружки и кусков угля. Веревка, по-прежнему привязанная к оконной раме, удерживала теперь полусвешенную над обрывом детскую тележку, на металлическом дне которой лежала кучка горючего материала.

– Веревка перегорит за четверть часа, – сказал Бретт. – Потом тележка опрокинется, головешки полетят в бензин. Он к этому моменту растечется по всему дну ямы и проникнет по тоннелям в другие части лабиринта.

– Но вряд ли выжжет его целиком.

– Ну хотя бы часть желов подохнет. Это все, что мы можем сейчас.

Дхува принялся:

– Знакомый флюид, – сказал он. – У нас в Уэвли он называется флогистоном. Богатые на нем мясо жарят.

– А мы на нем поджарим желов.

Бретт чиркнул спичкой, и под веревкой заплясал огонек. Дхува неловко взял спичку и коробок, зажег костер в тележке. Несколько секунд они постояли, наблюдая. Нейлон пузырился и чернел.

– Пожалуй, нам пора, – сказал Бретт. – Насчет четверти часа я погорячился.

Они вышли на улицу. Позади из дверного проема повалили клубы дыма. Дхува схватил Бретта за руку:

– Гляди!

В полуквартале толстяк шествовал к ним во главе группы людей, одетых в серую фланель.

– Это они! – взвизгнул толстяк. – Те, о ком я вам говорил! Я знал, что негодяи вернуться!

Он укоротил шаг, опасливо глядя на Бретта и Дхуву.

– Вам лучше убратся отсюда, да побыстрее, – посоветовал Бретт. – Через несколько минут рванет...

– Дым! – заорал толстяк. – Огонь! Они подожгли наш город!

Он побежал к двери, из которой валил дым.

Бретт выхватил из кобуры револьвер, взвел курок.

– А ну стоять! – рявкнул он. – Я же ясно сказал: бегите отсюда! Мне плевать на эту толпу големов, но я не желаю смерти настоящему человеку, даже такому трусу, как вы.

– Они добропорядочные граждане! – прохрипел толстяк, уставившись на револьвер. – Вам это с рук не сойдет! Здесь теперь все вас знают! Нигде не спрячетесь!

– Мы уходим. И вы с нами.

– Всех не перестреляете. – Толстяк нервно облизал губы. – Мы вам не позволим уничтожить город.

Как только он повернулся к спутникам, чтобы отдать приказ, Бретт открыл огонь. Три голема повалились ничком. Толстяк развернулся, как ужаленный.

– Дьявол! – взвизгнул он. – Убийца! – И ринулся вперед с разинутым ртом.

Бретт уклонился, сделал подсечку. Толстяк впился физиономией в мостовую, а големы устремились в атаку.

Бретт и Дхува били, целясь под ложечку, и сами получали неуклюжие удары в плечо, спину, грудь. Големы падали. Бретт уклонился от размашистого свинга, уложил противника, повернулся и увидел, что Дхува расправляется с последней куклой. Толстяк сидел на мостовой и зажимал окровавленный нос. На его голове чудом удержалась панама.

– Вставайте, – приказал Бретт. – Времени не осталось.

– Вы их убили! Убили всех!..

Толстяк поднялся на ноги, повернулся и кинулся к двери, из которой валил дым. Бретт поймал его, оттащил. Они с Дхувой поволокли упирающегося горожанина прочь. Когда миновали квартал, пленник внезапно мощным рывком высвободился и помчался обратно к горящему дому.

– Оставь его! – прокричал Дхува. – Поздно возвращаться!

Толстяк перепрыгнул через поверженных големов, поборолся с дверью и исчез в дыму. Бретт и Дхува припустили к перекрестку. Как только свернули, улицу сотряс чудовищный взрыв. Перед ними заколыхалась мостовая, в ней образовалась трещина. Десятифутовой ширины кусок улицы исчез из виду.

Они обогнули провал и побежали дальше, шарахаясь от фасадов, а те один за другим растрескивались и тонули в тучах пыли. Улицу сотряс второй взрыв. По всей ее длине разбежались трещины, из них била пыль. Вокруг сыпались куски стен. Бретт и Дхува бежали, опустив голову.

Запахавшись, они перешли на шаг. Улицы были пусты, за спиной дым чернил небо. Кругом летали головешки. Ветер приносил зловоние горелых желов. На мостовую лилось предвечернее солнце. Впереди застыл, привалившись к фонарному столбу, одинокий голем в феске с кисточкой, давешний участник парада; его глаза были пусты. На подъездных дорожках стояли машины без водителей и пассажиров. Высилась на фоне заката заброшенная телевизионная башня.

– Вон там вроде есть жилыцы, – указал Бретт на открытое окно многоквартирного дома с занавеской, полощущейся над горшком с геранью. – Я проверю.

Он вернулся, разочарованно качая головой:

– Все в гостиной, перед телевизором. И так естественно выглядят... Но хоть бы один шелохнулся, когда я вошел и выключил «ящик». А электричество все еще поступает. Интересно, надолго ли его хватит?

Они свернули на улицу богатого квартала. Мостовая под ногами затряслась от далекого взрыва. Обогнув трещину, Бретт и Дхува пошли дальше. Время от времени им попадались големы – кто стоял в неуклюжей позе, кто лежал на тротуаре. Один, в черной сутане, замер, прислонившись к лепнине готической арки.

– Похоже, в ближайшее воскресенье службы в церкви не будет, – сказал Бретт.

Он остановился перед домом из красного кирпича. На чаклую лужайку текла вода из брошенного шланга. Бретт задержался у двери, послушал, затем вошел. Посреди комнаты в кресле-качалке неподвижно сидела женщина. Сквозняк шевелил прядку на гладком лбу.казалось, что-то промелькнуло на морщинистом лице. Бретт подбежал:

– Не бойтесь! Пойдемте с нами...

И осекся. Колышущиеся шторы бросали беспощадные тени на неподвижное лицо голема, уже успевшее покрыться пылью.

– Все до одного, – сказал Бретт, вернувшись. – Как фигурки, вырезанные из бумаги. Когда издохли желы, пришел конец и их куклам.

– Но почему? Что все это значит?

– Что значит? – повторил Бретт и покачал головой. – Да ничего не значит. Просто таков этот мир.

Бретт сел в бесхозный кадиллак, включил радио.

– Кто-нибудь меня слышит? – жалобно спросил динамик. – Говорит Аб Гуллориан из Шпилей-Близнецов. – Кажется, только я один и остался. Кто-нибудь меня слышит?

Бретт покрутил ручку настройки.

– ...Задаваться нелепыми вопросами, когда близится Финальное Событие... Да, братья мои, дела нынче творятся странные, но разве мы спрашиваем, почему распустились цветы? Внимая симфонии, ищем ли мы в ней смысл?..

Бретт снова тронул ручку.

– ...Канзас-Сити. Нас не больше полудюжины. А трупов-то, трупов! Они тут повсюду. И вот что интересно: когда док Поттер делал вскрытие...

Бретт перешел на другую волну.

– Всем станциям... Всем станциям... Всем станциям... Говорит Холлип Куэйт... Всем станциям... В Порт-Вандерласте катастрофа. Нам нужна...

– Впустите в ваши сердца Иисуса, – призывала следующая станция.

– ...Базу, – еле слышно прозвучало сквозь помехи. – Лунная обсерватория вызывает базу. Отзовитесь. Это командер Макви из Лунного отряда. Единственный выживший...

– Алло, Холлип Куэйт? Холлип Куэйт? Это Канзас-Сити. Где, ты говоришь, катастрофа?..

– Похоже, у нас с тобой уйма ошибочных представлений об окружающем мире, – сказал Бретт. Такое впечатление, что большинство станций вещают с Марса.

– Не понимаю, откуда звучат эти голоса, – сказал Дхува, – но названные места мне незнакомы... кроме разве что Шпилей-Близнецов.

– А я слышал про Канзас-Сити, – сказал Бретт. – И только.

Задрожала земля, накатил глухой рокот.

– Опять!.. – Бретт выключил радио и провернул ключ в замке зажигания.

Стартер застонал, заскрежетал. Двигатель покашлял, потрясся и заработал ровно.

– Садись, Дхува. В какую сторону надо ехать, чтобы выбраться отсюда?

– Стена вон там, – указал Дхува. – А где ворота, не знаю.

– Нам бы хоть до стены добраться, – решил Бретт. – Скоро тут все рухнет. Заварили мы с тобой кашу... Должно быть, рванули и другие закопанные цистерны, а заодно и газопроводы.

Здание впереди покрылось трещинами и превратилось в груды гипсового щебня. Автомобиль запрыгал – по улице бежала рябь ударной волны. Подскочила крышка канализационного люка, с грохотом откатилась на несколько футов, исчезла в трещине. Бретт отчаянно выкрутил руль, газанул. Кадиллак с ревом несся по усеянной обломками мостовой.

Бретт посмотрел в зеркало заднего вида. Там в конце квартала оборвалась улица, из огромной ямы вздымались пыль и дым.

– Чудом проскочили, – сказал он. – Далеко еще до стены?

– Рядом! Сворачивай!..

Машина с визгом покрышек влетела в поворот. Впереди выросла стена – серая, глухая.

– Тупик! – воскликнул Бретт.

– Надо бросать машину! И бежать! Может, найдем...

– Поздно! Идем на таран!

Дхува съезжился, скрипя зубами. Бретт вдавил до упора педаль акселератора и погнал прямо на стену. Тяжелая машина стремительно преодолела последние ярды, врезалась...

...И прорвалась сквозь полотно на сухое поле.

Бретт развернул кадиллак по широкой дуге и остановил. Прилетела обугленная панاما, приземлилась среди стеблей. Над тканевой стеной клубился густой дым. Воздух был насыщен смрадом.

– Похоже, конец желям, – сказал он.

– Не знаю... Гляди-ка!

Бретт повернул голову. Вдали за полем качались столбы дыма.

– Все тут изрыли, – сказал Бретт. – Интересно, докуда достают их норы?

– Поди угадай... Лучше свалить отсюда. Надеюсь, можно уехать за край лабиринта. Хотя разве это теперь важно? Ведь только мы и остались от...

– Говоришь, как тот толстяк, – перебил Дхуву Бретт. – Ну почему мы должны бояться правды? Ведь не знаем, как все обстоит на самом деле, лишь верим в то, что нам рассказали. В Луну, в другое полушарие, в далекий город... или даже в соседний город. Почему мы убеждены, что все это существует? Не побывав там, не увидев своими глазами? Разве знает аквариумная рыбка, каков океан?

– Откуда они взялись, эти желы? Какую часть мира уже успели захватить? Что с моим Уэвли? Там тоже теперь одни големы? А герцог? И все, кого я знаю?

– Нет у меня, Дхува, ответа на твои вопросы. Как и на мои собственные, о жителях Каспертона. Взять, к примеру, доктора Уэлча. Сколько раз я видел его на улице и всегда был убежден, что его черный чемоданчик набит пилюлями и скальпелями. А что, если на самом деле там хвосты зебр и жабы глазки? Может, он колдун и идет заклинать демонов? Может, люди

спешат по утрам к автобусной остановке вовсе не для того, чтобы не опоздать в свои конторы? Может, они спустятся под землю – и давай подгрызать фундамент мироздания? Или заберутся на крыши, наденут радужные наряды и улетят? В Каспертоне я часто проходил мимо банка, большого здания из серого камня с наглухо зашторенными окнами первого этажа. Но ни разу не побывал внутри. Не возникало такой необходимости. Всегда думал, что там полно клерков, ведутся финансовые операции... А теперь вот сомневаюсь. Там может быть все, что угодно...

– Вот и я этого боюсь, – вздохнул Дхува. – Может быть все, что угодно.

– Не знаю, кого мы встретим, вернувшись домой. Тетя Хейси, Красотка Ли... Но есть только один способ проверить.

Автомобиль, подпрыгивая на ухабах, катил на запад, а позади к озаренному луной небу поднималась густая пыль.

Звездные мошенники

Перевод О. Степашикиной

1

Клайд В. Снитиан походил на белоголового орлана: темные глаза, изрядное брюшко, крупные выразительные руки торговца коврами, покатые плечи, просторный плащ. Красноватые глазки, устремленные на Дэна Слейва – на потрепанные в дороге шесть футов один дюйм, – помаргивали.

– Келли сказал, что вы очень хотели видеть меня. – Он кивком указал на стоящего рядом с ним краснолицего мужчину. Голос у него был пронзительный, как скрип требующего смазки металла. – Что у вас есть какая-то важная информация относительно моих картин.

– Совершенно верно, мистер Снитиан, – сказал Дэн. – Кажется, я могу быть вам полезен.

– Чем это полезен? Если вы собрались меня обмануть... – Красные глазки впились в Дэна, как раскаленные пики.

– Ну что вы, сэр! Просто я знаю, что у вас тут отличная охранная система – об этом пишут все газеты...

– Проклятые сплетники! Охотники за сенсациями! Если бы не пресса, мне бы сейчас не приходилось беспокоиться за мои картины!

– Конечно, сэр. Но я хотел отметить, что один очень важный аспект охраны был упущен.

– Эй, минуточку!... – начал было Келли.

– Это какой еще? – перебил его Снитиан.

– Ваш дом и усадьбу дено и ношно охраняют сто пятьдесят человек...

– Двести двадцать пять! – рявкнул Келли.

– И ни одного из них нет в хранилище картин, – договорил Слейв.

– Конечно нет! – взвизгнул Снитиан. – Зачем мне ставить кого-то в хранилище? Оно и так под постоянным наблюдением снаружи, из коридора!

– Картины Харримана украли из запертого хранилища, – сказал Слейв. – На двери была пломба, она осталась нетронутой.

– Клянусь всеми святыми, он прав! – воскликнул Келли. – Может, нам и правда стоит взять под охрану само хранилище.

– Еще один идиотский способ растраты моих денег впустую! – огрызнулся Снитиан. – Я нанял обеспечивать безопасность вас, Келли! Хватит нести чушь! И вышвырните этого недоумка!

Снитиан развернулся и зашагал прочь. Плащ хлопал его по коленям.

– Я не прошу много за работу! – крикнул Дэн вслед боссу, когда Келли взял его за руку. – Я люблю искусство!

– Не бери в голову, – сказал Келли, ведя Дэна по коридору. Он свернул вместе с Дэном в кабинет и закрыл дверь. – Старый скряга сказал правду: здесь я отвечаю за безопасность. Если эти картины исчезнут, моя работа исчезнет вместе с ними. Твоя идея насчет хранилища неплоха. Так немного – это сколько?

– Сто долларов в неделю, – поспешно сказал Дэн и добавил: – Плюс расходы.

Келли кивнул:

– Я возьму у тебя отпечатки пальцев и быстренько проверю через агентство. Если все чисто, выйдешь сегодня же в ночь. Но чтобы помалкивал.

Дэн оглядел серые стены. Вдоль них от пола и до низкого потолка протянулись полки со свернутыми картинами. Две трехсотваттные лампочки заливали ярким белым светом кафельный пол, чистенький белый холодильник, койку, кресло, книжную полку и небольшой стол с бумажными тарелками, пластиковыми столовыми приборами и портативным радиоприемником – все это было спешно доставлено по распоряжению Келли. Дэн открыл холодильник и посмотрел на лежащие там салями, ливерную колбасу, сыр и пиво. Он достал буханку хлеба, соорудил солидный сэндвич и открыл пивную банку.

Не роскошно, но сгодится. Первая часть плана прошла без сучка без задоринки.

По сути своей его идея была проста. Коллекции произведений искусств исчезали из тщательно охраняемых галерей и домов по всему миру. Очевидно, что никто не способен войти в запертое хранилище, взять там кипу больших полотен и выйти, не будучи замечен бдительной охраной – и оставив за собой целехонький замок.

Однако картины исчезли. Кто-то побывал в этих хранилищах – кто-то, не входивший туда обычным путем.

В этом месте теория давала сбой; значит, оставалось экспериментировать. Коллекция Снитигана самая большая к западу от Миссисипи. На такую приманку воры просто не могут не прийти. Если Дэн будет сторожить дено и нощно, он увидит, как они действуют.

Он доел сэндвич, подошел к полкам и достал завернутый в коричневую бумагу рулон. Развязав бечевку, извлек картину. Это было написанное яркими красками кафе на открытом воздухе; группа мужчин и женщин в нарядах веселых девяностых сидела за столом. Дэн вроде что-то читал об этом в журнале. Жизнерадостная картина понравилась Дэну. Но все равно казалось, что она не стоит затраченных усилий.

Он подошел к стене и щелкнул выключателем. Оранжевое свечение нитей накала погасло, остался лишь слабый свет ночника у двери. Когда воры появятся, у Дэна будет небольшое преимущество, прежде чем их глаза привыкнут к полумраку. Дэн на ощупь пробрался к койке.

Пока что порядок, подумал он, вытягиваясь во весь рост. Когда они заявятся сюда, нужно будет действовать безошибочно. Если спугнет, второго шанса не будет. И он потеряет все, что может дать его открытие.

Но он наготове. Пускай приходят.

Восемь часов, три сэндвича и шесть банок пива спустя Дэн вдруг очнулся от дремоты и сел на койке. Между ним и заполненным стеллажом прямо в воздухе возникло неяркое свечение. Внезапное явление, как понял затаивший дыхание Дэн, представляло собой ажурную клетку, размером и формой походящую на каркас сельского туалета. В сооружении виднелись два силуэта, чопорно восседающие на обозначенных лишь контурами стульях. Светились они даже ярче, чем рама.

Тишину разорвал негромкий звук – затихающий визг. Клетка дернулась и двинулась к полу. Вспыхнули длинные розовые искры, затрещали, заполнили уменьшающуюся щель. С металлическим скрежетом клетка утвердилась на полу. Люди-привидения потянулись к прозрачным переключателям...

Свет погас.

Дэн осознал, что его сердце больно бьется в ребра. Во рту пересохло. Все шло в соответствии с его планом, но теперь, когда тот начал воплощаться в жизнь...

Ладно. Дэн набрал побольше воздуха в грудь, припоминая речь, приготовленную для такого случая.

«Приветствую вас, гости из будущего...»

Нет, плохо. Не хватает спонтанности. Гости поднялись, стоя спиной к Дэну, и вышли из своего сооружения. Теперь в тусклом свете оно выглядело всего лишь грубо склепанной клеткой из железных трубок, с гроздью рычагов на пульте перед двумя сиденьями. И выглядели

воры довольно заурядно: мужчины в серых комбинезонах. Один худощавый, с залысинами, второй пониже, круглолицый. Они не заметили застывшего на койке Дэна. Худой поставил на стол фонарь и повернул ручку. Вспыхнул мягкий свет. Посетители посмотрели на забитые полки.

– Похоже, старикан все сделал правильно, – сказал тот, что пониже. – Олух будет доволен.

– Весьма аппетитная партия товара, – отозвался его спутник. – Однако нам лучше потопиться, Перси. Сколько осталось времени на циферблате?

– Полно, – пробурчал Перси. – Минимум четверть часа.

Худой развернул картину:

– А, Плотц! Великолепен. Почти равен Пикассо в его лиловый период.

Перси порывлся на стеллаже.

– Ну вот, опять, – проворчал он. – Нет нюдовых дам. Я люблю нюдовых дам.

– Да ты только взгляни, Перси! Уже одни текстуры!..

Перси посмотрел.

– Да, неплохое использование объемов, – согласился он. – Но все-таки я предпочитаю нюдовых дам, Фиорелло.

– А вот это! – Фиорелло поднял следующее полотно. – Посмотри, как этот гей играет насыщенными оттенками коричневого!

– Я видал коричневый понасыщеннее на Тридцать третьей улице, – сказал Перси. – Он был очень популярен у воробьев.

– Перси, иногда мне кажется, что твои чаяния...

– Это ты о чем? Я, вообще-то, пользуюсь дезиком. – Перси повернулся, чтобы положить картину в клетку, заметил Дэна и обомлел.

Картина упала на пол. Дэн встал и кашлянул:

– Гхм...

Перси охнул:

– Подстава!

– Я... э-э... ждал вас, джентльмены, – сказал Дэн. – Я...

– Говорил же я тебе, что нельзя доверять типу с девятью пальцами на каждой руке! – хрипло прошептал Фиорелло. Он подвинулся поближе к товарищу. – Надо валить, Перси.

– Погодите минутку, – сказал Дэн. – Пока вы не сделали ничего опрометчивого...

– Лучше не начинай, малый, – с опаской сказал Перси. – Мы знаешь какие крутые парни, если нас довести?

– Я хочу поговорить с вами, – не унимался Дэн, игнорируя угрозу средней тяжести. – Видите ли, эти картины...

– Картины? Это какая-то ошибка. Слушай, мы просто искали уборную.

– Полно, Перси, – оборвал его Фиорелло. – Похоже, где-то утечка.

Дэн покачал головой:

– Никакой утечки. Я просто логически вычислил...

– Слушай, Фиорелло, – сказал Перси. – Хочешь болтать – болтай без меня, я намерен быстренько смыться.

– Не торопись, Перси. Ты же знаешь, где окажешься.

– Подождите! – крикнул Дэн. – Я хочу заключить сделку!

– Ага! – рывкнул откуда-то голос Келли. – Так я и знал! Слейн! Ах ты, мошенник!

Дэн принялся лихорадочно оглядываться. Кажется, голос исходил из динамика. Должно быть, Келли решил подстраховаться.

– Мистер Келли, я могу все объяснить! – крикнул Дэн. Он повернулся к Фиорелло. – Послушайте, я вычислил...

– Неглупо! – прорычал Келли. – Кража, совершенная своими! Но у сопляка вроде тебя кишка тонка одурачить старую гвардию вроде Эда Келли!

– Возможно, ты был прав, Перси, – сказал Фиорелло. – Осложнения нарастают. Нам лучше отбыть со всей возможной поспешностью. – Он двинулся к клетке.

– А как насчет этого типа? – Перси ткнул пальцем в сторону Дэна. – Он знает о нас!

– С этим ничего не поделаешь.

– Послушайте, я хочу с вами! – крикнул Дэн.

– Еще бы тебе не хотеть! – взревел Келли. – Еще минута – и дверь откроется, и я вас всех схвачу за шкуру! Что, пробрались сюда подземным ходом, да?

– Вы не можете пойти с нами, мой дорогой друг, – сказал Фиорелло. – Здесь есть место лишь для двоих.

Дэн резко развернулся к койке и схватил пистолет, который ему выдал Келли. Он навел оружие на Перси.

– Вы остаетесь здесь, Перси! А я сажусь с Фиорелло в машину времени!

– Ты что, чокнулся? – возмутился Перси.

– Я польщен, дорогой мой, – сказал Фиорелло, – но...

– Поторапливайся. Келли откроет замок через минуту.

– Вы не можете оставить меня здесь! – захлебываясь, выкрикнул Перси, когда Дэн забрался в клетку вместе с Фиорелло.

– Мы пришли за тобой, – сказал Дэн. – Поехали, Фиорелло.

Лысеющий мужчина вдруг схватился за пистолет. Дэн принялся бороться с ним. Пистолет упал, проехался по полу клетки и отлетел в дальний угол хранилища. Перси ринулся вперед, пытаясь схватить Дэна; тот увернулся; локоть Фиорелло прилетел Перси в зубы. Перси отлетел прямиком в руки Келли, который ворвался в хранилище, багровый от гнева.

– Перси! – вскричал Фиорелло и, выпустив Дэна, кинулся на помощь своему компаньону. Келли передал Перси одному из трех полицейских, толпившихся у него за спиной. Фиорелло схватился с Келли, Дэн вцепился в каркас. Он заметил, что один из полицейских протолкнулся мимо дерущихся и ломанулся поучаствовать в аресте. Дэн схватился наугад за какой-то рычаг и дернул.

Внезапно стало тихо; все стены засветились голубым. Призрачный Келли скакал перед клеткой, светясь сине-фиолетовым. Дэн с трудом сглотнул и дернул второй рычаг. Клетка погрузилась в пол, словно лифт; ее бока окатило ярко-голубым.

Дэн поспешно дернул рычаги обратно. Управлять машиной времени – дело сложное. Одна небольшая ошибка – и молекулы Слейна смешаются с частицами кирпича и известки.

Но сейчас нельзя осторожничать. Все пошло совсем не так, как он планировал, но, в конце концов, именно этого он хотел – в некотором смысле. Машина времени у него в руках. А если он сейчас сдастся и приползет обратно в хранилище, Келли навесит на него все украденные за последнее десятилетие произведения искусства.

Не может быть, чтобы управлять было слишком уж трудно! Он принялся осторожно разбираться с рычагами...

Дэн глубоко вздохнул и попробовал следующий рычаг. Клетка плавно поднялась в жутковатой тишине. Она добралась до потолка и двинулась дальше. Дэн скрипнул зубами, когда восьмидюймовая светящаяся лента прошла через клетку. Потом он поднялся в просторную кухню. Окруженный голубым ореолом повар вразвалочку подошел к светящемуся холодильнику, заметил боковым зрением Дэна, выплывающего из пола, и попятился с отвисшей челюстью.

Клетка прошла через второе потолочное перекрытие. Дэн оглядел коридор с ковровой дорожкой.

Он осторожно выровнял рычаг высоты. Клетка остановилась в дюйме над полом. Насколько мог судить Дэн, он не отправился дальше чем на минуту ни в прошлое, ни в будущее.

Он осмотрел рычаги управления. Под одним должно быть написано «Вперед», а под другим «Назад», но все рычаги просто черные, без каких-либо обозначений. Дэн решил, что они выглядят как обычные размыкатели сети типа рубильника. На самом деле машина времени производила впечатление снасти, поспешно сляпанной из подручных материалов. Однако она работала. Пока что Дэн выяснил лишь, как маневрировать в обычных трех измерениях, но рычаг времени тоже должен быть где-то здесь...

Дэн боковым зрением заметил движение в дальнем конце коридора и обернулся.

Там появились голова и плечи девушки, поднимающейся по винтовой лестнице. Еще секунда – и она заметит Дэна и поднимет тревогу, а ему требуется немного тишины и спокойствия, чтобы разобраться с управлением. Он передвинул рычаг. Клетка плавно поплыла в сторону и прошла через стену во вспышке ярко-голубого света. Дэн вернул рычаг на место. Теперь он очутился в чьей-то спальне: просторная комната, занавески с оборками, кровать с четырьмя столбиками, балдахин с цветочным узором, туалетный столик с зеркалом...

Дверь отворилась, и в комнату вошла та самая девушка. Она была юной. Не больше восемнадцати, подумал Дэн, – ну, насколько он мог судить с учетом голубого света, окружающего ее лицо. У нее были длинные волосы, перевязанные лентой, и длинные ноги красивой формы. Она была в шортах и несла в левой руке теннисную ракетку, а в правой – яблоко. Повернувшись спиной к Дэну и его клетке, она бросила ракетку на стол, откусила от яблока и принялась энергично расстегивать рубашку.

Дэн попытался передвинуть рычаг. Клетка поплыла к девушке. Другой рычаг. Он медленно поднялся. Девушка кинула рубашку на стул и расстегнула молнии по бокам шорт. Еще один рычаг. Клетка метнулась к внешней стене в тот самый миг, когда девушка потянулась расстегнуть лифчик...

Дэн моргнул от вспышки голубого света и посмотрел вниз. Он парил в двадцати футах над аккуратно подстриженным газоном.

Он посмотрел на рычаги. Вроде бы тот, первый в ряду, заставлял клетку двигаться вперед. Дэн попробовал передвинуть его и метнулся на десять футов вперед. Внизу на террасу вышел мужчина, закурил сигарету, сделал паузу и начал поднимать голову...

Дэн дернул рычаг. Клетка нырнула обратно в стену. Он очутился в скромной комнате с углублением в полу и широким окном с большим вазоном, наполненным светящимися синими растениями.

Дверь открылась. Даже в голубом цвете девушка выглядела изящной, словно лань. Она доела яблоко и спустилась во встроенную в пол ванну площадью добрых десять квадратных футов. Дэн затаил дыхание. Девушка отбросила огрызок, кажется, внезапно ощутила чужой взгляд, развернулась...

Рывком, швырнувшим Дэна на стальные прутья, клетка вынеслась сквозь стену на открытый воздух и помчалась дальше со скоростью, которая так и припечатала его к стене, совершенно беспомощного. Дэн нащупал какой-то рычаг, дернул за него. Ничего не изменилось. Клетка мчалась, поднимаясь все выше. Дэн увидел вдали на горизонте очертания города. Город приближался с пугающей быстротой. Высокое офисное здание уходило вверх на пятнадцать этажей. Дэн направлялся прямо к нему...

Он закрыл глаза, сжался...

Внезапно аппарат затормозил – так резко, что Дэн врезался в противоположную стенку, – прошел сквозь стену здания и резко остановился. Дэн, тяжело дыша, осел на пол. Раздался громкий щелчок, и свет погас.

Дэн торопливо выбрался из клетки. Он оглядел скромный кабинет в коричневых тонах; кабинет освещался лишь солнцем, проникавшим через искусно подобранные оконные жалюзи.

На стенах висели постеры, у двери стоял горшок с комнатным растением, рядом лежала груда картин в рамках, а в дальней части комнаты стоял письменный стол. Рядом же со столом...

2

Разинув от изумления рот, Дэн смотрел на голову размером с надувной пляжный мяч; голова сидела на торсе, смахивающем на стогаллонный пакет с водой. Два карих глаза, отстоящих друг от друга на восемь дюймов, с прищуром смотрели на Дэна. Здоровенные ручки, на которых было слишком много пальцев, распечатали и открыли большой пакет из коричневой бумаги, нырнули туда, а потом неспешно, один за другим закинули три орешка в зияющий рот, который распахнулся под карими глазами.

– Вы кто такой? – решительно зазвучал почти у пола бас.

– Я... Дэн Слейв, сэр.

– Что случилось с Перси и Фиорелло?

– Они... Я... Там был этот полицейский, Келли...

– О черт!.. – Карие глаза неспешно моргнули, многопальцевые руки закрыли пакет с орешками и сунули его в ящик стола. – Что ж, это была отличная афера, – сказал бас. – Жаль завершать такое прекрасное предприятие. Однако... – Широкий рот исторг нечто наподобие насмешливого фыркания.

– Как?.. Что?..

– Кабина возвращается сюда автоматически, когда заряд ниже критического уровня, – сказал тот же голос. – Необходимая мера для того, чтобы умники у меня на службе ничего не затеяли. Кстати, могу я спросить, как вы оказались в кабине?

– Я просто хотел... Ну, в смысле, после того как я догадался... Ну, там полиция... Я пошел за помощью, – нескладно изложил Дэн.

– За помощью? Увы, это исключено. Как вы понимаете, необходимо сохранять анонимность. В настоящий момент я действую здесь тайно. А какие-нибудь картины вы, случайно, не прихватили?

Дэн покачал головой. Он посмотрел на постеры. Теперь, когда его глаза привыкли к полумраку, он разглядел гротескное существо вроде жирафа, но с головой аллигатора, вздыбившееся над зеленой листвой. На следующем постере было изображено лицо, похожее на пляжный мяч над столом, только вокруг глаз красные круги. Следом шло изображение желтого вулкана, извергающего огонь в черное небо.

– Очень плохо.

Казалось, эти слова доносятся из-под стола. Прищурившись, Дэн разглядел свернувшиеся багряные щупальца. Гулко сглотнув, он поднял голову и встретился со взглядом карего глаза. Одного. Второй был занят – изучал потолок.

– Я надеюсь, – произнес все тот же голос, – что вам не свойственны расовые предрасудки.

– Нет, черт возьми, – заверил Дэн. – Я просто без ума от... э-э...

– Ворплищеров, – сказал голос. – От слова «Ворплиш» или «Вега», как ее называют тут у вас. – Снова послышалось фыркание. – Как давно я не видел родные болота! Сколько ни странствуй, нет ничего лучше дома.

– Кстати, я тут вспомнил, – сказал Дэн. – Мне пора идти.

Он бочком двинулся к двери.

– Оставайтесь, Дэн, – пророкотал голос. – Хотите выпить? Могу предложить вам шато-нёф-дю-пап урожая пятьдесят девятого года, романе-канти тридцать второго, козье молоко, пепси...

– Нет, спасибо.

– Если не возражаете, я, пожалуй, выпью «Биг оранж». – Ворплишер повернулся к маленькому холодильнику, достал здоровенную бутылку, оснащенную соской, и снова повернулся к Дэну. – Итак, у меня есть предложение, которое может вас заинтересовать. Потеря Перси и Фиорелло – это серьезный удар, но, возможно, мы еще можем исправить ситуацию. Вы появились в самый подходящий момент. Я тут подумал, что теперь, когда эти два клоуна сошли со сцены, у меня образовалась вакансия, которую вы могли бы занять. Как вам эта идея?

– Вы имеете в виду, чтобы я взялся управлять машиной времени?

– Машина времени? – Карие глаза поочередно моргнули. – Боюсь, произошла некоторая путаница. Я не вполне улавливаю значение этого термина.

– Эта штука. – Дэн ткнул пальцем в клетку. – Машина, на которой я сюда прибыл. Вы хотите, чтобы я...

– Машина времени, – повторил голос. – Это некая разновидность хронометра?

– Э-э?..

– Я горжусь моим владением местными идиомами, но должен признаться, что предполагаемая концепция меня ошеломила. – Девятипалые руки легли на стол, голова-мяч заинтересованно подалась вперед. – Объясните же мне, Дэн, что такое машина времени?

– Ну, это то, что вы используете для путешествий во времени.

От волнения карие глаза снова замигали по очереди.

– Очевидно, я завалил изучение местного культурного контекста. Я даже не догадывался, что вы способны на такое. – Громадная голова запрокинулась, широкий рот стремительно открывался и закрывался. – И подумать только, я трачу тут время, собирая примитивное двумерное искусство!

– Но... разве у вас нет машины времени? То есть разве это не она?

– Это? Всего лишь переносчик. А теперь расскажите поподробней про ваши машины времени. Какая увлекательная концепция! Мое начальство будет в восторге – и в изумлении! – от такого поворота событий. Они-то считают эту планету безнадежным захолустьем.

– Ваше начальство? – Дэн посмотрел на окно.

Слишком высоко, не выпрыгнешь. Может, получится добраться до машины и сбежать...

– Я надеюсь, вы не намерены внезапно покинуть меня? – сказал пляжный мяч, проследив за взглядом Дэна. Один из восемнадцати пальцев коснулся лежащего на столе шестидюймового желтого цилиндра. – Боюсь, переносчик совершенно бесполезен, пока запрограммируется. Но, чтобы ввести вас в курс дела, давайте-ка я представлюсь и объясню, чем тут занимаюсь. Я Блоут, торговец четвертого класса на службе у Веганской конфедерации. Моя работа – добывать новые источники новизны для рынка влечений. Я обеспечиваю весь Второй квадрант.

– Но как же способ, которым Перси с Фиорелло проплыли через стену! Что это, если не машина времени! Что еще может просто взять и возникнуть в воздухе?

– Мне кажется, Дэн, вы заикнулись, – упрекнул Блоут. – Откуда такая уверенность, что, раз уж ваш народ освоил перемещение во времени, то и все остальные это умеют? А теперь, – Блоут перешел на басовитый шепот, – я хочу заключить с вами сделку, Дэн. Вы добудете для меня небольшую машину времени в хорошем состоянии. Взамен же...

– Я должен добыть для вас машину времени?

Блоут погрозил Дэну коротким и толстым пальцем:

– Мне неприятно на это указывать, Дэн, но в данный момент вы находитесь в весьма щекотливом положении. Незаконное проникновение, завладение чужим имуществом, нарушение чужого права собственности... К этому добавим известный конфуз в резиденции Снитана. Полагаю, мистер Келли встретил бы вас с огромным энтузиазмом. И конечно же, мне самому придется весьма жестко реагировать на любую вашу попытку сбежать. – Веганец согнул все восемнадцать пальцев, побарабанил щупальцами по столу и закатил один глаз, а второй уставился на Дэна.

– Но с другой стороны, – продолжал вещать басом Блоут, – у нас с вами есть основа для превосходной сделки. Вы достанете для меня машину, а я в изобилии обеспечу вас местным средством обмена. Я бы сказал, вполне справедливый договор. Ну так как, Дэн?

– Э-э... дайте-ка подумать, – попытался тянуть Дэн. – Машина времени, машина времени...

– Не пытайтесь меня одурачить, Дэн, – зловеще пророкотал Блоут.

– Я бы пожалуй, заглянул в телефонный справочник, – предложил Дэн.

Блоут молча протянул том с загнутыми углами страниц. Дэн открыл его.

– Время, время... Ну-ка, ну-ка... – Он просиял. – «Время инкорпорейтед», местное отделение. Мэпл-стрит, двести двадцать один.

– Центр продаж? – тут же осведомился Блоут. – Или производственный комплекс?

– И то и другое, – сказал Дэн. – Я просто сметаюсь и...

– В этом нет необходимости, Дэн, – сказал Блоут. – Я составлю вам компанию.

Он взял справочник и заглянул в него.

– Поразительно! Обычный товар, продающийся открыто, а я как-то умудрился его не заметить! – Он подошел к столу, порылся в ящике и вернулся с пригоршней топливных элементов. – Пойдемте, Дэн. Поторопитесь.

Дэн нерешительно подошел к переносчику. Блеф был хорош, но уже почти исчерпал себя. Дэн занял свое место. Блоут передвинул рычаг. Вспыхнуло знакомое голубое свечение.

– Будьте так любезны, указывайте дорогу, – велел Блоут. – Вы, кажется, сказали – Мэпл-стрит, двести двадцать один?

– Я не очень хорошо знаю город, – отозвался Дэн, – но Мэпл-стрит в той стороне.

Блоут заработал рычагами. Переносчик взмыл в призрачное дневное небо. Внизу, словно на тусклых негативах, виднелись очертания зданий. Дэн огляделся и заметил надпись на прямоугольном сооружении.

– Вот оно!

Машина под управлением Блоута плавно снижалась к плоской крыше.

– Позвольте, я теперь поручу, – предложил Дэн. – Хочу убедиться, что указал правильное место.

– Хорошо, Дэн.

Дэн провел переносчик через крышу и спустился в смутно различимый кабинет. Блоут повернул небольшую круглую ручку. Обстановка вокруг переносчика сделалась еще более размытой.

– Нам лучше остаться незамеченными, – объяснил Блоут.

Клетка размеренно снижалась. Дэн внимательно смотрел, выискивая ориентиры. Он спустился на второй этаж и повел переносчик по едва различимому коридору. Блоут вращал глазами, разглядывая небольшие помещения по обе стороны коридора.

– Ага, это, должно быть, сборочная площадка! – воскликнул он. – Я смотрю, тут применяется конструкция наподобие решетки, прямо как у нас!

– Совершенно верно, – сказал Дэн, вглядываясь в дымку. – Здесь они и делают машины...

Внезапно он рванул рычаг. Машина резко свернула влево, проскочила через запертую дверь и остановилась. Перед клеткой выросли две призрачные фигуры. Дэн повернул выключатель. Если он просчитался...

Кабинет засветился, вспыхнули розовые искры, а потом все вокруг внезапно приобрело резкость. Блоут выбрался из переносчика; карие глаза вращались, разглядывая голые бетонные стены, решетчатую дверь и...

– Ты! – взвыл хриплый голос.

– Хватай его! – вторил другой.

Блоут отпрянул и замолотил ходильными конечностями в бесплодной попытке вернуться в переносчик, но путь ему преградили Перси и Фиорелло. Дэн дернул рычаг. Он успел еще заметить три сцепившиеся призрачные фигуры, сияющие голубым, а потом переносчик проскочил через стену камеры.

Дэн со вздохом откинулся на спинку кресла. Теперь, когда он в безопасности, надо обдумать следующий шаг, и поскорее. Вполне возможно, что у Блоута имеется и другая техника. Придется спрятать переносчик, а потом...

Откуда-то донеслось низкое ворчание; тембр и громкость неуклонно росли. Дэн встревоженно выпрямился. Ну до чего же неподходящий момент для технического сбоя!

Звук сделался выше и превратился в пронзительный вопль. Дэн заткнул уши – казалось, все полицейские сирены города взвыли одновременно. Если переносчик остановится, падать будет высоко. Дэн завозился с рычагами, опускаясь поближе к земле.

Шум вроде бы начал слабеть. Дэн притормозил и привел переносчик в угол просторного парка, после чего повернул выключатель.

Когда свечение погасло, сирены тоже смолкли.

Дэн вышел из переносчика и огляделся. Чем бы ни был этот шум, он не привлек ни малейшего внимания редких посетителей парка. Может, что-то вроде охранной сигнализации? Но если так, почему нет никаких последствий? Дэн перевел дыхание. Надо вернуться в переносчик и переправить его в безопасное место, чтобы там не спеша изучить. Он вошел в машину, протянул руку к рычагу...

Внезапно стало очень холодно. Глянцевые ручки настройки покрылись инеем. Раздался громкий хлопок, как будто взорвалась гигантская лампа. Дэн уставился на переливающийся всеми цветами радуги прямоугольник, который повис в воздухе рядом с клеткой. Прямоугольник зарябил, потускнел, почернел. А потом, вместе с порывом ледяного воздуха, из него вышел некто высокий, в облегающем белом мундире.

Уронив челюсть, Дэн разглядывал небольшую круглую голову, темнокожее лицо с длинным носом, длинные мускулистые предплечья, кисти, поросшие вьющимся рыжевато-коричневым волосом, дикий ступни с высоким подъемом, обутые в мягкие сапоги. Из-под аккуратной круглой шапочки с небольшим козырьком на Дэна смотрели глубоко посаженные желтоватые глаза. Широкий рот раскрылся в улыбке, демонстрируя прямоугольные желтоватые же зубы.

– Alors, monsieur, – сказал новоприбывший, сгибая колени и спину в быстром поклоне. – Vous êtes une indigène, n'est-ce pas?¹

– No compree, – выдавил из себя Дэн. – Э-э... juh no parlay Fransay...²

– Моя ошибка. Так, значит, это английский колониальный сектор? Я сгруппировал. Позвольте представиться: Джакун, полевой агент пятого класса, Межизмеренческая служба контроля.

– Та сирена, – сказал Дэн. – Это были вы?

Джакун кивнул:

– Мне на мгновение показалось, что вы не желаете останавливаться. Я рад, что вы решили действовать разумно.

– Как-как вы сказали? Откуда вы? – спросил Дэн.

– Из Межизмеренческой службы контроля.

– Меж какой?

– Измеренческой. Конечно же, слово не вполне точное, но это лучшее, что смогло подобрать наше устройство-переводчик для англика.

---

¹ Так, месье, я полагаю, вы местный, верно? (фр.)

² Не понимаю. Я не говорю по-французски. (Ломаный французский.)

– И чего вы от меня хотите?

Джакун укоризненно улыбнулся:

– Вы же знаете, какое наказание полагается за управление нештатным реверс-фазовым средством передвижения на Запретной территории. Вам придется проследовать со мной в управление.

– Погодите! Вы что, арестовываете меня?

– Это весьма грубое выражение, но, думаю, можно сказать и так.

– Послушайте... э-э... Джакун. Я просто случайно заехал сюда с улицы. Я ничего не знаю про запрет и про реверс-фазовый транспорт. Пожалуйста, отпустите меня.

Джакун покачал головой:

– Боюсь, вам придется обсудить это с инспектором.

Он любезно улыбнулся и указал на мерцающий прямоугольник, из которого вышел. Кромки у прямоугольника были расплывчатыми. Выглядит как дыра, подумалось Дэну, прорезанная в реальности. Он посмотрел на Джакуна. Если резко подшагнуть и ударить левой в голову, а правой под ребра...

– Я, конечно же, вооружен, – словно извиняясь, сказал агент.

– Ладно, – вздохнул Дэн. – Но я иду против своей воли.

– Не волнуйтесь, – бодро сказал Джакун. – Просто быстро шагните вот сюда.

Дэн подошел к мерцающей плоскости. Он стиснул зубы, зажмурился и сделал шаг. На миг его словно опалило иссушающим жаром...

Дэн открыл глаза. Он находился в длинной узкой комнате со стенами, выложенными ярко-зеленой плиткой. С высокого потолка лился яркий желтый свет. Вдоль стены были устроены небольшие отгороженные кабинки. Вокруг сновали высокие существа в белых мундирах. Неподалеку стояла группа невысоких, чрезвычайно плотно сбитых индивидуумов в желтом. У противоположной стены Дэн заметил высокую фигуру в красном, с покатыми плечами и буйными волосами, окаймляющими ярко-синее лицо. Существо с руками даже длиннее, чем у Джакуна, ковыряло зубочисткой в больших белых клыках.

– Вот сюда, – сказал Джакун.

Дэн прошел следом за ним в одну из кабинок, его проводили любопытными взглядами. Там за столом сидело существо, похожее на агента Джакуна, как две капли воды, если не считать красных витых нашивок на обшлагах мундира. Существо подняло голову и посмотрело на Дэна.

– Я поймал реверс-фазного нарушителя, Гхант, – сказал Джакун. – Англикский сектор, локус С 922А4.

Гхант встал:

– Одну минуточку. Англикский сектор?... Ах да!

Он протянул руку. Дэн осторожно взялся за нее. Рука была странная – горячая, сухая, с загрубевшей кожей, будто подушечки собачьих лап. Дэн дважды сжал ее и выпустил.

– Изумительная экспрессивность, – сказал Гхант. – Руки пустые, оружия нет. Потенциальная свирепость... – Он с любопытством взглянул на Дэна. – Поразительно. Я, конечно же, изучал вашу ветвь, но никогда прежде не имел удовольствия видеть ее представителя. Эта кожа... Потрясающе! Позвольте взглянуть на ваши руки.

Дэн протянул руку. Существо взяло ее костлявыми пальцами, рассмотрело, повернуло, изучило ногти. Подступив ближе, осмотрело глаза и волосы Дэна.

– Не могли бы вы открыть рот? Будьте так добры.

Дэн повиновался. Гхант с квохтаньем уставился на его зубы. Потом с восторженным бормотанием обошел Дэна.

– Э-э... простите, – сказал Дэн, – но вы... Что, в будущем люди будут выглядеть вот так?

– А? – Круглые желтоватые глаза моргнули, широкие губы изогнулись в усмешке. – Сильно в этом сомневаюсь, старина. Полмиллиона лет расхождения в эволюции не изменишь, сами понимаете.

– Вы хотите сказать, что вы из прошлого?

– Из прошлого? Боюсь, я вас не совсем понимаю.

– Не следует ли понимать вас так, что все мы вымерем и нас сменят обезьяны?! – выпалил Дэн.

– Обезьяны? Минуточку... Что-то я о них слышал. Это мелкие приматы, наподобие миниатюрных антропосов. У вас на родине есть такие, да? Восхитительно! – Гхант с сожалением покачал головой. – Ах, как бы хотелось, чтобы регламент позволил мне навестить ваш сектор!

– Но вы же путешественники во времени! – не унимался Дэн.

– Путешественники во времени? – расхохотался Гхант.

– Это опровергнутая теория, – сказал Джакун. – Предрассудок.

– Тогда как же вы попали отсюда в тот парк?

– Обычный узконаправленный портал. Всего лишь элементарная механика напряженного поля.

– Мне это мало что говорит, – сказал Дэн. – Где я? Кто вы такие?

– Объяснения, конечно же, уместны, – сказал Гхант. – Присаживайтесь. Итак, если я правильно помню, в вашем локусе ныне обитает лишь несколько видов антропосов...

– Всего один, – вклинился Джакун. – На вид они кажутся хрупкими, а реально – охренеть можно!

– Ах да, припоминаю. Это тот самый локус, в котором безволосая разновидность полностью извела всех остальных. – Гхант фыркнул, глядя на Дэна с упреком. – Вам там не одиноко?

– Конечно, в этом секторе имеется пара весьма любопытных недоразвитых видов, – сказал Джакун. – Настоящие живые ископаемые. Субразумные антропосы. Так называемые гориллы, а еще шимпанзе, орангутаны, гиббоны – и, конечно, множество миниатюрных разновидностей.

– Я полагаю, когда эта свирепая мутация заняла доминирующее положение, остальные отступили в экологические ниши с меньшим уровнем конкуренции, – пробормотал Гхант. – Жаль. Полагаю, горилла и прочие – выродившиеся виды?

– Возможно.

– Прошу прощения, – сказал Дэн, – но вы обещали объяснить...

– Ах да, извините. Итак, начнем с того, что мы с Джакуном... э-э... австралопитеки, если пользоваться вашей терминологией. Мы одна из множества разновидностей антропосов, происходящих из нормальных локусов. Работники в желтом, которых вы могли заметить, сродни вашим вымершим неандертальцам. Есть еще синантропы – это те, синелицы, – родезийские люди...

– Что такое эти локусы, которые вы постоянно упоминаете? И как пещерные люди могут существовать до сих пор?

Взгляд собеседника устремился куда-то за спину Дэну. Гхант вскочил:

– Добрый день, инспектор!

Дэн обернулся. На него мрачно смотрел седеющий австралопитек со сложным переплетением красных шнуров на воротнике и обшлагах.

– Альбинизм и аллопеция, – хмыкнув, сказал инспектор. – Надеюсь, это не заразно?

– Генетический дефект, ваше превосходительство, – сказал Джакун. – Это гомо сапиенс, врожденно безволосый вид из одного занятого локуса.

– Сапиенс? Сапиенс? Кажется, что-то припоминаю. – Прищурившись, начальник посмотрел на Дэна. – Вы не... – Он пошевелил пальцами в попытке подтолкнуть память и вдруг напрягся. – Ах да, это же один из тех психов, практикующих братоубийство! – Инспектор

попятился. – Гхант, почему он у вас не в наручниках?! Констебль! Группу захвата сюда! Это существо опасно!

– Инспектор, я уверен... – начал было Гхант.

– Это приказ! – рявкнул инспектор.

Он принялся выкрикивать команды на каком-то непонятном языке. Тут же появились кражистые неандертальцы и схватили Дэна за руки. Он окинул взглядом смуглые большеротые лица, почти лишенные подбородка, с прямыми светлыми волосами и совершенно неуместными голубыми глазами.

– Что происходит?! – возмутился он. – Я требую адвоката!

– И не надейтесь! – выкрикнул инспектор. – Я знаю, как управляться с такими негодьями! – Он посмотрел на Дэна с отвращением. – Безволосый! Цвета штукатурки! Омерзительный! Замыслил устроить тут новую бойню, да? Планируешь проникнуть в цивилизованные локусы, чтобы уничтожить все конкурирующие виды жизни?

– Это я привел его сюда, инспектор, – вмешался Джакун. – За обычное нарушение правил движения.

– Здесь я решаю, что обычно, а что нет! Эй, сапиенс! Что за злодейские планы ты строишь?

– Дэниел Слейн, гражданское лицо. Номер социального обеспечения – 456-7329-988, – сказал Дэн.

– Чего?

– Имя, звание и личный номер, – объяснил Дэн. – Больше я ни на какие вопросы отвечать не стану.

– Это уголовно наказуемое перемещение, сапиенс! Ты незаконно покинул свой локус, умышленно препятствуешь правосудию...

– А еще родился без разрешения и дышу без спроса.

– Наглец! – рявкнул инспектор. – Я тебя предупреждаю, сапиенс, – у меня достаточно полномочий, чтобы устроить тебе сладкую жизнь! А пока объясни, как ты вынудил агента Джакуна доставить тебя сюда?

– Ну, пришла добрая фея и взялась выполнить три желания...

– Уведите его! – визгливо крикнул инспектор. – Отправьте в девяносто седьмой сектор, в необитаемый локус!

– Необитаемый? Это уже как-то чересчур, разве нет? – сказал один из стражников, наморщив лоб с массивными дугами.

– Я сказал – необитаемый! А если это тебя так беспокоит, могу отправить туда за компанию!

Неандерталец-охранник широко зевнул, продемонстрировав белые зубы, и жестом велел Дэну идти вперед.

– Не обращайтесь внимания на Спогходо, – громко сказал он. – Он стареет.

– Извините за это все, – прошипел над ухом у Дэна чей-то голос. То ли Джакун, то ли Гхант – Дэн не понял – наклонился к нему. – Боюсь, вам придется проследовать в пенитенциарную зону, но я постараюсь все исправить.

Собрав позади себя множество зевак, охранники провели Дэна мимо кабинок, в которых деловитые агенты МИСК отчитывались перед утомленными начальниками, потом через сводчатый проход в комнату с узкими серыми стенными шкафчиками, похожую на раздевалку при спортзале.

– Девяносто седьмой, – сказал охранник. Он подошел к настенной карте, поводил по ней корявым волосатым пальцем, понажимал кнопки на круглом пульте с цифрами. – Ну, приступим. – Он нажал кнопку рядом с одним из шкафчиков. Поверхность шкафчика затуманилась и сделалась радужной.

– Давай, проходи быстренько. Ни пуха ни пера.
– К черту. – Дэн пригнул голову и проскочил сквозь отверстие, из которого веяло холодом.

3

Он очутился на крутом склоне; далеко внизу, за простором лугов, раскинулась равнина. Там виднелись рощицы и речка. В отдалении среди низкорослого кустарника паслось стадо каких-то животных. Но по дну долины не проходила дорога, реку не усеивали крапины лодок, а в ее излучинах не ютились селения. На дальних холмах не было ни троп, ни оград, ни домов, ни прямоугольников вспаханных полей. В огромном синем небе не было инверсионных следов. Ни долетевшего откуда-то запаха выхлопных газов, ни бормотания двигателя внутреннего сгорания. Ни консервных банок, ни банок из-под пива...

Короче говоря, здесь не было людей.

Дэн повернулся. Портал все еще слабо светился в прозрачном воздухе. Дэн просунул в него голову и обнаружил, что смотрит в «раздевалку». На него уставился облаченный в желтое неандерталец.

– Послушайте, – сказал Дэн, стараясь не обращать внимания на то, что шею словно стянуло горячей проволокой, – может, как-нибудь договоримся?

– Лучше уберите голову, пока проход не захлопнулся, – бодро сказал охранник. – А то будет вжух – и все!

– Как насчет информационных материалов? И взгляните, я подхватил насморк. Тут холодно по ночам? Есть опасные животные? Чем мне питаться?

– Вот. – Охранник полез в урну и вытащил пачку брошюр. – Вообще-то, они для тех, кого переместили без ограничения прав. Ну, знаете, для бедолаг, которые ненароком слишком много увидели. Но я вам дам одну. Сейчас, минутку... Англик, англик... – Он выбрал брошюру и вручил ее Дэну.

– Спасибо.

– А теперь валите отсюда.

Дэн убрал голову из прохода, сел на траву и поднес к глазам брошюру. Красивая, цветная. На обложке изящный текст: «Добро пожаловать в передислокационный центр № 23». Под заголовком фотография группы угрюмых существ разного роста и степени волосатости, в бумажных шляпах. Под фотографией обещание: «Новичков ожидает бурная общественная деятельность. Привет, новичок!»

Дэн открыл брошюру. Фото вроде предыдущего, только вместо луга – парковый газон, а по нему разбросаны домики с длинными террасами, на которых выстроились кресла-качалки. Под раскидистыми деревьями – столы для пикника, а на реке – пристань, плотно окруженная весельными лодками.

«Жить в Общественном центре очень круто! – прочитал Дэн. – Множество увлекательных занятий! Девочки-скауты, мальчики-скауты, парни-скауты, девушки-скауты, морские скауты, лесные скауты, пещерные скауты, родительский комитет, Братья Храма, культ медведя, Ротари-клуб, Дочери Восточной Звезды, Матери Большого Банана, дианетики – выбор за вами! Группа для каждого и каждый в группе!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.